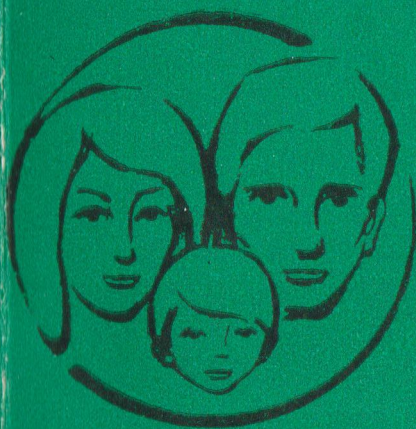

С. И. Голод

Стабильность семьи

социологический
и демографический
аспекты

« НАУКА »

Ленинградское отделение

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы современной демографической ситуации в СССР, переход к новому типу воспроизводства населения¹ значительной части страны привлекают внимание специалистов многих дисциплин. Повышенный интерес к ним обусловлен характером происходящих изменений. Региональная и национальная дифференциация демографических показателей, множество взаимодействующих социально-психологических, социально-экономических и социально-биологических факторов, определяющих уровень и базовые компоненты рождаемости, делают ее изучение крайне сложным, обостряя вместе с тем необходимость обоснования путей и методов общественного регулирования семейно-демографических процессов.

Наряду с общественно организованными формами инфраструктуры семья как социальный институт ответственна за весь комплекс вопросов воспроизводства человека. Этим в первую очередь определяется совокупность нормативных требований к ее функционированию. В то же время специалистам известно, что современная семья, особенно в условиях крупных городов, находится в стадии интенсивных изменений. Это приводит в конечном счете к переосмыслению и уточнению социальных требований к ней. За последние годы были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье и республиканские кодексы о браке и семье. Большое внимание принципам взаимоотношения семьи и государства уделено в Конституции СССР 1977 г. XXVI съезд КПСС разработал систему «мер по улучшению жизни женщин-матерей и подрастающего поколения», увеличению «в этих целях государственной помощи

БИБЛИОТЕКА

семьям с детьми и молодоженам», для одиноких матерей были повышены размеры ежемесячных пособий на ребенка.² Тем самым подтверждена ведущая роль семьи в демографических процессах и воспитании детей.

В научном плане становится все более очевидным, что явления в брачной и репродуктивной сферах, вскрытые в 60—70-е годы, уже не могут интерпретироваться однозначно, как отклонение от норм, а должны рассматриваться как признаки существенных эволюционных сдвигов в самом институте семьи. Таковы тенденции к снижению рождаемости, малодетности и сознательной бездетности, характерные для крупных городов и индустриально развитых регионов страны.³ К числу подобных же явлений можно отнести и распространение добрачной практики сексуального поведения молодежи, которое по своим мотивам непосредственно не связано ни с прокреативными (от лат. *procreatio* — рождение, произведение на свет), ни с брачными интересами.⁴ Одно из следствий этой тенденции (при отсутствии твердых навыков сознательной регуляции) — рост доли добрачных зачатий нередко единственного ребенка. Часть этих зачатий приводит к браку и, вероятно, не сказывается негативно ни на супружестве, ни на детях. Другая часть порождает неполные семьи, источниками последних служат также разводы и овдовения.

Для того чтобы объяснить отмеченные здесь тенденции, необходимо проследить и выявить перспективы их дальнейшего развития, генеральное направление эволюции семьи и репродуктивной деятельности. Однако решение этой задачи невозможно без предварительного уточнения некоторых теоретических принципов.

Основное нормативное требование, предъявлявшееся к традиционной (патриархальной) моногамии, сводилось к неременной слитности и однозначно заданной последовательности брачности, сексуальности и прокреации. В самом деле, сексуальные отношения до брака, рождение ребенка вне брака и самоценность сексуального общения мужа и жены считались нарушением социокультурных норм. К нарушителям этих обычаев применялись жесткие санкции. Например, в российской деревне вплоть до конца XIX в. женщине, родившей ребенка вне брака, грозил позор и презрение односельчан.⁵ Конечно, рассуждая в общем, мы не погрешим против истины, если предположим наличие большего или меньшего несовпадения

(в зависимости от конкретных условий места и времени) рассматриваемых видов поведения в европейском докапиталистическом обществе.

Как известно, еще древнегреческий законодатель Солон (VI в. до н. э.) открыл первые доктерионы.⁶ Правда, они в принципе задумывались как семейно-охранительные учреждения, дабы неженатые мужчины, не могущие содержать наложниц, не устанавливали бы контактов с замужними женщинами. И все же исключить вероятность посещения этих заведений мужчинами, состоящими в браке, было вряд ли возможно. К этому же времени относится зарождение гетеризма как одной из разновидностей любовной внебрачной связи. Свидетельством наличия внебрачной сексуальности и деторождения может также служить конкубинат.⁷ И хотя ни первое, ни второе не имело массового распространения, они подвергались правовым, моральным, а впоследствии и религиозным санкциям. Жесткость санкции поддерживала в обыденном сознании представление о брачности и «брачной» рождаемости как социальной норме. Поэтому человек, не состоящий в браке или не имеющий детей, ощущал свою ущербность. Можно, следовательно, заключить, что в этих условиях семья обладала монополией на регулирование сексуальных отношений и на воспроизводство детей.

В новое время сперва постепенно, а с начала XX в. интенсивно переосмыслиется значимость сексуальности. Во-первых, становится тривиальным понимание несводимости супружеской сексуальности к деторождению. Как справедливо отмечают социопсихологи из ГДР Г. Гибш и М. Форверг, у человека в отличие от животных сексуальность не является специфической потребностью, так как у него произошла редукция инстинктов, и «наступающее при половом акте чувственное наслаждение отделяется от биологической цели продолжения рода и может быть самостоятельной целью».⁸ По существу к тому же выводу, но с иных позиций приходят и демографы. При изучении современного типа прокреативного поведения исследователи столкнулись с парадоксальным фактом. Сегодня одна здоровая женщина, состоящая в браке, на протяжении всего репродуктивного периода (границы которого, как известно, расширились примерно до 35 лет) могла бы родить десять-двенадцать детей. (Эта величина получена в результате наблюдения за населением с самой высокой рождаемостью.) Реально же женщина рождает в среднем не более двух-трех. В чем же дело? Оказывается, за резким снижением рождаемости скрываются «огромные перемены в структуре демографического поведения. Массовое

репродуктивное поведение обособилось от полового и брачного, стало автономным».⁹

Во-вторых, сексуальность раздвигает границы своего распространения. Выходя за пределы брака, она приобретает в равной мере существенное значение как для мужчин, так и для женщин.¹⁰ Более того, происходит активная переориентация на возможность таких отношений вне института брака. Все названные перемены способствовали зарождению новой системы ценностей и отношений. Представляется, что происшедшие изменения по их характеру, глубине и значению могут быть названы революционными.¹¹ В связи с этим актуализировалась проблема нахождения критерия, позволяющего оценить с позиций нравственности повседневную практику человека в данной сфере.¹²

Не менее существенные сдвиги характеризуют процесс рождаемости. В частности, за последние годы зафиксирован довольно стабильный рост добрачных зачатий. Так, анализ архивного материала Ленинградского дворца «Малютка» показал: из 287 супружеских пар, зарегистрировавших в декабре 1963 г. рождение первенца, 69 (или 24%) зачали ребенка в среднем за три месяца до юридического оформления брака; в декабре 1968 г. из 852 пар таких было 196 (или 23%), в декабре 1973 г. из 851 пары до регистрации брака зачали ребенка 240 (или 28%) и наконец, в декабре 1978 г. из 643 пар — 243 (или 38%).¹³ Аналогичная тенденция нами установлена и при рассмотрении регистрационных актов за тот же период по Московскому району Ленинграда.

Стала реальным фактом и внебрачная рождаемость. Так, статистические данные по БССР за 1965—1975 гг. указывают на неизменность показателя внебрачной рождаемости — 7.4—7.9%.¹⁴ Несмотря на практическую неизменность в течение значительного промежутка времени доли внебрачных рождений в числе всех рождений, в возрастных группах 15—19 лет и 40—44 лет эти коэффициенты постоянно увеличиваются. К примеру, в 1970 г. относительно 1959 г. в первой совокупности рост составил 2.3 раза, во второй — 1.7 раза, а за последующие пять лет коэффициент среди 15—19-летних увеличился еще в 1.6 раза.¹⁵ Объяснения наибольшей представительности указанных групп, разумеется, могут быть различны. Но главное несомненно — 15—19-летние женщины становятся матерями, как правило, по необходимости: вследствие не

сформировавшегося личностного ядра, ее установок и ценностей, а также ввиду отсутствия элементарных знаний в области биологии человека; сорокалетние — сознательно, испытывая настоятельную потребность в семье и детях.

Активизация внебрачной рождаемости, без сомнения, сопряжена с эволюцией нравственного сознания. При опросе 323 молодых незамужних работниц Минского камвольного комбината им был задан вопрос: «Считаете ли Вы, что для девушки позорно иметь внебрачного ребенка?». Учитывая форму постановки вопроса («любовой») и смысловую значимость подсказки: «позорно — не позорно» (терминология, имеющая откровенно негативный оттенок), а также специфику выборочной совокупности (женщины, мигранты, проживающие в общежитии, с невысоким уровнем образования, т. е. группа с наибольшей моральной инерцией), следовало ожидать однозначной отрицательной реакции. На самом же деле 13.6% ответили «не позорно» и еще около 20% — не поддержали ни одну из крайних позиций, стало быть, они уже усомнились в безусловной справедливости традиционной нормативности. Но даже те, кто осудил внебрачную рождаемость, когда перед ними был поставлен вопрос в проективной и опосредованной форме — «Что бы Вы сделали, если бы Ваш брат решил жениться на девушке, имеющей внебрачного ребенка?», — проявили значительную гибкость. Более 60% респонденток ответили: «Ничего бы не сделала. Ребенок не помеха», и только 20% ответили, что попытались бы воспрепятствовать такому браку.¹⁶ Но самое важное, что следует подчеркнуть, — определенное количество женщин не воспринимают деторождение как исключительно брачный атрибут.¹⁷

В то же время, судя по нашим опросным данным (1981 г.), около 1/3 супружеских пар — фактически не имеющих детей — считают рождение ребенка помехой супружеству (женщины больше, чем мужчины, — 35.6 против 28.9%), по крайней мере на начальной стадии развития брака. Несколько ранее это же явление констатировалось рижскими демографами: «Отдельные ответы, — замечают Ш. Шлиндман и П. Звидриньш, — свидетельствуют о том, что некоторые женщины удовлетворены отсутствием детей в семье и считают бездетную семью даже идеальной».¹⁸

Приведенная аргументация, без сомнения, указывает на фундаментальность зафиксированного процесса, суть

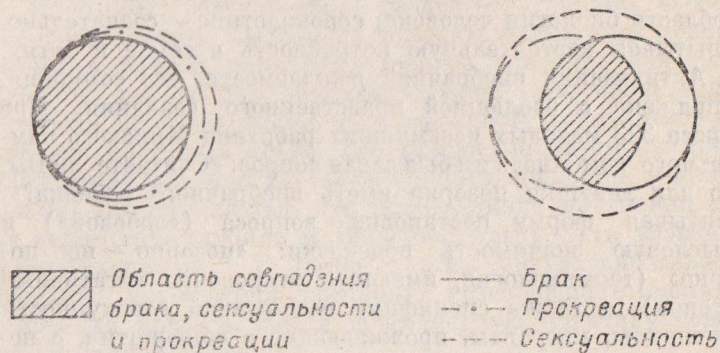

Рис. 1. Соотношение трех видов человеческого поведения — брачного, сексуального, прокреационного.

которого — автономизация матримониального, сексуального и прокреативного поведения. Схематично эту ситуацию можно представить следующим образом (рис. 1).

Что же следует из принципа автономии? С социологической точки зрения, обнаруживается неоднозначность, ненавязчивость, гибкость нормативной системы. Действительно, предпочтительно, но необязательно вступление в брак; желательно иметь детей, но и бездетность не представляется аномальным состоянием. Короче, современная нормативность, будучи общественным регулятором, в большей мере учитывает личностное своеобразие человека, чем нормативность традиционная.

В методологическом плане становится очевидной необходимость раздельного анализа имманентных закономерностей каждой из вычлененных выше сфер человеческого поведения. Однако сама эта возможность открывается исключительно на стыке наук. К примеру, сексуальность нельзя понять, как это подчас делается до сих пор, изучая исключительно семью. Раскрытие внутренних закономерностей сексуального поведения человека связано с комплексом естественных (общая биология, генетика пола, эндокринология и т. п.) и общественных (психология, социология, этика и т. п.) наук.¹⁹ То же самое можно утверждать относительно брачности и рождаемости.

В настоящей работе ставится цель проследить исторические тенденции изменения семьи, выявить специфиче-

ские закономерности становления современной ее формы, а также уяснить социально-психологические аспекты воспроизводства человека и возможную зависимость прокреации от семейной стабильности.

Рождаемость — сложный процесс, протекающий под воздействием многих социально-экономических и социально-психологических факторов. Она, как известно, детерминирована конкретно-историческими условиями, преломляющимися в сознании людей, формирующими социальные нормы и диктующими определенное репродуктивное поведение, т. е. более или менее осознанные решения родителей о том, сколько и когда иметь детей. Поэтому разработка мер демографической политики предполагает углубленное изучение всех этапов воспроизводственных отношений супругов с применением статистических, демографических и социологических методов.

В своем исследовании мы, помимо широкого литературного материала (этнографического, демографического, социологического и медицинского), опирались на ряд собственных эмпирических опросов: 350 человек, состоящих в браке и представляющих техническую и медицинскую интеллигенцию (1966—1968 гг.); 4000 студентов 18 вузов страны, изучавшихся в рамках проекта «Образ жизни» (1978 г.); 250 супружеских пар — в рамках проекта «Стабильная семья» (1978 г.); 250 супружеских пар — в рамках проекта «Семья и воспроизводство человека» (1981 г.).

Автор выражает признательность И. С. Кону, Б. М. Левину, В. Т. Лисовскому, Э. В. Соколову, а также В. Б. Голофасту и М. Н. Межевичу, ознакомившимся с книгой в рукописи и сделавшим ряд ценных критических замечаний. Он также глубоко признателен научным сотрудникам ИСЭП АН СССР О. Б. Божкову, Л. Д. Докторовой и заведующему лабораторией НИИКСИ ЛГУ В. Ф. Тарасову за помощь в статистической обработке эмпирических данных.

1. Трансформация семьи: социокультурный анализ

До начала XIX в. в публикациях о семье безраздельно господствовала точка зрения о неизменном состоянии моногамии. Но накопление этнологических сведений о племенах Америки и Африки поколебало эту позицию. И хотя некоторые исследователи (Э. Вестермарк, К. Старке) по-прежнему придерживались в основном традиционалистских взглядов, другие (Л. Морган, Г. Кунов) стали разрабатывать эволюционистскую концепцию.

Новый импульс этой концепции придали работы К. Маркса и Ф. Энгельса. Они показали, что семья в своем развитии прошла большой и сложный путь, вершиной которого явилась моногамия.¹ И главное: последнее состояние — не застывшая форма, ибо семья вообще, и моногамная в частности, находится как под непосредственным, так и под опосредованным воздействием общества, в силу чего будет и впредь изменяться вместе с ним.² Правильность этого тезиса вскоре подтвердилась. Так, на рубеже XIX—XX вв. в России стали обнаруживаться следующие факторы: увеличение числа женщин и мужчин, никогда не вступавших в брак, падение рождаемости, рост разводов, широкое распространение сексуальных контактов вне семьи (в том числе проституции), отмирание контроля со стороны религии и эмансипация женщин (вследствие их вовлеченности в профессиональную деятельность) от патриархальной зависимости. Интерпретация этих явлений не была однозначной: одни считали, что речь идет о дезорганизации семьи, другие — об ее эволюции.³

В дальнейшем стала очевидной принципиальная правота последней позиции: семья перманентно играет важ-

ную роль в обществе — брак фактически имеет всеобщее распространение,⁴ а бездетность в браке наблюдается относительно редко даже при низком уровне плодovitости.⁵ Признание эволюции семьи, естественно, породило новую проблему — проблему выявления направленности в трансформации моногамных отношений.

Уникальная возможность дать ответ на поставленный вопрос открывается перед советскими исследователями. Действительно, так как семья находится в тесной зависимости от общества, то сравнительный анализ разных этнокультурных регионов СССР (что совпадает с различиями исторически сложившихся уровней индустриальной урбанизации) должен высветить общие закономерности ее развития.

Репрезентативный выборочный статистический материал указывает на многообразие типов прокреативной деятельности, обусловленных в первую очередь этнической принадлежностью. Проиллюстрируем указанную зависимость, расположив некоторые национальности в порядке убывания средних показателей ожидаемого числа детей на одну женщину: узбечка — 6.26, киргизка — 6.04, армянка — 3.42, грузинка — 2.83, русская — 2.0 и латышка — 1.99. На полюсах представленной шкалы оказались национальности, придерживающиеся в прокреации диаметрально противоположных ориентаций. В то же время, по утверждению авторов опроса, среди узбеков, киргизов, таджиков, туркмен, азербайджанцев наметилась дифференциация. Подмечено, например, распространение сознательного регулирования деторождаемости у азербайджанцев.⁶ Словом, одни народности уже завершили переход к малодетности, вторые приближаются к ней, а третьи еще далеки от завершения этого процесса.

Некоторое представление о семейной эволюции, без сомнения, дает динамика ее структуры (табл. 1).

Материалы переписей зафиксировали разнородные явления: во-первых, стабилизацию среднего размера семьи в Эстонии, во-вторых, тенденцию к его снижению в Латвии, РСФСР и на Украине, в-третьих, достаточно высокие показатели, несмотря на некоторые перепады, в Армении и в Азербайджане и, наконец, в-четвертых, устойчивый рост количественного состава совместно проживающих в Среднеазиатском регионе. Короче, здесь четко выделяются три группы республик: на одном полюсе Эстония, Латвия, Украина и РСФСР, на другом — Туркмения, Уз-

Таблица 1

Динамика среднего размера семьи в союзных республиках

Союзные республики	1959 г.	1970 г.	1979 г.
РСФСР	3.6	3.5	3.3
Украинская ССР	3.5	3.4	3.3
Белорусская ССР	3.7	3.6	3.3
Узбекская ССР	4.6	5.3	5.5
Казахская ССР	4.1	4.3	4.1
Грузинская ССР	4.0	4.1	4.0
Азербайджанская ССР	4.5	5.1	5.1
Литовская ССР	3.6	3.4	3.3
Молдавская ССР	3.8	3.8	3.4
Латвийская ССР	3.2	3.2	3.1
Киргизская ССР	4.2	4.8	4.6
Таджикская ССР	4.7	5.4	5.7
Армянская ССР	4.8	5.0	4.7
Туркменская ССР	4.5	5.2	5.5
Эстонская ССР	3.1	3.1	3.1

Источники: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962, с. 242—243; Женщины в СССР. М., 1975, с. 91; Население СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980, с. 17.

бекистан, Таджикистан, промежуточную позицию занимают Армения и Азербайджан. Чем же детерминирована такая многоликость?

В литературе предпринимались попытки объяснить этот феномен. Например, Э. К. Васильева связывает отмеченные структурные различия с возросшим влиянием на семью внеэкономических факторов, и в частности историко-культурного и этнического.⁷

Культурные традиции, этническое своеобразие, безусловно, накладывают отпечаток на семейную структуру. Отсюда аналогичность тенденций у русских и украинцев, с одной стороны, у таджиков, узбеков и туркмен — с другой. Но в то же время нельзя не отметить сближение народностей разных этнокультурных регионов — скажем, украинцев и эстонцев. Значит, имеется более сильный фактор, который, вопреки этносу, сближает семейные структуры. И в самом деле, обращение к раздельным показателям среднего размера семьи по городскому и сельскому населению Среднеазиатских республик дает основание говорить о доминирующем влиянии типа поселения. Так,

в Таджикистане средний размер городской семьи между двумя последними переписями остался неизменным — 4.5 чел., а в сельской местности вырос с 6.0 до 6.6; в Туркмении: городская семья — 4.6 чел., сельская увеличилась с 6.0 до 6.5; принципиально тот же процесс происходит в Узбекистане.⁸ Стало быть, количественный рост семьи происходит за счет сельских районов. Поэтому представляется вполне логичным следующее предположение: в урбанизированных районах воздействие этноса и специфических культурных стереотипов сглаживается, тогда как в сельской местности — в первую очередь в виду национальной гомогенности и малой мобильности населения — их влияние более или менее устойчиво.

Эта гипотеза подтверждается и в некотором смысле дополняется этносоциологическими исследованиями последних лет. По данным А. Е. Тер-Саркисянца, четверть из 4062 обследованных им армянских семей, проживающих в сельской местности, оказались трехпоколенными. Правда, если в прошлом они состояли из родителей и нескольких женатых сыновей, то сейчас — из родителей и одного женатого сына.⁹ Близкие закономерности выявлены и в других национальных районах СССР.¹⁰ Так, неравдельная узбекская семья состоит из брачной пары и родителей мужа с несемейными детьми, реже — из брачной пары и родителей жены. Такие сообщества составляют одну треть всех семей в селе и около четверти в городе.¹¹ Многопоколенность сельской семьи, в отличие от городской, часто сопровождается переходной стадией воспроизводства населения (низкая смертность при высокой рождаемости),¹² что способствует увеличению ее среднего размера. Опережающее сужение структуры городской семьи коренного населения Среднеазиатского и Кавказского регионов, таким образом, не вызывает сомнения.¹³

Структурные сдвиги в семье тесно связаны с ее функциональными изменениями. Разумеется, изживание традиций, обычаев и религиозных пережитков происходит неравномерно и не всегда последовательно. Показательно в этом отношении трансформация принципа семейной власти. В армянских семьях, например, главой считается старший в доме мужчина, реже — женщина. Однако это явление передко стало носить формальный характер. По данным А. Айрияна, сельский житель часто главой семьи называет представителя молодого поколения (65% из об-

щего числа лиц, названных главой семьи, — люди до 50 лет), занимающего доминирующее положение в материальном обеспечении семьи, благодаря своему социальному и профессиональному статусу.¹⁴ Напротив, у дагестанских народностей (аварцы, даргинцы, лезгинцы и пр.), хотя реально главой семьи не всегда является самый старший по возрасту, но в силу укоренившейся традиции им считается по-прежнему муж.¹⁵ Разумеется, важно вовсе не то, кого называют главой семьи, а то, кто фактически выполняет основные семейные роли. Антипатриархальное движение также проявляется в локализации молодой семьи вокруг родителей как мужа, так и жены (отсюда отмирание института примачества) и в интенсификации контактов супружеской пары с родственниками по женской линии. Именно в этом смысле и произошли изменения, детерминированные новым экономическим и гражданским статусом женщин.

Наиболее радикальным показателем эволюции семьи, по нашему мнению, можно считать исторически сменяемое акцентирование одного из основных внутрисемейных отношений: сегодня происходит, условно говоря, движение от родства (отец — сын, кровное родство и т. п.) к свойству (муж — жена).

Как известно, по канонам мусульманской религии главной добродетелью женщины считалась покорность. «Повсюду в мире ислама главным делом женщин было рождение детей, их воспитание и домашний быт, тогда как функция мужчины — попечителя, кормильца, владыки — вытекает из его естественного преимущества и подготовленности». Исходя из этого девочек с малолетства воспитывали в духе беспрекословного подчинения воле отца, а впоследствии — мужа. Эти принципы половой сегрегации настолько сильно впитались в ткань культуры, что нередко репродуцируются и поныне. Как установила С. Ш. Гаджиева, у коренного населения Дагестана подобные явления наблюдаются даже у супругов среднего и молодого возрастов.¹⁷

Для армянской сельской семьи (традиционно моногамной) как будто бы становится обычным «дружеское, заботливое отношение супругов друг к другу»,¹⁸ иначе говоря, зарождаются элементы личностного взаимодействия — супружество. Может возникнуть вопрос: разве ранее семья существовала без супругов? Естественно, супруги появились вместе с возникновением института семьи,

но супружество как таковое отсутствовало прежде всего в силу социально-экономического неравенства полов. Экономическая и гражданская эмансипация женщин автоматически не привела к активизации личностного взаимодействия в рамках семьи, потребовалось определенное время для того, чтобы этот потенциал реализовался.

Подчеркнем гетерохронность описанных процессов. Если первое из обозначенных явлений — структурные сдвиги — фиксируется на протяжении столетия,¹⁹ то второе — функциональные изменения — с начала текущего века, и, наконец, третье — активизация личностного взаимодействия мужа и жены — лишь в последние двадцать-тридцать лет. Различная интенсивность этих процессов обусловила возникновение и одновременное существование разных типов семей.

Приведенных выше статистических данных и этносоциологических обследований, бесспорно, достаточно для прояснения фундаментального вопроса: каково магистральное направление семейной эволюции? Конкретнее говоря, будут ли характерны для семьи нуклеарность, значительное число профессионально занятых женщин,²⁰ т. е. обводная карьера, сознательно планируемая малолетность, эгалитарная система власти, относительно высокая разводимость и сложившееся супружество; либо — многопоколенность, незначительная профессиональная вовлеченность женщин,²¹ традиционная многодетность, явные следы патриархальности, минимальная разводимость и не сформированное супружество? А может быть, есть иной — третий путь?

Все указывает на то, что семья коренного населения Средней Азии, Кавказа и Поволжья изменяется структурно и содержательно. Более того, она в общем и целом (но, естественно, не в деталях, так как этническое и культурное своеобразие народностей имеет непреходящий характер) эволюционирует в сторону современной городской семьи Центрального и Северо-Западного регионов РСФСР, Украины, Белоруссии и Прибалтики. Отсюда — детальное изучение последней (и в частности, на примере Ленинграда) может дать принципиальное представление о ближайшей перспективе семьи. Каковы же ее контуры?

Типичная городская семья в самом общем виде представляется как нуклеарная, с профессионально занятыми супругами, с небольшим и в принципе регулируемым числом детей, воспитание которых осуществляется как семьей,

так и обществом, по преимуществу с эгалитарной системой власти, достаточно систематическими, но в большой мере деловыми контактами с родственниками,²² при не прерванной ориентации всех ее членов на другие социальные институты и на интенсивное общение с друзьями.

Частичная утрата семьей производственной функции и включение молодой пары в сложную социально-профессиональную структуру предоставляет ей не только профессиональную и жилищную автономию, но и автономию в решениях, касающихся воспроизводства. Все это затуманивает генеративные, единокровные и межпоколенные узы, обнажая супружеские отношения. Открыто или в латентной форме эта точка зрения получает определенное распространение в социологической и демографической литературе. Так, по мнению З. Файнбурга, «отношение к семье как сфере позитивных эмоций, и отношение к ней как к сфере наиболее тесной культурной общности переносит центр тяжести факторов, формирующих стабильность брака, на факторы собственно личностные».²³

Одновременно часть исследователей делает акцент не на супружестве, а на «детоцентризме». Так, по мнению Л. Е. Дарского, «можно спорить о наилучшем числе детей в семье, но бездетная семья есть явление патологическое с любой точки зрения».²⁴ В принципе такого же мнения придерживается В. Б. Голофаст: «По прошествии некоторого времени (после вступления в брак, — С. Г.), если исчерпаны все допустимые возможности объяснения (учеба, отсутствие своего жилья и т. п.), бездетность становится предметом пристального оценивающего внимания и самих супругов, и родственников, и окружающих посторонних лиц. Наступает момент (раньше всего, видимо, для самих супругов), когда данное положение квалифицируется как ненормальное».²⁵ Такой ригоризм, во-первых, входит в определенное противоречие с современной нормативностью, для которой, как отмечалось выше, характерны неоднозначность, ненавязчивость, гибкость, а во-вторых, ставит в положение изгоев бездетные семьи. Понимая это, некоторые сторонники детоцентризма занимают более гибкую позицию, ставя в один ряд супружество и родительство. «Эмоциональная среда супружества и родительства, которой прежде отводилось третьестепенное, подчиненное место, — замечает А. Г. Вишневский, — теперь выдвигается на первый план, получает самостоятельную ценность, достаточную для того, чтобы на ней

выявлялась новая семья».²⁶ Факт повышения роли детей — несомненен. Даже в деревенской семье, где, по свидетельству социологов, в прошлом детям не уделялось особого внимания, сегодня большинство родителей, в том числе и те, кто сам смог окончить лишь начальную школу, мечтают о том, чтобы дать им максимально возможное образование.²⁷ Дети здесь пользуются намного большим числом материальных и духовных благ, чем раньше. На них уходит (по выборочным данным Подмосковья) от 1/4 до 1/2 бюджета семьи.

И тем не менее и этот факт можно рассматривать с новой призмой супружества, ибо совместно планируемый, желанный ребенок содействует эмоциональному и психологическому взаимодействию мужа и жены.

Эволюция семьи к супружеской форме содействовала возникновению нового предбрачного ритуала и многообразию мотивов вступления в брак.

2. Ухаживание: возникновение и эволюция

Этнологические источники свидетельствуют о том, что по меньшей мере до середины XIX в. даже в городских поселениях Центра Европейской части России действовала традиция вступления в брак с помощью сватовства и свадьбы. Браки «самокруткой», т. е. по личной договоренности жениха и невесты без предварительного на то согласия родителей встречались редко. К таким союзам, как и к гражданским, общественное мнение относилось враждебно, считая их противозаконными и безнравственными.

У всех сословий предсвадебный этап начинался со сватовства. В качестве посредника могли выступать: отец жениха, его ближайшие родственники и сваха. Но во всех без исключения случаях требовалось разрешение отца — главы семьи. В обязанности свах входило не только совершение самой процедуры сватовства, но также поиск невесты и сбор подробной информации о ней (ее красота и нравственный облик, размер и виды приданого). Сватовство заканчивалось, как правило, помолвкой. Жених и невеста, таким образом, кроме родительского благословения, получали социальную санкцию на брак. После помолвки отказываться от брака не могла ни одна из сторон.²⁸

И в инонациональных районах России бытовали аналогичные брачные принципы. Например, у бурят начальным актом при бракосочетании по сватовству был сговор — соглашение между заинтересованными родителями о вступлении в родственные отношения. Выполнение роли посредника поручалось одному из родственников или лицу, знакомому обеим сторонам. Нередко в этой роли выступали специальные свахи. Обычно старались не оповещать о таком сговоре раньше времени, дабы в случае отказа не предстать перед односельчанами в дурном свете. После получения согласия родителей невесты назначался день официальной церемонии сватовства.²⁹ Короче говоря, представленная здесь форма брака опиралась на патриархальные принципы, экономический расчет и одобрение со стороны ближайшего социального окружения.

Во второй половине XIX в. почти повсеместно зарождается новый предбрачный ритуал. Так, на Алтае, с одной стороны, у жителей северных и центральных районов оставались обычными браки, заключаемые по воле родителей, с другой — среди «поляков» (так называли крестьян — выходцев из европейской части России, — С. Г.) и казаков распространилась женитьба по взаимной склонности. Мнение родителей еще имело большое значение, но принудительно не женили.³⁰ Те же процессы отмечаются у бурят. Молодые люди стали сами договариваться о женитьбе и уведомлять об этом родителей. И если последние давали согласие на брак, то предварительного сговора могло и не быть. Сторона жениха непосредственно засылала своих сватов к родителям невесты.³¹

Возникновение молодежного предбрачного общения способствовало локализации мест знакомств и предопределило характер развлечений. Знакомство и сближение городской молодежи, достигшей брачного возраста, происходило по преимуществу в однородной социальной среде, в которой она была связана происхождением. Скажем, в бедной мещанской среде знакомство завязывалось на вечеринках, молодежных сборищах типа крестьянских «вечерок» и «бесед». На них приходило обычно не более шести-семи пар. Такое общение происходило чаще всего по субботам и воскресеньям на квартире у кого-нибудь из участников. Здесь пили чай, играли, пели и танцевали. В зажиточных и относительно культурных слоях разночинцев было принято устраивать домашние вечера в честь именинниц и именинников. На этих праздниках обычно

собирался еще более узкий круг молодежи из семей, поддерживавших между собой деловые, дружеские или родственные отношения. Знакомство и общение молодых людей происходило в присутствии старших, с пристрастием следивших, чтобы все протекало, как «заведено приличиями». Дворянство и купечество, помимо «именинных» праздников, вывозило молодежь на семейно-танцевальные вечера и балы. На вечерах такого рода, пожалуй, единственным видом развлечения являлись танцы, во время которых завязывались знакомства девушек с юношами.

Словом, к концу XIX — началу XX в. во многих районах России наметилась сложная система предбрачного ритуала: знакомство, как правило, устанавливалось в социально однородной среде, цель ухаживания — матримониальная, мотивы заключения брака нередко были по своему характеру внеэкономическими.

Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожив частную собственность и эксплуатацию человека человеком, заложила основу для преобразования всех сфер человеческих отношений на началах подлинного равенства. Не стала исключением и сфера семейно-брачных отношений. Однако именно в этой сфере пережитки, традиции, стереотипы поведения, сложившиеся в сознании людей в прошлые эпохи, оказались особенно живучими, и их преодоление проходило исключительно сложно и медленно. Тем не менее уже во второй половине XX в. эмпирические данные о молодежном общении вскрыли новые тенденции в ухаживании. Так, В. Т. Лисовский, изучавший в шестидесятые годы жизненные планы ленинградской молодежи, установил в числе прочих планов и такие, как «встретить любимого человека» (среди женщин таких оказалось 40,4% из общего числа опрошенных, среди мужчин — 38,9%) и «создать семью» (соответственно 31,4 и 29,7%). Сопоставление двух ориентаций показывает, что встреча любимого (любимой) и создание семьи для одних и тех же людей — события нетождественные. Еще рельефнее это различие выступает при сопоставлении первостепенных (по важности для респондентов) планов: 72,9% молодых людей поставили на первое место «встретить любимого (ую)» и только 38,9% — «создать семью».³² Значит, юноши и девушки сегодня не видят в каждом партнере будущего супруга, любовные отношения могут привести к заключению брака, но они ценны и сами по себе.

Сравнительный анализ разных историко-культурных регионов страны привел этнографов к выводу о трансформации этикета ухаживания.³³ В европейской части страны у многих народностей они зафиксировали в общении молодежи более свободное по сравнению с относительно недавним прошлым проявление привязанности и любви. Правила ухаживания допускают выражение нежности и эротические игры при родственниках, знакомых, более того, в присутствии посторонних людей, в общественных местах, на улице. Такие отношения не компрометируют девушку даже в том случае, если по каким-либо причинам они не заканчиваются браком. Открытость, экспрессивность общения и повышение роли избирательности сопряжено, по крайней мере в крупных городах, с практическим снятием ограничений на места знакомства мужчин и женщин. Данные обследований молодоженов, проведенных в Ленинграде и Киеве, свидетельствуют о том, что знакомство будущих супругов на работе, в учебном заведении и во время проведения досуга равновероятно (по 20%), близость места проживания содействовала каждой десятой паре, а каждый двадцатый мужчина (соответственно, женщина) нашел себе пару во время летнего отдыха или при случайных обстоятельствах на улице.³⁴

В других этнокультурных регионах — Кавказ, Казахстан, Средняя Азия — традиционные нормы ухаживания коренного населения предписывают большую сдержанность. На этом, несомненно, сказалось воздействие жестких правил, восходящих к архаичным формам социальной организации, к таким, как патриархальная сегрегация полов, «избегание» и связанная с этим необходимость скрывать свое истинное намерение. У народов, исповадовавших ислам, некоторые поведенческие отношения сложились под воздействием религиозных запретов. Например, в сельских районах Средней Азии еще до сих пор во время отдыха и развлечения (в кино, клубах, на праздничных гуляниях и пр.) юноши и девушки держатся несколько обособленно друг от друга. А выбор невесты для сына или жениха для дочери и сейчас часто происходит при активном участии родителей: более 90% опрошенных С. М. Мирхасимовым молодоженов считают обязательным получение родительского согласия при вступлении в брак.³⁵

Исследование закономерности ухаживания показало, что нормы, определяющие в настоящее время выбор по-

Таблица 2

Мотивы ухаживания в зависимости от пола (в %)

Мотивы	Мужчины N = 1829	Женщины N = 1892
Взаимная любовь	28.8	46.1 *
Предполагается вступление в брак	6.6	9.4 *
Самоутверждение	5.5	3.6 *
Приятное времяпрепровождение	20.2	11.4 *
Желание эмоционального контакта	10.6	7.7 *
Стремление к получению удовольствия	18.1	9.2 *
Расширение чувства свободы, независимости	1.8	2.2
Престижно, модно	4.1	4.8
Любопытство	4.9	5.6

Примечания: признаки сопряжены — $\chi^2 = 198.9$; * — различия статистически значимы.

тенциального супруга по характеристикам социального, образовательного статуса и национальности на большей части территории РСФСР, на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, весьма эластичны. По Л. В. Чуйко, мужчины-служащие женятся преимущественно на женщинах-служащих и студентках (почти $\frac{4}{5}$ контингента женихов — служащие), в то же время значительна доля женщин-служащих, вступающих в брак с рабочими (более $\frac{2}{5}$ всех невест-служащих).³⁶ В нашей выборке (1978 г.) около 60% брачных пар оказались гетерогенными по социальному статусу супругов. Большинство (63%) из всех брачных союзов, обследованных А. Лапиным в Латвии (936 пар, 1975 г.), были гомогенными по образовательному цензу партнеров. Среди остальных браков преобладали такие, в которых уровень образования у жены был выше, чем у мужа (25.6%).³⁷ Напротив, на Украине в гетерогенных брачных сочетаниях женихи имели, как правило, высшее образование, невесты — среднее.³⁸

Проанализированный этнографический и социологический материал, несомненно, подтверждает реальность эволюции внешнего, поведенческого уровня ухаживания. Следующим шагом, как нам представляется, должно быть детальное выяснение его содержательной стороны.

В 1978/79 учебном году лабораторией студенческой молодежи НИИ комплексных социальных исследований при Ленинградском университете был проведен опрос

почти четырех тысяч студентов восемнадцати вузов страны, с тем чтобы описать их образ жизни. В опросный лист мы включили несколько вопросов, в том числе и следующий: «Как Вы думаете: с какой целью юноши и девушки вступают сегодня в интимные отношения?» Из девяти перечисленных вариантов ответов предлагалось выбрать лишь один.³⁹ Мотивы сближения распределились следующим образом (табл. 2).

Порядок расположения побудительных мотивов подтверждает установленное ранее в Ленинграде среди разных слоев молодежи несоответствие любовных и брачных ориентаций у юношей и девушек. Если исходить из житейской логики и устоявшегося представления, романтизирующего брачный союз, следовало бы ожидать по меньшей мере близости значений «любовных» и «брачных» мотиваций в молодежном общении. Однако реально удельный вес первого фактора многократно превышает удельный вес второго. Это соотношение не зависит от пола, возраста, величины поселения (Ленинград, Киев, Калининград, Могилев, Иркутск и т. д.), этнокультурных традиций (русские, украинцы, белорусы, туркмены, осетины и др.), постоянного места жительства студентов до поступления в высшее учебное заведение, социального происхождения, а также индивидуально-психологических особенностей (общительный — замкнутый, активный — пассивный, коллективист — индивидуалист).

Вместе с тем в мотивации сексуального поведения мужчин и женщин обнаружились и некоторые различия. Данные табл. 2 указывают на совпадение лишь трех позиций в иерархии факторов сближения: «любовь», «приятное времяпрепровождение» и «независимость». Но даже здесь их удельные веса различны: «любовь» преобладает у женщин, «приятное времяпрепровождение» — у мужчин. В остальных случаях женщины доминируют в ориентациях на брак, престижность и удовлетворение любопытства; доминанты мужчин — самоутверждение, эмоциональное удовлетворение и удовольствие.

Выясним, далее, вероятное влияние этноса. С этой целью сопоставим две пары вузов, в которых выборки выравнены по поло-возрастным показателям, но различаются по этнокультурному составу: Ленинградский электротехнический — Грозненский нефтяной институты (по 60% мужчин) и Ленинградский — Ашхабадский университеты (по 50% мужчин). В обоих ленинградских высших

Таблица 3

Мотивы ухаживания в зависимости от наличия сексуального опыта (в %)

Мотивы	Сексуальный опыт	
	имел(а)	не имел(а)
	N = 1541	N = 2134
Взаимная любовь	30.9	42.0
Предполагается вступление в брак	6.8	8.4
Самоутверждение	5.1	4.2
Приятное времяпрепровождение	18.9	13.4
Желание эмоционального контакта	10.6	7.7
Стремление к получению удовольствия	17.4	11.1
Расширение чувства свободы, независимости	1.7	2.4
Престижно, модно	3.8	5.2
Любопытство	4.8	5.6

Примечание: признаки сопряжены — $\chi^2 = 92.1$

учебных заведениях «любовь» и «брак» максимально разведены друг от друга, т. е. находятся на диаметрально противоположных полюсах шкалы, тогда как в Грозном и Ашхабаде, несмотря на в общем-то низкую долю «брачных» устремлений (соответственно 5.1 и 10.3%), последние занимают довольно высокие места (5-е и 3-е) в ряду предпочтений. Сдвинутость мотивов особенно показательна при сравнении университетов: совпадают лишь три позиции — «любовь» (1-е место), «любопытство» (6-е место) и «чувство независимости» (9-е место). Что же касается других побуждений, то для ленинградских студентов характерно стремление к акцентированию эмоциональных компонентов (удовольствие, эмоциональное взаимодействие), а для ашхабадских — инструментальных компонентов (брак, престижность). Между прочим, установленное нами явление — сближение мотивов ухаживания у молодых людей различных этносов, обучающихся в крупных городах, — подтверждается этнографами. Полевые наблюдения, проведенные среди народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа, свидетельствуют об утрате сдержанности в проявлении чувств у молодежи, мигрировавшей из сел в индустриальные центры, особенно иных этнорегионов. Правда, по возвращению в родные поселения юноши и девушки считают себя обязанными придерживаться (впрочем, чисто внешне) местных обычаев. Те же, кто

остаются в городах на постоянное жительство, постепенно интериоризируют бытующие там правила и манеру поведения. Кстати, аналогичный адаптационный процесс является у сельских жителей Центра Европейского региона и республик Прибалтики при их переезде в крупные города даже своего региона.

И наконец, априори складывается впечатление о различиях в мотивации общения у молодых людей, имевших к моменту опроса сексуальный опыт и не имевших его. Соответствует ли это предположение действительности? Обратимся к данным табл. 3.

Сравнение последовательности мест (по не удельных весов) побудительных мотивов у юношей и девушек, состоявших и не состоявших к моменту опроса в сексуальных отношениях, показывает полное совпадение в четырех и минимальное (на одну позицию) расхождение еще в четырех ориентациях. Стало быть, иерархия побуждений в меньшей степени детерминирована индивидуальным опытом, в большей — нормативностью. Вместе с тем сопоставление удельных весов выявляет некоторые различия: у лиц, имевших сексуальный опыт, мотивы «приятное времяпрепровождение», «стремление к удовольствию», «желание эмоциональных контактов» образуют большую долю, чем мотивы «любовь» и «брак», а у тех, кто не имел такого опыта, соотношение указанных мотивов обратное. По-видимому, для девственников в большей мере характерно ассоциирование сексуального общения с любовью, в то время как молодые люди, вовлеченные в общение, чаще расценивают предназначение половых отношений с гедонистических, реже — с утилитарных позиций.

Следовательно, можно утверждать, что молодежное общение, став полифункциональным, гетерогенным (по социальным, этническим и образовательным показателям) и неограниченным какими-либо пространственными рамками, утрачивает матримониальную монополию, превращаясь в самоценные для личности отношения. Отсюда не вызывает сомнения устойчивость тенденции переноса акцента с брачности на любовь, не исключая, а, напротив, предполагая и прочие многочисленные мотивации. Не сталкиваемся ли мы здесь с очередным парадоксом: потенциальная возможность знакомств и всепробудительных мотивов ухаживания неограниченно расширяются, а брачная избирательность ужесточается? Парадокс этот, по-видимому, кажущийся. Снятие социальных и этнонациональных

барьеров действительно расширяет круг потенциальных знакомств, но происходящая одновременно индивидуализация человека обуславливает противоположную тенденцию — рост взаимных претензий мужчин и женщин друг к другу, что приводит к более тщательному (по сравнению с сексуальностью) отбору брачного партнера.

3. Мотивы заключения брака

Полифункциональность молодежного ухаживания содействует возникновению широкого спектра мотивов заключения брака. В научной литературе, как ни странно, утвердился стереотип, идеализирующий массовую распространенность брака по любви. Не утруждая себя сколько-нибудь серьезной теоретической аргументацией, тщательно не отработывая опросный инструментарий, некоторые авторы монографий и статей выдают субъективно желаемое за реальность.⁴⁰ Тем самым они вольно или невольно травмируют психику определенного числа людей, способствуя возникновению ятрогенного эффекта.

Воспользуемся для пояснения нашей мысли следующей аналогией. Известный американский сексолог А. Кинзи в течение девяти лет (с 1939 по 1948 г.) опросил двенадцать тысяч мужчин и женщин по поводу их сексуального поведения. В одном из своих отчетов А. Кинзи описал роль сладострастного удовлетворения (оргазма) в сексуальном переживании женщины.⁴¹ Само собой разумеется, женщина, не испытывающая такого сладострастия, при не критическом прочтении книги открывает поверхностность собственных переживаний. Если при этом ей внушается, что чуть ли не 90% женщин испытывают сексуальное удовольствие, то она, естественно, будет рассматривать себя как фригидную и принадлежащую вследствие этого к ничтожному аномальному меньшинству. Поэтому после чтения отчетов Кинзи женщины стали в своих эвдемонистических поисках приписывать сексуальности ведущее место, а само общение воспринимать как нормальное только при условии достижения оргазма. Приблизительно к тому же приводит гипертрофия некоторыми авторами брака по любви. И в самом деле, когда в массовое сознание внедряется (не только публицистической, но и научной литературой) мысль о чуть ли не всеобщем вступлении в брак по любви, то человек

Таблица 4

Мотивы вступления в брак (в % от общего числа опрошенных; N = 350)

Мотивы	Мужчины	Женщины
Любовь	39.1	49.6 *
Общность интересов, взглядов	26.1	28.5
Чувство одиночества	14.1	4.7 *
Чувство сострадания	7.4	3.1 *
Вероятность скорого рождения ребенка	6.7	4.3
Случайность	4.0	2.4
Материальная обеспеченность будущего мужа (жены)	—	3.1
Наличие жилищной площади у будущего мужа (жены)	2.0	1.2
Другие мотивы	0.6	3.1

Примечания: опрошенным предлагалось указать не больше трех мотивов; * — различие статистически значимо.

(особенно женщина), не испытывающий такого чувства, считает себя в лучшем случае неудачником, живя в ожидании прихода большой страсти.

Насколько широко распространены в действительности браки по любви? Рассмотрим наш эмпирический материал (табл. 4).

Отметим, в первую очередь, многочисленность и разнообразность набора факторов, лежащих в основе решения о вступлении в брак. Ввиду этого представляется неубедительным сведение З. И. Файнбургом мотивации к трем подгруппам: брак по любви, брак по стереотипу поведения, который есть не что иное, как «воздействие биологического стимула брака, не облекаемого (или почти не облекаемого) в какую-либо развернутую социальную форму индивидуального сознания и потому опирающегося на стереотип, на рефлекс подражания»,⁴² и, наконец, брак по расчету.

Если все-таки пойти по пути группировки, то и тогда, судя по нашим данным, необходимо выделить не три, а по меньшей мере пять типов: по любви, по духовной близости, по материальному расчету, по психологической адекватности, по моральным соображениям. Разумеется, возможны и различные комбинации мотивов. Кроме того, за одним и тем же мотивом могут скрываться разноплано-

вые отношения. Например, «вероятность скорого рождения ребенка», как повод к оформлению брака, может быть следствием случайного зачатия, тогда это моральная мотивация; но здесь не исключена и реализация желанного ребенка, тогда это любовь, и т. д.

Особо нужно сказать несколько слов о второй, выделенной З. И. Файнбургом, подгруппе. Общеизвестно, что у человека как вида сохранился ряд инстинктов, среди них — сексуальный. Этот инстинкт функционирует на уровне индивида, однако даже личностно отчужденные контакты мужчины и женщины представляют собой социокультурный феномен. В то же время автономность полового общения (не инстинкта!) ликвидирует монополию брака на регуляцию человеческой сексуальности. Отсюда следует, что стремление удовлетворить сексуальную потребность необязательно ассоциируется с браком.

Обратимся вновь к материалам табл. 4. Из нее видно, что наиболее распространенным мотивом заключения брака является любовь. А. Г. Харчев и М. С. Мацковский, приводя наши данные, считают их заниженными. Очевидно, поэтому они пытаются интерпретировать общность взглядов и интересов будущих супругов как «более конкретное проявление любви».⁴³ Однако с таким утверждением согласиться нельзя, ибо эти понятия различны по своей природе.

В советской философской литературе неоднократно предпринимались попытки дать определение любви. Среди многочисленных дефиниций трудно найти сколько-нибудь приемлемое. Кстати, они (эти дефиниции) в свое время уже подверглись критическому анализу,⁴⁴ с которым мы в принципе согласны. Невозможность вневременного, жесткого определения объяснима индивидуальностью, неповторимостью любовного переживания, раскрытие которого, по справедливому замечанию А. В. Гулыги и И. С. Андреевой, подвластно исключительно художественной литературе.⁴⁵

Люди, несомненно, любили во все времена, но каждая историческая эпоха (Древняя Греция, Восток, европейское средневековье, современный мир) придавала этим отношениям определенную форму и регулировала их при помощи системы специфических правил. Совокупность социальных норм, этикета, обычаев и идеала делали любовь феноменом культурно-исторической реальности. Поэтому о смысле любовных переживаний можно судить только в зависимости от принятого в конкретном обществе способа их кристаллизации и ритуализации. Смысл любви в течение тысячелетий волновал умы многих представителей классической философии (Платон, Лукреций, Монтень, Фейербах, Вл. Соловьев, Шопенгауэр). Уже древние считали любовь без страсти общим и отвлеченным понятием. «Только не читавшие

Платона, — замечает А. Ф. Лосев, — могут постоянно говорить о „платонической“ любви, понимая под этим отношения, лишённые всякого физиологического смысла. Наоборот, Платон не только не отрицает чувственной любви, но признаёт её безусловно необходимой.⁴⁶ Столь же очевидно, что «не всякий Эрос прекрасен и достоин похвал, а лишь тот, который побуждает прекрасно любить... Низок же тот пошлый поклонник, который любит тело больше, чем душу; он к тому же и непостоянен, поскольку непостоянно то, что он любит».⁴⁷ Таким образом, любовь — это некое единство телесности и духовности,⁴⁸ поэтому между любовью и общностью взглядов, интересов есть точки соприкосновения, но вместе с тем между ними существует и значительное различие: в первом случае ведущим выступает экспрессивное начало, во втором — духовное.

Отметим, справедливости ради, что в своей более поздней монографии А. Г. Харчев не только не усомнился в специфичности понятий «любовь» и «общность взглядов», но, более того, сославшись на эмпирический материал Н. Г. Юркевича, подтвердил установленную нами частоту распространенности браков по любви.⁴⁹ Последнее обстоятельство — близость удельных весов браков, заключённых на основании любовной мотивации, — приобретает особую важность по следующим причинам. Во-первых, материал практически собран одновременно с нами (в Минске — в 1968—1969 гг., в Ленинграде — в 1966—1968 гг.); во-вторых, в обоих случаях применялся один и тот же метод — ретроспективный; в-третьих, аналогичные данные получены при опросе представителей разных социальных групп населения (в Минске — рабочие промышленных предприятий, в Ленинграде — интеллигенция: педагоги, врачи и научные работники).⁵⁰

Итак, по ленинградским данным двумя основными мотивами вступления в брак (независимо от пола респондентов) являются «любовь» и «общность интересов, взглядов», правда, у женщин они (особенно первый) выражены более отчетливо. Такая ориентация в определенном смысле противоречива. С одной стороны, здесь дается традиционная мотивировка брака — любовь, не просто служащая основанием для вступления в брак, а перерастающая в самодовлеющую ценность и тем самым чуть ли не отождествляемая с институтом брака. С другой стороны, выражается рациональный взгляд на брак как на супружество, в основании которого лежит духовная общность — общность взглядов, интересов, потребностей. Выявленная тенденция говорит о том, что в общественном мнении кристаллизуется понимание важности нравственных и интим-

ных элементов для обогащения и устойчивости супружеских отношений. В то же время, поскольку специфика пола непреходяща, женщины, по-видимому, и впредь будут романтизировать брак в большей мере, чем мужчины.

Еще один важный мотив — «чувство одиночества». Несмотря на различие в этом пункте между мужчинами и женщинами, все-таки решающее влияние на него оказывает другой социально-биологический показатель — возраст. В самом деле, у мужчин, вступивших в брак до 25 лет, «чувство одиночества» хотя и стоит на третьем месте в иерархии мотивов, но составляет всего 10% от общего числа ответов. В возрастном же отрезке между 25 и 30 годами этот мотив как побудительное основание выдвигается каждым четвертым мужчиной, и удельный вес фактора достигает уровня первых двух, т. е. «любви» и «общности интересов». В женской выборке мы сталкиваемся с той же закономерностью, которая, правда, проявляется менее интенсивно.

Для прочих факторов пол не выступает дифференцирующим признаком. Заканчивая анализ данных, представленных в табл. 4, обратим внимание на довольно низкий уровень ориентации на материальные ценности.

Аналогичная мотивационная шкала получена и другими исследователями семьи. Изучая идеал супруга (супруги), эстонские социологи обнаружили, что за время учебы в университете (от 18 до 23 лет) у студентов (всего опрошено 367 чел.) происходит пересмотр взглядов на супружество: уменьшается значимость любви как фактора устойчивости брака при одновременном росте взаимного уважения и верности, т. е. духовных и нравственных ценностей. Иерархии мотивов у девушек и юношей несколько различаются, хотя их принципиальная направленность одинакова. На первое место респонденты поставили глубинные, психологические факторы, такие как «взаимные отношения» и характер, а на последнее — материальное благополучие. Конкретизируя понятие «взаимные отношения», молодые люди называют: уважение, затем доверие, помощь и лишь на четвертом месте — любовь.⁵¹ Те же исследователи при изучении 575 новобрачных пар установили обратную зависимость между возрастом брачующихся и «любовью» как мотивом для заключения брака и прямую зависимость между возрастом и такими мотивами, как «сочувствие» и «дружба», причем последний особенно часто отмечается мужчинами. Другим значимым

фактором оказался образовательный уровень. Рост образования увеличивает одновременно роль любви и духовности («желания иметь верного и преданного друга») и снижает удельный вес мотивов «желание обеспечить себя материально», «ожидание ребенка», «боязнь одиночества».⁵² В эстонских опросах как будто обнаруживается некоторое несоответствие. В первом из них образование и возраст воздействуют в одном направлении — уменьшают значимость экспрессивности за счет роста духовного начала. Во втором — эти два параметра оказываются разнонаправленными. В чем же тут дело? По-видимому, в более поздней выборке образование не всегда увеличивается с возрастом, напротив, люди старших поколений (среди молодоженов представлены мужчины и женщины от 18 до 60 лет) имеют относительно низкий образовательный ценз.

Нельзя пройти мимо факта сближения структуры брачной мотивации в Среднеазиатском регионе и в европейской части страны. Согласно Р. Ачиловой, проведенной опрос среди коренного населения Киргизии, последовательность оснований заключения брака выглядит следующим образом: любовь — 57.1%, общность духовных интересов — 14.9, просто понравились друг другу — 7.4, внешняя привлекательность — 5.2, материальный расчет — 5.2, социально-профессиональный статус будущего супруга — 3.5, сватовство родителей — 3.5, боязнь остаться одиноким — 1.4%.⁵³

Можно предположить, что оценка индивидом брака зависит от мотивов, способствовавших его заключению. Проверить выдвинутую гипотезу не просто, ибо для этого необходимо найти непротиворечивое основание, типологизирующее брак. Так, З. И. Файнбург пошел по пути условной дихотомии, разделив браки на «счастливые» и «неудавшиеся» (т. е., очевидно, «несчастливые»). Упрощенная классификация привела к неожиданному результату (выборка рабочих): «браки по любви» дали 43.5% негативных последствий, «по расчету» — 35.2% и «по стереотипу» — 26.3%. Цифра 43.5% станет еще более весомой, если вспомнить, что три четверти браков, согласно автору, заключаются по любви.⁵⁴ Типологию Н. Г. Юркевича надо признать относительно более удачной.⁵⁵ Им выделена промежуточная группа — удовлетворительные браки. И тем не менее, уйдя от дихотомии, он пришел к псевдоконтинууму, ибо группы «счастливые» и «удовлетворительные» образованы по разным основаниям: сча-

Таблица 5

Мотивы вступления в брак и степень супружеской удовлетворенности (в %)

Мотивы	Состояние брака		
	максимально удовлетворительное	удовлетворительное	неудовлетворительное
Любовь	37.9	41.8	20.3
Общность взглядов, интересов	40.4	46.4	13.2
Чувство одиночества	11.7	48.3	40.0
Чувство сострадания	6.3	37.5	56.2
Вероятность скорого рождения ребенка	11.9	70.5	17.5
Случайность	10.0	10.0	80.0
Материальная обеспеченность будущего мужа (жены)	—	—	100.0
Наличие жилищной площади у будущего мужа (жены)	—	25.0	75.0
Другие	33.3	50.0	16.7

стье — категория этическая, удовлетворенность — психологическая.

Учитывая накопленный опыт и стратегическую цель исследования, мы выбрали в качестве типологизирующего принципа брачную удовлетворенность: на полюсах — «максимальная» удовлетворенность — неудовлетворенность и промежуточная группа — удовлетворенность.

Соотнесем мотивацию со шкалой удовлетворенности (табл. 5).

Беглого взгляда вполне достаточно для обнаружения некой логики сопряженности мотивов с мерой брачной удовлетворенности. Действительно, у тех респондентов, кто вступил в брак на основании «любви» и «общности взглядов», значительное число максимально удовлетворенных и минимальное (здесь подключаются те, кто связал свое решение о браке с «вероятностью скорого рождения ребенка»⁵⁶) — неудовлетворенных. Напротив, среди тех партнеров, кто заключил брак, исходя из сострадания или материальных ориентаций, незначительно количество (или полное отсутствие) максимально удовлетворенных, в то время как превалируют неудовлетворенные. При более тщательном анализе усматривается конкурирующее

воздействие на бескризисное протекание брака «любви» и «духовной общности». Так, среди максимально удовлетворенных оказалось около 38% лиц, заключивших брак по любви, и более 40% — по духовной общности (расхождение статистически незначимо), в следующем типе соотношение, по смыслу, обратное — 42 против 46% (расхождение также статистически незначимо) и, наконец, не удались браки у 20% из числа первых и у 13% из числа вторых (расхождение статистически значимо). Другими словами, экспрессивная и интеллектуальная мотивация в равной мере приводят к удовлетворительным отношениям, однако разочарование более вероятно у романтически ориентированных партнеров. И, разумеется, как правило, бесперспективны (в смысле удовлетворенности, а не формальной устойчивости) браки, заключенные по сугубо материальному расчету или ситуативным (нередко под воздействием того или иного аффекта) соображениям.

О той же закономерности свидетельствует зависимость между мерой удовлетворенности браком и мотивами его заключения. Правда, при интерпретации данных необходимо помнить, что уровень удовлетворенности супружеством на момент опроса в какой-то мере предопределяет ретроспективный «выбор» мотива вступления в брак.

Итак, около половины максимально удовлетворенных мотивируют вступление в брак любовью и более 1/3 — общностью интересов и взглядов, удельный вес остальных побуждений незначителен — в пределах от 1.2 до 4.2%. Среди удовлетворенных браков факторы «любовь» и «общность взглядов» составляют, соответственно, 41 и 29%, но одновременно выявляются еще два значимых мотива: стремление избежать одиночества — 12.7% и незапланированное зачатие ребенка — 9%. Особого внимания заслуживает иерархия мотивов вступления в брак лиц, им не удовлетворенных: первым и здесь остается любовь (1/3 ответов), на второе место выходит «одиночество» (17.5%) и лишь потом — духовная общность, доля которой, впрочем, почти равна доле «чувства сострадания». Отсюда следует, что поиск в период ухаживания духовно близкого партнера — более надежная основа благополучия будущего брака, чем любовная страсть. Любовь, безусловно, существенное основание для вступления в брак, но это еще не достаточная гарантия стабильности современных семейных отношений.

Далее, не может не возникнуть вопрос о зависимости между мотивами вступления в брак и факторами, его скрепляющими. Остановимся лишь на трех наиболее представительных мотивах. Оказалось, что те, кто вступил в брак на основе любви, выстраивают такую последовательность факторов: привычку супругов друг к другу, духовную общность, долг и сексуальное созвучие. Те же, кто заключил брак, исходя из общности взглядов, обращают внимание на духовную общность, привычку, сексуальное созвучие и долг. И наконец, когда брак служит средством избежать «одиночества», называют привычку, долг, духовную общность и сексуальное созвучие.

Трем основным мотивам заключения брака, таким образом, сопутствуют четыре типа адаптационных отношений (психологические, нравственные, духовные и сексуальные), оказывающих стабилизирующее влияние на супружество, но вклад (судя по месту и удельному весу) этих отношений различен, причем благоприятнее складывается брак у людей с преимущественно духовной ориентацией на выбор супруги(га). И это вполне объяснимо, если помнить о принципиальном различии эмоциональных переживаний до брака и в браке. То, что до заключения брака было неформализованным и протекало под влиянием импульсивных и неконтролируемых побуждений, в браке формализуется, получает определенные, жесткие контуры. Поведение становится по преимуществу регламентированным, взаимная компенсация промахов происходит труднее, чем при соответствующих обстоятельствах до брака, когда она опиралась на позитивные эмоции и неограниченный потенциал взаимных симпатий.

Мотивы вступления в брак, как было показано, связаны с мерой брачной удовлетворенности, а последняя, в свою очередь, сказывается на его стабильности, к рассмотрению которой мы теперь и переходим.

1. Удовлетворительное супружество — фактор стабилизации семьи (постановка проблемы)

Проблема семейной стабильности в последнее десятилетие стала объектом пристального внимания социологов и демографов. Ее актуальность, по-видимому, обусловлена в первую очередь возрастанием числа разводов.

По мнению одних исследователей, плохие жилищные условия и их последствия «являются существенными причинами ухудшения отношений супругов и расторжения браков».¹ Другие, помимо жилья, указывают также на влияние низкого дохода. Отсюда делается логичное, с этих позиций, предположение: «... по мере повышения уровня жизни трудящихся и дальнейшего развертывания жилищного строительства число семейных конфликтов (а, видимо, в связи с этим и разводов) будет уменьшаться, так как все беспрепятственнее и полнее будет проявляться гуманистическая сущность социалистических семейно-брачных отношений».² Третьи усматривают возможность укрепления моногамии в индустриализации семейного быта и качественном совершенствовании сферы общественного обслуживания.³

Рост благосостояния, улучшение жилищной обеспеченности, механизация семейного быта, увеличение количества дошкольных детских учреждений — все это, безусловно, отражается на семейных отношениях. Но каким образом? Ведь от пятилетия к пятилетию растет объем жилищного строительства,⁴ увеличивается количество дошкольных детских учреждений⁵ и т. п., однако одновременно фиксируется и повышение доли разводящихся. Не парадоксально ли это? Конечно же, нет. Жилищный ком-

форт, определенный уровень благосостояния, индустриализация быта, рационально обоснованная занятость женщин в общественном производстве — необходимые, но не достаточные условия стабильности брака, ибо они представляют периферию современной городской семьи, а ее сущностное ядро — супружество.

В общем к близкому заключению приходят ряд советских исследователей. Например, З. И. Файнбург отмечает: «Если сами по себе факторы брака лежат в решающей степени „внутри“ личности, то условия оптимизации этих факторов общество должно целенаправленно обеспечить „извне“».⁶ Обобщая результаты опросов, проведенных в различных по семейному статусу группах населения Эстонской ССР (новобрачные, состоящие в браке, разведенные), Э. Тийт выделила три совокупных фактора, повышающих вероятность брачной дестабилизации: первый — происхождение и воспитание в родительской семье, второй — предыстория и условия заключения брака и третий — негативные последствия собственно супружеского общения. И хотя все перечисленные отношения и обстоятельства, по ее мнению, как-то повлияли на стабильность, самыми важными, тем не менее, оказались индивидуальные ценности каждого из супругов и личностный уровень их взаимопонимания.⁷ Несколько ранее, осмысливая накопленный опыт по исследованиям семьи, А. Г. Харчев акцентировал внимание на возрастающей вероятности брачных конфликтов и супружеской напряженности, сопрягая их с ростом утонченности человека как личности. «Связанные с браком ожидания, — писал он, — все больше конституируются как ожидания счастливого супружества... Это немалое увеличивает „удельный вес“, с одной стороны, психологической гармонии, с другой — психологических коллизий и конфликтов в брачно-семейных отношениях».⁸

В западной научной литературе также получила широкое распространение точка зрения о возрастании личностных ценностей в современной семье. Достаточно сослаться на известного демосоциолога К. Дэвиса. «Американцы, — замечает он, — много ждут от супружества, и если брак оказывается неудачным, то они ищут возможности разорвать его и пытаются вступить в брак еще раз. Они скорее рискнут тем, что первый брак окажется неудачным, чем отложат вступление в брак, и предпочтут скорее развестись, чем продолжать неудачный брак».⁹ Можно, следовательно, констатировать, что часть специа-

листов разделяют точку зрения о преимущественной значимости личностного уровня взаимодействия супругов для процесса бескризисного функционирования семьи.

Дальнейший анализ механизма семейной стабильности требует предварительной конкретизации ряда понятий, и в частности, таких, как «супружество» и «успешный брак».

Некоторые социологи осознанно или неосознанно склонны отождествлять брак с супружеством. Так, в представлении Я. Щепаньского, «супружество — это общественно нормированное социальное отношение, в котором происходит превращение чисто личного чувственного влечения в устойчивое взаимное приспособление и совместную деятельность по выполнению задач супружества... Переход от обручения к супручеству во всех культурах связан с обрядовой санкцией: религиозной или государственной, магической или социальной».¹⁰ Принятие этой точки зрения делает неясным смысл введения, наряду с семьей и браком, понятия «супружество».

Под семьей, как правило, понимается опирающаяся на кровное родство или на брак малая группа, члены которой связаны общностью быта. Значит, в плане нашего исследования единственным основанием семьи является брак. Что же понимается под браком? Брак — это санкционированная и регулируемая общественно-историческая форма отношений между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям. Эта дефиниция, несомненно, шире определения Я. Щепаньского, так как включает в себя не только горизонтальные связи (муж—жена), но и вертикальные (родители—дети). Коль скоро это так, то зададимся следующим вопросом: чем вызвана необходимость выделения еще одной структурной единицы — супружества? Чтобы ответить на него, надо рассмотреть это понятие. Супружество — это личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое имманентными ему ценностями. Здесь важно подчеркнуть, во-первых, неинституциональный характер связи, во-вторых, равноправие и симметричность правственных обязанностей и привилегий обоих супругов. Это, кстати, указывает на исторически недавнее происхождение данного феномена. И действительно, принципы, лежащие в основе супружества, могли практически реализоваться лишь вследствие интенсивной вовлеченности женщин в профессиональную деятельность и социально-

правственной направленности движения за их эмансипацию, распатавших традицию половой сегрегации.

С супружеством тесно связано понятие «успешный брак». За прошедшие несколько лет были опубликованы работы, которые разграничивают успех брака и его устойчивость. Такой взгляд сложился под влиянием эмпирически наблюдаемых фактов, показавших отсутствие непосредственной связи между этими состояниями. Многие браки формально сохраняются до самой смерти мужа или жены, несмотря на то что ни один из них не удовлетворен партнером и своим союзом в целом. Наличие подобных отношений было очевидным и ранее из обыденного житейского опыта, но их статистическая представительность установлена сравнительно недавно.

Семья, бесспорно, представляет собой одну из разновидностей открытой эволюционирующей системы, так как она включает в себя части, определенным образом взаимодействующие друг с другом, и одновременно сама как целое находится в несомненном взаимодействии с другими социальными объектами, как часть целого уже более высокого порядка, т. е. общества.¹¹ Функционирование системы, как известно, происходит в результате взаимодействия компонентов устойчивости и развития, нарушающих эту устойчивость. Иными словами, тенденции сохранения и эволюции образуют диалектически противоречивое единство процесса самодвижения.

Условием нормального функционирования и развития супружества как одной из подструктур семьи, является наличие у мужа и жены многообразных ценностных ориентаций. «Многообразие систем ценностей служит естественной базой для индивидуализации личности, а потому система, обеспечивающая такое многообразие, обладает, кроме всего прочего, наибольшей устойчивостью».¹² Каковы же эти ценности — ценности супружества? Говоря общо, это — «адаптационный синдром», «интимность» и «автономия». Для подтверждения и конкретизации нашей гипотезы о тесной зависимости семейной стабильности от высокого уровня супружеской взаимодовлетворенности были проведены прикладные исследования, перед которыми ставились такие задачи:

— выявить «пики» супружеской напряженности в зависимости от продолжительности брака;

— установить, каково влияние на принципиальную удовлетворенность браком различных элементов приспособ-

собления (бытового, культурного, психологического и др.) и глубинного взаимопонимания мужа и жены;

— уяснить воздействие внесемейной ориентации мужа и жены на удовлетворенность браком.

Исходя из поставленной цели — выяснения механизма становления и бескризисного протекания взаимодействия мужа и жены — единицей наблюдения была выбрана супружеская пара. До сих пор в социологических исследованиях советской семьи, как правило, опрашивался лишь один из супругов.¹³ По его ответам судили об удовлетворительном функционировании брака и о семейном поведении в целом. Такой подход нам представлялся, по меньшей мере, недостаточным. Мы, поэтому, обратились к обоим супругам. Ответы мужа и жены на унифицированный вопросник дают возможность, с одной стороны, уловить меру согласованности (или рассогласованности) их восприятий частных аспектов брачной ситуации, с другой — выявить специфичность ожиданий и действий каждого из супругов, детерминированных половым диморфизмом и субкультурными различиями.

Необходимость при изучении взаимоотношений мужа и жены рассматривать в качестве объекта супружескую пару была впервые осознана в сексологической литературе. Известные американские исследователи-клиницисты В. Мастерс и В. Джонсон, расценивая половой акт как форму общения, взаимодействия двух индивидов, пришли к выводу о том, что любое его нарушение у одного из участников не может не породить резонанс у второго участника. Поэтому они раз и навсегда отказались от лечения единичных пациентов, будь то мужчина, страдающий импотенцией, или женщина, страдающая аноргазмией, и принимают на лечение только супружеские пары. Более того, «хотя при наличии функциональных расстройств в браке лечению подвергаются и муж и жена, — подчеркивают исследователи, — пациентом является нарушение взаимодействия между ними».¹⁴

Проиллюстрируем важность этой методической новации на примере принципиальной удовлетворенности браком. По данным опроса 1978 г., высказали максимальную удовлетворенность браком («вполне» удовлетворены по пятичленной шкале) 60.4% женщин и 66% мужчин. Что же касается принципиальной удовлетворенности браком (исходя из высшей оценки) обоих супругов, то она

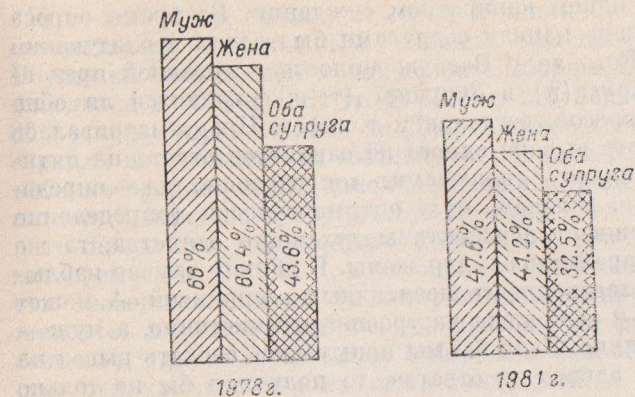

Рис. 2. Принципиальная удовлетворенность браком (по максимальной оценке).

характерна только для 43.6% пар. Как же соотносятся частные и совокупный показатели (рис. 2)?

Оказалось, что в браках, оцениваемых мужчинами (165 чел.) максимально положительно, только около 66% женщин заявили о такой степени удовлетворенности. С другой стороны, лишь 70% мужчин высказали согласие с высоким мнением женщин (151 чел.) по поводу совместного брака. Аналогичные данные получены и в 1981 г. Стало быть, по индивидуальным суждениям одного из супругов не всегда можно достоверно судить о реалиях семейной ситуации. Отсюда очевидно, что супружеское взаимодействие может быть зафиксировано при помощи выявления меры согласованности суждений (и поступков) мужа и жены по идентичным аспектам семейной деятельности. И в самом деле, ответ одного из супругов, скажем жены, отражает исключительно ее восприятие и показывает меру удовлетворенности одним определенным отношением с мужем. Но при этом остается неизвестным характер оценки того же состояния мужем. Та же неполнота знания возникает при опоре на исключительно мужскую рефлексию. И лишь совмещение совпадающих или отличающихся высказываний супругов дает возможность установить уровень и направленность конкретного параметра, отражающего один из аспектов брака. С этой целью нами и был сконструирован индекс «согласованности» (I_{ac}).¹⁵ В чем же его смысл? Для разъяснения остано-

вмесь на одном конкретном суждении. Во время опроса мужу и жене наряду с другими был задан и следующий вопрос: «Есть ли у Вас уверенность в духовной преданности супруга(и) в будущем (т. е. сохранится ли общность интересов, взглядов и т. п.)?». Предусматривалась возможность выбора одного из вариантов ответа на пятичленной шкале с полюсами: «определенно да — определенно нет». Скажем, муж оптимистически (определенно да) расценивает перспективы духовного единства, та же позиция характерна и для жены. В данном случае наблюдается согласованность позитивных восприятий. А может случиться и так: жена настроена оптимистично, а муж — пессимистично. Если бы мы попытались сделать вывод на основании одного из ответов, то получили бы не только противоположные, но в равной мере искаженные представления об этом ракурсе супружеских отношений.

И в заключение коротко охарактеризуем эмпирический материал, на который мы будем опираться в данной главе.

Объект изучения — городская семья, просуществовавшая от момента заключения брачного союза до 15 лет (на первом этапе — 1978 г. — до 10 лет). С чем связан выбор таких временных границ? Во-первых, здесь улавливается момент правового оформления брака. Во-вторых, как следует из государственной статистики, пик зарегистрированных разводов приходится на браки, просуществовавшие не более 3—4 лет. Значит, именно на этом отрезке можно зафиксировать истоки супружеских напряжений. В-третьих, обобщение как литературных данных, так и наших прошлых исследований¹⁶ показало, что где-то после пяти-шестилетнего совместного проживания происходит стабилизация (или по крайней мере, один из важных ее этапов) брачных отношений. И наконец, представительство группы от 11 до 15 лет важно потому, что в этих границах почти исчерпывается рождаемость.

Объем выборки — 500 брачных пар. Выборка случайная, районированная. Четыре временных отрезка: 1—2 года, 2—3 года, 3—4 года и 5—10 лет — представлены по сто пар, а крайние — до 1 года и 11—15 лет — по пятьдесят пар. Социальный состав характерен для городского населения: рабочие, служащие, техническая интеллигенция, студенты и домашние хозяйки. Что касается образовательного уровня, то около трети мужчин и женщин имеют среднее образование, столько же — высшее; среди мужчин оказалось больше не закончивших средней школы

(10 против 4%), тогда как среди женщин — со средним специальным и неполным высшим (40 против 30%). И еще несколько слов о специфике выборки. Опрос проводился в 1978 и 1981 гг. В 1978 г. в основном (около 80%) пары опрашивались во Дворце торжественной регистрации новорожденных «Малютка». Момент регистрации ребенка придает некий дополнительный и чаще всего позитивный импульс супружеству. Поэтому следовало ожидать несколько завышенные показатели брачной удовлетворенности. В 1981 г., хотя опрос в своей основной части проводился там же (некоторое число супругов опрашивалось в Невском районе, где преобладает рабочее население), однако сознательно отбиралось большее количество супружеских пар из числа свидетелей, с тем чтобы снизить искусственно завышенную в первом случае удовлетворенность браком.

Итак, приступим к структурированию, описанию и интерпретации собранного эмпирического материала.

2. Образ стабильного брака

Удовлетворенность браком, очевидно, складывается как результат адекватной реализации представления (образа) о семье, сложившегося в сознании человека под влиянием встреч с различными событиями, составляющими его опыт (действительный или символический) в данной сфере деятельности.

Образ брака развивается во времени, усложняется и наполняется конкретным содержанием по мере накопления и переработки информации и проходит, как нам представляется, четыре стадии. Так, в раннем детстве отношения родителей воспринимаются ребенком эмоционально и эгоцентрично. Повторяемость, шаблонность их поступков запечатляется в сознании ребенка в виде размытого представления.

Модель семейно-брачных отношений, формирующаяся в подростковом возрасте, аккумулирует оценку как супружества, так и родительства, а также сведения, получаемые по институциональным и неформальным каналам. Несмотря на многочисленность источников, представление выглядит нерасчлененным и рутинным. К примеру, опрос московских школьников VI—IX классов и учащихся ПТУ по этому вопросу выявил следующую картину: «Наличие

будущей семьи выступает как обязательная, обычная и часто не слишком привлекательная, именно вследствие своей обыденности, сторона взрослой жизни... представления о себе в будущем как муже (жене) выражены слабо и не наполнены никаким содержанием, помимо выполнения домашних обязанностей».¹⁷

Почти столь же одностороннее, правда, противоположно окрашенное, моделирование брака присуще молодым людям накануне создания семьи. Эксперимент, проведенный среди студентов завода-ВТУЗа (г. Ленинград), обнаружил четкую дифференциацию семейных характеристик на шкале ценностей: в верхней части расположились ценности интеллектуальные и эмоциональные (общность взглядов, взаимная забота супругов, сексуальная близость), в нижней — материальные и нравственные (материальное благополучие, привычка, уют, долг).¹⁸ Установленная последовательность обусловлена стереотипным представлением о семейно-брачных отношениях, основанным на романтическом идеале. О той же тенденции свидетельствуют данные, приведенные в параграфе об уходе за детьми. Какие процессы оказывают влияние на формирование такого образа? Приписывание особой значимости гедонизму и игнорирование нравственных, бытовых, материальных коллизий связано, во-первых, с акцентированием романтики художественной литературой и средствами массовой информации, во-вторых, — но в меньшей мере — с опытом собственного гетеросексуального общения молодых людей.

И наконец, наиболее развернутый образ складывается в период реальной брачной практики. Именно этот период и будет нас интересовать в данном параграфе. У супругов, проживших совместно разное количество лет, выяснялось представление об основаниях, стабилизирующих брак (проективная ситуация). Вопрос учитывал девять вариантов ответов в пятибалльной системе оценки. Как же распределились эти суждения? (табл. 6).

Надо признать невысокую дифференцирующую силу шкалы: между первым и девятым местом разница в пределах одного балла; а, скажем, седьмое место от восьмого отделяет всего 0.1 балла. И тем не менее некоторую информацию из таблицы извлечь можно. Ранжирование показателей с шагом 0.3 (расхождение средних значений при ≥ 0.2) выявило (независимо от года опроса) совпадение крайних позиций в целом. Однако детальный анализ

Таблица 6

Оценка показателей, способствующих стабильности брачных отношений

Показатели	Мужчины		Женщины	
	балл *	балл **	балл *	балл **
1. Семейный уют	4.2	4.0	4.2	4.1
2. Общность супружеских взглядов и интересов	4.4	4.3	4.5	4.4
3. Материальное благополучие	3.9	4.0	3.8	4.1
4. Сексуальная гармония	4.2	4.3	4.3	4.3
5. Понимание и поощрение индивидуальных стремлений каждого из супругов	4.1	3.9	4.3	4.0
6. Супружеский долг	4.3	4.0	4.3	4.2
7. Любовь к детям и обязанности по их воспитанию	4.8	4.6	4.7	4.7
8. Дружеская расположенность и взаимная забота супругов	4.6	4.3	4.5	4.4
9. Справедливое распределение обязанностей между супругами	4.0	3.7	4.1	3.9

Примечания. * — выборка 1978 г., супруги состоят в браке от одного дня до 10 лет; ** — выборка 1981 г., супруги состоят в браке от 1 года до 15 лет.

вскрывает различия, связанные как с полом респондента, так и с годом опроса.

Рассмотрим сначала совокупность 1978 г. Мужская структура — четырехступенчатая с равновеликими основаниями: верхнее — обязанности по воспитанию детей и дружеская расположенность супругов, нижнее — распределение бытовых обязанностей и материальное благополучие. Женская структура — четырехступенчатая, конусообразная, верхнее основание — обязанности по воспитанию детей, дружеская расположенность супругов, общность супружеских интересов, нижнее — материальное благополучие. Словом, женщины наряду с детьми большое значение придают супружескому синдрому, тогда как мужчины минимизируют важность материально-бытовой сферы для стабилизации брака.

Во второй выборке формально структуры мужского и женского образа стабильного брака остались прежними, но фактически произошло некоторое сближение их представлений. Верхний уровень сведен к одному совпадающему показателю — отношению к детям, следующая сту-

пень — собственные духовно-эмоциональные потребности (правда, у женщин этот комплекс дополняется «долгом») и лишь далее фиксируются определенные различия: одно из важнейших — акцентация женщинами необходимости ситуативного распределения бытовых обязанностей. Нет сомнения, что здесь обнаружены разнонаправленные закономерности, сопряженные с образованием традиционных ролей: с одной стороны, мужчины в меньшей степени ощущают ответственность за материальную поддержку семьи, с другой — женщины (в силу интенсификации профессиональной активности) испытывают насущную необходимость обоюдного отказа от жестко закрепленных бытовых ролей.

Теперь сопоставим выборки между собой, фиксируя пол. Мужчины в первом случае наряду с «детьми» важное место отводят духовно-интимным аспектам супружества, далее поощряется индивидуальное своеобразие партнера, а «сексуальная гармония» конкурирует с «семейным уютом» и «супружеским долгом»; наиболее же низко оценивается материальное благополучие и перераспределение бытовых обязанностей. В подвыборке мужчин, опрошенных в 1981 г., соотношение иное. Безраздельное предпочтение отдано параметру «любовь к детям и обязанности по их воспитанию» (хотя балльная оценка снизилась), одновременно за счет сексуальности приобрел завершенность супружеский синдром. Третий уровень дополнился материальным благополучием, а замыкает иерархический ряд, наряду с ситуативным выполнением бытовых обязанностей, поощрение индивидуального своеобразия каждого из супругов.

Структура образа стабильного брака, установленная в выборке женщин 1978 г., как отмечалось, четырехступенчатая. Напомним: здесь выделяются основные компоненты супружества, а также «дети» и лишь в последнюю очередь материальное благополучие. В опросе, проведенном через три года, женщины, так же как и мужчины, подчеркивают в качестве главного единственный показатель — обязанности по отношению к детям. Два других уровня оказались равновелики: на первом из них преобладают супружеские, на нижнем — материально-бытовые характеристики. (Заметим, что за сравниваемые годы понизилось «поощрение индивидуальности» и «перераспределение внутрисемейных обязанностей».)

Итак, при обобщении данных первого опроса фикси-

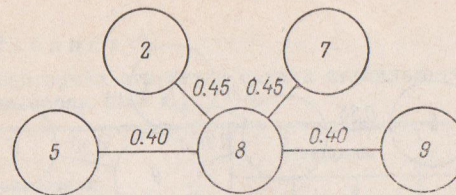

Рис. 3. Модель стабильного брака, по оценкам женщин (выборка 1978 г.).

Цифрами обозначены признаки, приведенные в табл. 6.

руется (независимо от пола респондентов) супружеский с родительским дополнением образ стабильного брака, в котором материально-бытовые отношения периферийны. Повторный опрос внес существенные изменения в представления супругов. Теперь брак воспринимается как детоцентристский с недвусмысленным подчеркиванием важности материально-бытовой сферы. Чем же объясняется установленный сдвиг в модели брака? Между выборками, как мы отмечали, есть по меньшей мере два различия: первое — несовпадение продолжительности совместного проживания, второе — непропорциональное представительство супружеских пар, удовлетворенных актуальным браком. Попробуем выяснить влияние названных фактов, прибегнув к более углубленной статистической обработке — корреляционному и факторному (компонентному) анализу.

Опишем при помощи корреляционного графа образ стабильного брака, характерный для женщин (рис. 3).

Центром корреляционной плеяды, а тем самым и основным звеном модели является расположенность и взаимная забота супругов. С ним в первую очередь в равной степени связаны обязанности по воспитанию детей и общность супружеских интересов, во вторую — и также в равной степени — поощрение индивидуальных стремлений каждого из супругов и ситуативное перераспределение бытовых обязанностей между мужем и женой. Следовательно, брак представляется молодым женщинам, удовлетворенным, как правило, актуальными отношениями, как супружество (ибо первый шаг к успеху — это создание взаимопонимания между брачными партнерами), но с детоцентристским оттенком.

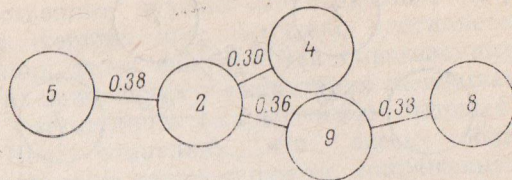

Рис. 4. Модель стабильного брака по оценкам мужчин (выборка 1978 г.).

В мужском идеале (рис. 4) важнейший элемент стабильного брака — общность супружеских интересов. Этот параметр соотносится в первую очередь с поощрением индивидуальных стремлений, во вторую — с ситуативным перераспределением бытовых обязанностей (через последнее он сопряжен с расположенностью и взаимной заботой брачных партнеров) и в третью — с сексуальной гармонией. Значит, мужской идеальный тип (разумеется, применительно к рассматриваемой совокупности) — супружество в чистом виде (попутно заметим: забота о детях у мужчин ассоциируется с институциональным требованием — долгом). Одним словом, брачный успех здесь предполагает бытовую, эмоциональную и сексуальную адаптацию, сопровождаемую определенным уровнем духовного взаимопонимания с женой при неременном сохранении и подтверждении индивидуальных потребностей каждого из супругов.

Сравнение женской и мужской модели обнаруживает почти полное внешнее совпадение показателей, потенциально содействующих брачному успеху. Однако последовательность отношений, их действительный смысл, а также несовпадение одного из них (сексуальность — дети) подчеркивают субкультурную специфику полов. «Детоцентристская» ориентация женщин, скорее всего, — результат кумуляции культурно-исторических традиций и их преломления в процессе социализации девочек. Очевидно, именно поэтому до сих пор у некоторых исследователей складывается представление о более глубокой природной привязанности к детям женщин, чем мужчин. Высказанное сомнение в определенной мере подтверждает материал опроса 1981 г. У женщин, представленных в этой выборке, под влиянием как большего стажа замужества, так и невысокого уровня удовлетворенности

Таблица 7

Факторная структура идеала стабильного брака (выборка 1978 г.)

Показатели	Женщины			Мужчины		
	I	II	III	I	II	III
Семейный уют	74	—	—	58	—	—
Общность супружеских взглядов и интересов	—	68	—	—	—	62
Материальное благополучие	73	—	—	68	—	—
Сексуальная гармония	—	—	87	—	—	83
Понимание и поощрение индивидуальных стремлений каждого из супругов	—	74	—	—	—	60
Супружеский долг	63	—	—	69	—	—
Любовь к детям и обязанности по их воспитанию	65	—	—	73	—	—
Дружеская расположенность и взаимная забота супругов	—	76	—	—	74	—
Справедливое распределение обязанностей между супругами	—	52	—	—	75	—
Информативность (в %)	24	23	13	21	18	17

Примечание: факторные нагрузки — суть коэффициенты корреляций.

изменился идеал стабильного брака: из прежней структуры «дети» вытеснились «долгом». Напротив, в мужском идеале один из супружеских показателей — «сексуальная гармония» — заместился «детьми».

Стало быть, и корреляционный анализ не сделал картину достаточно прозрачной, поэтому обратимся к факторной процедуре (табл. 7).

Идеальная модель брака, описываемая женщинами, складывается из разнохарактерных подструктур: институциональной (I), неформальной, или супружеской (II) и личностной (III) (думается, что «сексуальность» в данном случае выступает в своей гедонистической ипостаси). Может, конечно, сложиться мнение об искусственности выделения «сексуальной гармонии» в отдельный структурный ряд. Понимая истоки такого предубеждения, мы сочли не лишним перепроверить результат по четырехфакторному решению. Оказалось, что «сексуальность» не только не растворилась среди других составляющих, но даже не снизилась ее нагрузка (87%) и информативная доля (13%).

У мужчин идеал выражен менее четко. Соотнесение с женской моделью обнаружило лишь полное совпадение институционального ряда. Неформальная подструктура представлена двумя показателями вместо четырех, а личностная в принципе отсутствует и воспринимается в неразрывном единстве с общностью и индивидуальным своеобразием духовных ценностей брачных партнеров, т. е. образом духовных ценностей брачных партнеров. Последняя подструктура осталась неизменной и в четырехфакторном решении. Отсюда вполне логично напрашивается вопрос о причинах различий в женской и мужской моделях. Действительно ли пол служит той доминантой, которая сказывается на конструировании представления?

Предполагая, что непродолжительная брачная практика не должна оказывать сколько-нибудь решающего влияния на формирование образа, мы из соответствующих подвыборок 1978 г. исключили супругов, проживших совместно менее года. Сокращение временного интервала не внесло корректив в ориентацию женщин: модель осталась прежней. Мужское же представление не просто изменилось, а стало аналогичным женскому. Короче, и здесь вычленились три подструктуры. Значит, своеобразие сложилось именно за счет мужчин, состоящих в браке до года. Дело в том, что мужчины, имеющие небольшой супружеский стаж, склонны отождествлять брак с любовью, а последнюю — с единством «духа и тела». Разумеется, молодые женщины настроены не менее романтично, но для них любовное ожидание чаще всего напрямую не связывается с физической страстью.

Чтобы проверить устойчивость описанного представления, обратимся к выборке 1981 г., выравненной предварительно по стажу совместного проживания с совокупностью 1978 г. В результате трехфакторного анализа идеальная брачная структура у женщин приобрела следующий вид:

- институциональные отношения (материальное благополучие — 90, семейный уют — 50);
- супружеские отношения (дружеская расположенность — 79, поощрение индивидуального своеобразие — 76, справедливое распределение внутрисемейных обязанностей — 56);
- недифференцированные отношения (формализованные: обязанности по воспитанию детей — 57, супру-

жеский долг — 49; неформализованные: общность взглядов — 80; личностные: сексуальная гармония — 70).

В четырехфакторном варианте первый и второй ряд остались неизменными, последний — подразделился на институциональный и супружеско-индивидуальный. Итак, относительно 1978 г. две подструктуры семантически идентичны (правда, опираются они на более узкий базис), третья — стала принципиально иной.

В мужском образе в чистом виде сохранился лишь один уровень — супружеский (без признака «общность взглядов»); два других сочетают формализованные и неформализованные характеристики. Четырехфакторное решение «очищает» только один уровень — институциональный (сюда вошли материальное благополучие — 89 и семейный уют — 57), образуя вместе с тем и самостоятельную личностную подструктуру. Стало быть, в повторной выборке мужское представление о стабильном браке трансформировалось еще в большей мере, чем женское.

Чем же вызвано существенно иное представление о модели стабильного брака? Отвечая на этот вопрос, необходимо постоянно иметь в виду качественное своеобразие выборочных совокупностей. На структуру идеала респондентов 1981 г. несомненный отпечаток наложила их меньшая — по сравнению с супругами, опрошенными в 1978 г., — удовлетворенность актуальным браком,¹⁹ фиксируемая, в частности, в малой выраженности неформальных отношений. Вследствие этого в проективной ситуации и акцентируются традиционные ценности — семейно-охранительные (материальное благополучие, уют, долг) и дети. Однако так как реальная эволюция семьи необратима, то и в идеале стабилизируется супружеская подструктура, а в прочих подструктурах происходят пертурбационные процессы.

Четвертый этап в самом деле оказался сложным и противоречивым. В первый год семейной жизни происходит как бы перенос предбрачного образа в новую действительность. Такая инерция сознания в большей степени характерна для мужчин, чем для женщин. В дальнейшем при благоприятном протекании актуальных отношений представление становится гармоничным, включающим в себя институциональные, неформальные и личностные компоненты, и все же акцентируются супружеские ценности. Неудовлетворительная брачная реальность

способствует идеализации детоцентризма, так как супруги связывают выход из конфликтной ситуации с исполнением долга по отношению к детям.

3. Социально-психологические характеристики удовлетворенности браком

Исследуя представление о браке, мы установили решающую его зависимость от реально складывающихся отношений. Образ брака трансформируется соответственно практике. Муж и жена в процессе семейного взаимодействия стремятся актуализировать свои модели, однако, как правило, сталкиваются с целым рядом затруднений: материально-бытовых, эмоционально-психологических, интимно-правственных, преодоление которых требует от них определенных интеллектуальных и волевых усилий, чтобы понять и оценить истоки этих коллизий. От осознания, желания и потенциальных возможностей совместить свои ценностные ориентации и претензии с аналогичными понятиями партнера во многом зависит субъективная удовлетворенность браком. В то же время, опираясь на известное положение о росте личностного начала в жизнедеятельности современного человека,²⁰ можно предположить не меньшую важность реализации индивидуальных ценностей, потребностей и запросов каждого из супругов для успешного функционирования семьи.

Посмотрим, насколько это гипотетическое суждение подтверждается эмпирическими данными. Сначала проанализируем подвыборку женщин. Выясним, в частности, какое сочетание супружеских отношений содействует удовлетворенности браком. Отвечая на поставленный вопрос, изобразим корреляционный граф связи (рис. 5).²¹

Удовлетворенность браком у женщин складывается в первую очередь благодаря психологической и духовной совместимости с мужем. Далее по важности следует блок тесно статистически и логически связанных между собой показателей (реализация индивидуальных запросов и потребностей), который в определенном смысле противоположен адаптационным устремлениям, хотя отнюдь не антагонистичен им. Кроме того, акцентируются: желательность выработки мужем четких максим поведения (клише) по отношению к родственникам жены и лишь

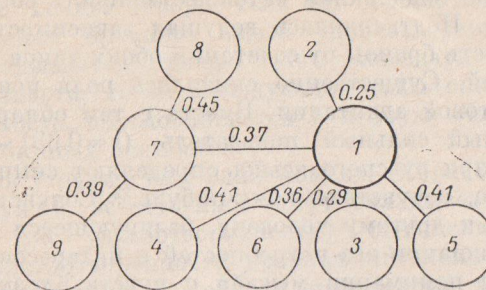

Рис. 5. Составляющие удовлетворенности браком женщин (выборка 1978 г.).

Обозначения: 1 — удовлетворенность браком; 2 — участие мужа в текущих семейных делах; 3 — участие мужа в принятии кардинальных семейных решений; 4 — «легкость» супруга в повседневной жизни (непридирчивый, незанудный, воспринимает неудачи с чувством юмора и т. п.); 5 — уверенность в духовной преданности супруга в будущем, в том, что сохранится общность интересов, взглядов и т. п.; 6 — совместимость супруга с родственниками жены; 7 — ответная реакция мужа на индивидуальные потребности жены; 8 — знание мужем индивидуальных потребностей жены; 9 — супруг — хороший компаньон по досугу.

в последнюю очередь — необходимость совместной семейно-бытовой деятельности. В представленном ряду особо отметим два обстоятельства. Первое. Женщины главное значение придают духовности: единству и различию. Разумеется, это понятие в нашем контексте не следует отождествлять с исключительными человеческими запросами. Нет. Каждая супружеская пара вырабатывает в этом отношении собственный критерий, складывающийся в зависимости от их образовательного уровня, общекультурных принципов и иерархии ценностных ориентаций. Второе. Бросаются в глаза достаточно скромные экспектации по поводу вовлеченности мужчин в хозяйственно-бытовую сферу. Это, по-видимому, обусловлено, с одной стороны, консерватизмом традиций, тормозящих процесс перехода от жестко закрепленных обязанностей к ситуативным, с другой — непреходящим смыслом половой дифференциации.

Возникает закономерный вопрос: действительно ли рассмотренный материал исчерпывающе выразил все многообразие оснований удовлетворенности женщин браком? Сравним результаты двух последовательно проведенных исследований. По идентичной методике построим корреляционную плеяду, основанную на данных опроса 1981 г.

Сразу же подчеркнем нетождественность сопоставляемых плеяд. Подтвердилась ведущая зависимость — удовлетворенность браком от сочетания обоих типов духовных устремлений. Существенно снизилась роль психологической и бытовой адаптации. Вместе с тем обнаружен новый и самый сильный показатель ($r=0.63$) — «симпатия». Словари русского языка определяют симпатию как сострадание, сочувствие кому-нибудь.²² Сочувствие — это отношение к другому человеку, базирующееся на безусловном признании его потребностей и интересов. Оно выражается в понимании мыслей и чувств близкого человека, в оказании моральной поддержки его устремлениям и предуготовленности содействовать их осуществлению.²³ Способность к сочувствию — одно из элементарных и вместе с тем фундаментальных свойств человека как общественного существа. Отсюда следует, что если та или иная направленность адаптации, как правило, затрагивает внешний слой личностных отношений, то симпатия — их глубинные экзистенциальные структуры.²⁴ Например, в браках, воспринимаемых женщинами как максимально удовлетворительные, полнота симпатии отмечается 80% респондентов, а духовная и психологическая приспособляемость — соответственно 65 и 44%. В то же время несомненен факт тесной сопряженности духовного взаимопонимания и симпатии ($r=0.54$).

Есть основания полагать, что установленная (по материалам опроса 1981 г.) структура брака не входит в противоречие с очерченной ранее (см. рис. 5), а, напротив, является ее прямым развитием. В самом деле, здесь налицо общий неизменный стержень — духовная констелляция. (Напомним, кстати: в параграфе о мотивах брака предсказывалась наибольшая перспективность именно таких союзов). Бытовая и психологическая совместимость на разных семейных стадиях имеет неодинаковое значение. Особая роль ей принадлежит на первом этапе — этапе перехода от неформальных к институциональным отношениям. В дальнейшем эти аспекты хотя и продолжают оставаться для женщин опорными, но все-таки — фоновыми, и лишь при неблагоприятном протекании брака они вновь актуализируются.

Бытовая, психологическая и духовная адаптация супругов (при наличии дифференцированных потребностей и запросов мужа и жены), таким образом, подготавливает почву для раскрытия их глубинной человеческой

сущности. Точнее говоря, если на первой стадии функционирования брачного союза удовлетворенность женщины складывается прежде всего благодаря отсутствию напряженности, то в последующие годы она, эта удовлетворенность, обуславливается в первую очередь созвучием глубинных ценностей.

Теперь уточним еще один момент. В браке между женой и мужем, естественно, могут складываться неоднородные (по удовлетворенности) отношения. Оценка уровня удовлетворенности предположительно детерминруется определенным набором параметров, представленных, в частности, на графах связи. Нет сомнения, что с помощью многомерной сортировки основных показателей можно выявить такую комбинацию, которая содействует высокой или средней удовлетворенности женщин браком.

Составим из восьми переменных следующие группировки:

I. «Легкость» супруга в повседневной жизни, совместимость супруга с родственниками жены, уверенность в духовном понимании супругом, уверенность в симпатии мужа.

II. «Легкость» супруга в повседневной жизни, совместимость супруга с родственниками жены, знание мужем индивидуальных вкусов и потребностей жены, отзыв мужа на эти потребности жены.

III. Участие мужа в текущих семейных делах, участие мужа в принятии кардинальных семейных решений, уверенность в духовном понимании супругом, уверенность в симпатии мужа.

При этом каждую из характеристик выразим в виде трехчленной шкалы с положительным (1), отрицательным (3) полюсами и промежуточной (2) ступенью.

Прежде чем представить результаты, раскроем содержание одного из возможных сочетаний, скажем, {1, 3, 2, 1}. Это означает, что женщины расценивают мужа как человека, с которым *определенно* легко в повседневной жизни, отмечают его *несовместимость* со своими родственниками, верят в *принципиальную* («скорее да, чем нет») перспективность духовного понимания супругом, а также высказывают *твердую* убежденность в его симпатии.

Итак, соотнесем удовлетворенность браком по порядку с каждой из трех (I—III) группировок (табл. 8—10).

Таблица 8

Обусловленность удовлетворенности браком «психологической адаптированностью», «совместимостью мужа с родственниками жены», «духовной адаптированностью» и «симпатией мужа» (подвыборка женщин, 1978 г.)

Сочетания ¹	Высокая удовлетворенность браком (N = 151)			Средняя удовлетворенность браком (N = 66)
	абсолютное количество ²	% ³	% ⁴	
1 1 1 1 (N=42)	36	86	24	Этими переменными не детерминируется
2 1 1 1 (N=19)	17	89	11	
1 2 1 1 (N=11)	10	91	7	
1 1 2 1 (N=9)	9	100	6	
Общее распределение	60%			26%

Примечания: ¹ — в колонке представлена последовательность фиксирования переменных в сочетаниях, указанных в группировке I; ² — абсолютная наполненность; ³ — процент высоко удовлетворенных браком из всех представленных в данном сочетании; ⁴ — процент к подвыборке высоко удовлетворенных браком.

В представленных сочетаниях максимальная удовлетворенность браком у женщин связана с разнообразной, но жестко детерминированной структурой. Четыре показателя соотносятся между собой по-разному, при одном сквозном — твердая уверенность в симпатии мужа. Первый ряд, естественно, идеальный, в других — один из признаков выражен не самым высоким, но с позитивным оттенком («в общем, да») значением. Одновременно не вызывает сомнения, что удовлетворительная оценка брака не складывается под влиянием названных отношений.

Обратимся теперь ко второй группировке (II) (табл. 9). И в данном случае максимальная удовлетворенность браком у женщин сопряжена с разнообразной и жестко детерминированной структурой. Четыре показателя соотносятся по-разному, при двух сквозных — совместимость с родственниками супруги и поощрение мужем индивидуальных потребностей жены. Первый ряд — вновь идеальный, в двух последующих — один из признаков второго уровня, а в последнем — оба уровня представлены поровну. Здесь, как и в предыдущей группировке,

Таблица 9

Обусловленность удовлетворенности браком «психологической адаптированностью», «совместимостью мужа с родственниками жены», «знанием мужем индивидуальных потребностей жены» и «отзывом супруга на эти потребности» (подвыборка женщин, 1978 г.)

Сочетания	Высокая удовлетворенность браком (N = 151)			Средняя удовлетворенность браком (N = 66)
	абсолютное количество	%	%	
1 1 1 1 (N=26)	23	88	15	Этими переменными не детерминируется
1 1 2 1 (N=14)	12	86	8	
2 1 1 1 (N=15)	12	80	8	
2 1 2 1 (N=13)	11	85	7	
Общее распределение	60%			26%

Примечание: таблица составлена по тому же принципу, что и табл. 8.

ровке, удовлетворенность браком не детерминируется перечисленными параметрами.

Обратим внимание на одно немаловажное обстоятельство. В табл. 8 и 9 два показателя идентичны, а два других — не совпадают: духовность и симпатия против информированности и позитивного реагирования на индивидуальные потребности. При этом доля женщин, высоко оценивающих свой брак, в первой из таблиц составляет 48%, во второй — 38%; аналогично соотношение и в «идеальном» типе: 24 против 15%. Значит, в браках, существующих менее десяти лет, максимальная удовлетворенность поддерживается скорее адаптационными процессами, чем акцентацией своего «Я».

Наконец, показатели третьей группировки (III) детерминируют максимальную удовлетворенность у подавляющего большинства (около 70%) женщин и выглядят так (табл. 10).

«Симпатия» вновь оказалась сильнее и сквозным показателем высокой удовлетворенности, остальные — изменяются в пределах одной ступени в промежутке между позитивной и негативной областью шкалы. Кроме того, первый ряд не просто, как всегда, идеален, но охватывает

Таблица 10

Обусловленность удовлетворенности браком «участием мужа в текущих семейных делах», «участием мужа в принятии кардинальных семейных решений», «духовной адаптированностью» и «симпатией мужа» (подвыборка женщин, 1978 г.)

Сочетания	Высокая удовлетворенность браком (N = 151)			Средняя удовлетворенность браком (N = 66)
	абсолютное количество	%	%	
1 1 1 1 (N=73)	61	84	40	ЭТИМИ переменными не детерминируется
1 1 2 1 (N=22)	19	86	13	
1 2 1 1 (N=16)	12	75	8	
2 1 1 1 (N=12)	9	75	6	
Общее распределение		60%	26%	

Примечания: таблица составлена по аналогии с табл. 8 и 9; «единица» в первом столбце — означает совместное участие супругов в выполнении текущих семейных дел; «двойка» — домашнее хозяйство ведется женой и «тройка» — домашнее хозяйство ведется мужем.

вдвое больше женщин, чем в подобных сочетаниях других группировок. Брачная удовлетворенность и этими сочетаниями не определяется.

Последний набор показателей наиболее характерен для женщин, состоящих в браке относительно непродолжительное время. Обращает на себя внимание преобладающее значение бытовой адаптации. Так, сопоставление данных табл. 8 и 10 обнаруживает несовпадение двух из четырех переменных, при этом бытовая адаптация вносит в суммарный показатель удовлетворенности почти на 20% больше, чем психологическая адаптация и совместимость с родственниками вместе взятые. Это лишний раз подтверждает предположение об особой роли психологической и бытовой адаптации на первом этапе становления брака. Она позднее, вместе с зарождающимся стремлением к самоутверждению, создает базу для возникновения симпатии. Однако путь женщин к браку, субъективно воспринимаемому как предельно удовлетворительный, однозначно не запрограммирован. Ведь даже если ограничиться исключительно «идеальным» вариантом, то и тогда открывается по меньшей мере три возможности: (а) бытовая, духовная адаптация — симпатия (40%), (б) психологическая и родственная адаптация — сим-

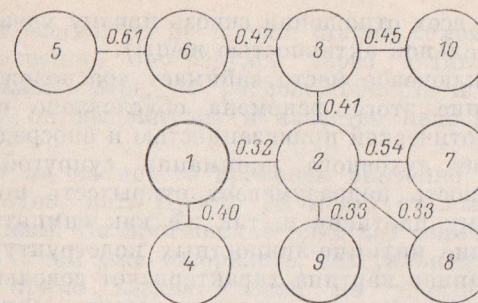

Рис. 6. Составляющие удовлетворенности браком мужчин (выборка 1978 г.).

Обозначения: 1 — удовлетворенность браком; 2 — стремление жены к сексуальной экспрессии; 3 — расположенность супруги; 4 — «легкость» супруги в повседневной жизни (непридирчивая, незанудная, воспринимает неудачи с чувством юмора и т. п.); 5 — уверенность в духовной преданности супруги в будущем, в том, что сохранится общность интересов, взглядов и т. п.; 6 — уверенность в симпатии супруги; 7 — мера удовлетворенности сексуальным общением с женой; 8 — знание женой индивидуальных потребностей мужа; 9 — супруга — хороший компаньон по досугу; 10 — проявление женой эротической привязанности.

патия (24%) и (в) психологическая и родственная адаптация — духовная автономия (15%).

В соответствии с поставленной задачей перейдем к анализу удовлетворенности браком мужчин. Схематично эта удовлетворенность представлена на графе связи (рис. 6).

Удовлетворенность браком у мужчин зависит непосредственно от психологической совместимости с супругой и ее сексуальной экспрессивности. Оценка систематичности стремления к сексуальной активности выступает здесь своеобразным индикатором, который вобрал в себя душевные и духовные компоненты. Иначе говоря, эта оценка может рассматриваться как результирующая реальной сексуальной удовлетворенности, меры супружеской расположенности, информированности жены об индивидуальных потребностях мужа и признания супруга как конформного компаньона по досугу. Выражаясь в понятиях другого уровня, можно сказать, что приписывание высокой значимости сексуальности связано с восприятием жены как субъекта, способного удовлетворить индивидуальные и личностные потребности мужа. (Очевидно, для некоторых случаев верна и обратная зависимость,

т. е. оценка всех отношений сквозь призму удовлетворенности сексуальной активностью жены).

Другое ключевое место занимает «расположенность». Возникновение этого феномена обусловлено симпатией жены, ее эротической привязанностью и опосредованно — перспективой духовного понимания супругой. Словом, расположенность подразумевает открытость по отношению к своему партнеру и, так же как симпатия, выражает созвучие интимно-личностных подструктур.

Нарисованная картина характеризует довольно непродолжительный отрезок времени: от момента юридического оформления брака и максимум до десяти лет совместной жизни. В браках, просуществовавших относительно длительный срок, по нашему убеждению, удовлетворенность мужчин зиждется на более широкой (и глубокой) платформе отношений. Верифицируя это предположение, мы построили по выборочным данным 1984 г. корреляционную плеяду.

На первый взгляд, получены иные, как будто бы никак не связанные с предыдущими (1978 г.), показатели. А именно: мужчины удовлетворены браком главным образом благодаря духовной совместимости с супругой, наличию симпатии с ее стороны и опосредованно (через последнюю) — сексуальной активностью жены (ср. с рис. 6). Но если мы глубже задумаемся в смысл сопоставляемых результатов, то обнаружим не только новизну, но и определенную преемственность. Действительно, на раннем этапе семейной жизни для мужчин оказывается важным — в рамках институциональных отношений — приспособиться к каждодневным стереотипным контактам с супругой (психологическая адаптация). Правда, такое резкое изменение позиции в некотором смысле нейтрализуется другим базовым основанием — сексуальной экспрессивностью жены. Поведение женщины в этом аспекте деятельности, приобретая статус «законности», становится раскованнее, что и предупреждает или, по меньшей мере, смягчает напряженность. И все-таки эффект спонтанной сексуальной отзывчивости, поддерживающий первичную адаптацию, вскоре — в силу физического привыкания²⁵ и неадекватности усилий, вкладываемых супругами — истощает себя. Поэтому устойчивость системы зависит от «включенности» менее ситуативного фактора — духовного понимания. Разумеется, этот фактор оказывал воздействие на формирование удовлетворенности браком

у мужчин всегда, но на первой стадии семейного цикла скорее косвенно, опосредуясь через активность жены в сексуальной сфере, ее расположенность и сочувствие; сейчас же он выдвинулся в качестве непосредственной опоры.

Сходит ли на нет со временем значение сексуальности? Конечно, нет. Просто ее место становится существенно иным. На протяжении ряда лет совместного проживания, о чем уже говорилось, сексуальная активность женщины прямо воздействовала на удовлетворенность мужчин браком; в сбалансированном же браке ее влияние опосредованно. И в самом деле, если первоначально сексуальность проявляется в большей мере в виде физического влечения, то в дальнейшем она тесно сопряжена с личностным потенциалом жены. Короче, интимные компоненты (симпатия, расположенность, признательность) вытесняют страсть.

Для установления дифференцирующей оценки удовлетворенности мужчин браком обратимся, так же как и при анализе женской подвыборки, к процедуре многомерной сортировки.

Составим из восьми переменных следующие группы.

I. «Легкость» супруги в повседневной жизни, уверенность в духовном понимании супругой, совместимость супруги с родственниками мужа, уверенность в симпатии жены;

II. Уверенность в духовном понимании супругой, уверенность в симпатии жены, стремление супруги к взаимодовлетворительному сексуальному общению, степень сексуальной отзывчивости жены;

III. Расположенность супруги, эротическая привязанность жены, стремление супруги к взаимодовлетворительному сексуальному общению, степень сексуальной отзывчивости жены.

Итак, соотнесем удовлетворенность браком по порядку с каждой из трех (I—III) группировок (табл. 11—13).

В представленных сочетаниях максимальная удовлетворенность браком мужчин сопряжена с разнообразной, но жестко детерминированной структурой. Четыре показателя соотносятся между собой по-разному, при двух сквозных — уверенность в духовной преданности и симпатии жены. Первый ряд, как всегда, идеальный и охватывает в данном случае почти треть из общего числа вы-

Таблица 11

Обусловленность удовлетворенности браком «психологической адаптированностью» «совместимостью» жены с родственниками мужа», «духовной отзывчивостью» и «симпатией жены» (подвыборка мужчин, 1978 г.)

Сочетания ¹	Высокая удовлетворенность браком (N = 164)			Средняя удовлетворенность браком (N = 66)
	абсолютное количество ²	% ³	% ⁴	
1 1 1 1 (N=56)	52	93	32	Этими переменными не детерминируется
1 2 1 1 (N=23)	23	100	14	
2 1 1 1 (N=24)	19	79	12	
Общее распределение	65%			26%

Примечания: ¹ — в колонке представлена последовательность фиксирования переменных в сочетаниях, указанных в группировке I; ² — абсолютная наполненность; ³ — процент высокоудовлетворенных из всех представленных в данном сочетании; ⁴ — процент к подвыборке высокоудовлетворенных браком.

сокоудовлетворенных, в других — один из признаков выражен более низкой, но в целом позитивной градацией шкалы. Здесь, очевидно, фиксируется стабилизирующий момент брака, ибо его базовыми ценностями становятся духовность и симпатия, а первичный адаптационный механизм функционирует рутинно.

Удовлетворенность этой совокупностью параметров не определяется.

Вторым набором показателей (II) максимальная удовлетворенность обуславливается у значительного количества мужчин (свыше 60%) (табл. 12).

Тип детерминации максимальной удовлетворенности браком аналогичен представленному выше: те же два сквозных признака, значения двух специфичных — сексуальной экспрессивности и сексуальной адаптированности — колеблются в минимальных пределах. Вместе с тем около половины мужчин из числа максимально удовлетворенных браком достигли такого состояния благодаря единству сексуальной гармонии и полной уверенности в духовной преданности супруги и ее сочувствии. Удовлетворенность браком не детерминируется и данными показателями.

Таблица 12

Обусловленность удовлетворенности браком «духовной адаптивностью», «симпатией», «сексуальной активностью» и «сексуальной адаптированностью» жены» (подвыборка мужчин, 1978 г.)

Сочетания	Высокая удовлетворенность браком (N = 164)			Средняя удовлетворенность браком (N = 66)
	абсолютное количество	%	%	
1 1 1 1 (N=84)	76	90	46	Этими переменными не детерминируется
1 1 2 1 (N=27)	21	78	13	
1 1 1 2 (N=9)	7	78	4	
Общее распределение	65%			26%

Примечание: таблица составлена по тому же принципу, что и табл. 11.

Последним набором сочетаний (III) максимальная удовлетворенность детерминируется у половины мужчин. Он, в частности, выглядит так (табл. 13).

Сочетания, представленные в табл. 13, оказались наиболее разнообразными, как по количеству рядов, так и по наличию нейтральных градаций. Лишь один фактор сквозной — мера сексуальной отзывчивости супруги.

Одновременно выявлено отсутствие зависимости брачной удовлетворенности от четырех избранных детерминант.

Отметим еще один важный для нашего анализа момент: каждый пятый мужчина, получающий от сексуальной близости с женой удовольствие — несмотря на не сложившееся личностное понимание, т. е. не сформировавшуюся расположенность — рассматривает свой брак как весьма удовлетворительный. Не противоречит ли это утверждение выводам, сделанным на основании графа связи, построенного по эмпирическим материалам 1981 г.? Отнюдь, нет. Ибо в данном случае зафиксирован переходный (от неформального к формальному) этап семейных отношений, для которого характерно переживание сексуальности как страсти.

Таким образом, путь мужчин к максимально удовлетворительному браку — многовариантен, однако непременными его составляющими являются адаптационные

Таблица 13

Обусловленность удовлетворенности браком «расположенностью» и «эротической привязанностью», «сексуальной активностью» и «сексуальной адаптированностью жены» (подвыборка мужчин, 1978 г.)

Сочетания	Высокая удовлетворенность браком (N = 164)			Средняя удовлетворенность браком (N = 66)
	абсолютное количество	%	%	
1 1 1 1 (N=24)	22	92	13	Эти переменными не детерминируется
1 2 1 1 (N=21)	20	95	12	
1 2 2 1 (N=10)	8	80	5	
2 1 1 1 (N=13)	11	85	7	
2 2 1 1 (N=33)	23	70	14	
Общее распределение	65%			26%

Примечание: таблица составлена аналогично двум предыдущим.

(психологические, духовные, сексуальные) и личностные (симпатия, расположенность) компоненты.

До сих пор речь шла об удовлетворенности браком каждого из супругов в отдельности. Этот шаг был принят лишь как предварительный, подготавливающий сравнительный анализ. Обратимся теперь к нему. Высокая удовлетворенность браком мужчин и женщин чаще всего создается общими основаниями — адаптацией и симпатией. Правда, адаптационный синдром наряду с совпадающей ценностью — духовным пониманием — содержит и различия: женщины акцентируют быт, мужчины — сексуальность. Среди тех и других встречаются исключения (в пределах 13—15%). Например, некоторые женщины пытаются достигнуть единства, ни на йоту не ущемляя своей индивидуальности. Но вернемся ко всей совокупности удовлетворительных браков. Сопоставим последовательно браки, просуществовавшие до десяти и пятнадцати лет.

Сравнение корреляционных плеяд (см. рис. 5 и 6) показывает, что у женщин «брачная удовлетворенность» непосредственно связана с шестью признаками, тогда как у мужчин — только с двумя, на следующем — опосредованном — уровне картина противоположная: два признака у женщин против четырех у мужчин. Помимо того,

у мужчин выстраиваются две периферийные ступени. Интересный факт обнаружен благодаря сравнению графов связи. Если для женщин перманентность духовной общности представляется существенным и самооценным элементом брачного союза, то у мужчин (на первом этапе) значимость ее многократно опосредована и тесно сопряжена с интимно-эмоциональным комплексом.

Рассмотрим детальнее единственный совпадающий показатель — «легкость» супруги(га) в повседневных обстоятельствах, т. е. психологическую адаптацию. Почему брачные партнеры придают первостепенное значение психологической совместимости?

Человеческая деятельность в современном индустриальном городе, как известно, регулируется жесткими правилами, стереотипами и нормами.²⁶ На производстве человеческие отношения регламентированы технологическими нормативами и статусными предписаниями, нарушение которых, естественно, влечет за собой дезорганизацию трудового процесса. Оказываясь за пределами своего предприятия, индивид сталкивается с иной, но в принципе столь же формализованной системой — бытовой. Иллюстрацией этой мысли могут служить отношения продавец — покупатель.

Когда люди жили в небольших поселениях (сельских и городских), то продавец в общем знал всех своих постоянных покупателей. Во время отпуска товаров он обменивается с ними информацией о местных событиях: кто родился, кого крестили, у кого намечается свадьба и т. п. Короче, общение продавца с покупателями носило неформальный характер. Другое дело — большие городские магазины. Здесь перед продавцом за день проходят сотни, тысячи лично ему неизвестных покупателей. Если бы он с каждым из покупателей общался как со своим знакомым, то интенсивность контактов в обозримый временной срок привела бы к разного рода психическим расстройствам. Чтобы избежать таких последствий, в современных городских условиях отношения продавец — покупатель должны определяться однозначно зафиксированными правилами.

И наконец, есть еще одна сфера деятельности — досуг. В свободное время, казалось бы, открывается широкая возможность для раскрытия личностного потенциала человека. Но на самом деле индивидуальные ориентации реализуются, как правило, редко, так как досуг в усло-

виях большого города, несмотря на многогамность структуры (от отдыха до праздника),²⁷ в принципе мас-совиден. В нем выработались культурные формы, способные на короткое время объединять совершенно незнако-мых людей. Они требуют небольшого пространства на каждого участника, предполагают лишь минимум подго-товки и вовсе не рассчитаны на общение (эстрадные представления, кино, стадионы и т. п.). Массовидность и стереотипизация пронизывают даже те виды досуга, которые предполагают эстетическую и познавательную активность, — например, живопись.²⁸

В очерченных условиях городская семья оказывается той уникальной общностью, где в повседневных нефор-мальных контактах супругов (как, впрочем, и родителей с детьми) при благоприятно складывающихся взаимоот-ношениях восполняется дефицит личностного общения и тем самым «растворяется» накопившаяся негативная пси-хическая и эмоциональная энергия, в то время как пси-хологическая неадаптированность приводит к устойчи-вому дистрессу (скажем, «бегство в болезнь») или краху брака. Чем же вызваны сложности адаптации?

Юноши и девушки, составляющие брачную пару, — нередко выходцы из разных социально-профессиональных слоев. Они могли находиться под влиянием различных кол-лективов (школьных, спортивных и пр.) и воспитываться в разных по своему образу жизни семьях. Все эти общ-ности имеют свои системы нравственных принципов, цен-ностей и отношений, которые, безусловно, накладывают специфический отпечаток на весь строй мыслей и дей-ствий будущих супругов. В силу этого сколько-нибудь полное совпадение представлений о семейных отноше-ниях у мужчин и женщин теоретически, очевидно, возможно, но практически обнаруживается довольно редко. Поэтому судьба индивидуальной семьи целиком зависит от приспособительных (объективных и субъек-тивных) возможностей супругов.²⁹

Все остальные факторы, способствующие удовлетво-ренности брака в пределах первого десятилетия совмест-ной жизни, оказались специфичны для каждого пола. А именно: напомним, для женщин — это бытовая и ду-ховная адаптация, совместимость мужа с ее родственни-ками и самоутверждение, для мужчин — сексуальная экс-прессивность жены.³⁰ Далее, за пределами десяти лет фиксируется новый период, происходит сближение цен-

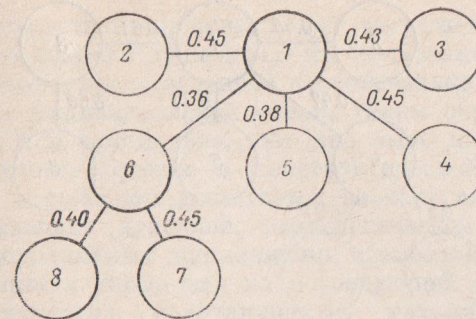

Рис. 7. Составляющие удовлетворительного брака (согласованные показатели, выборка 1978 г.).

Обозначения: 1 — взаимная удовлетворенность браком; 2 — уверенность в будущем духовном взаимопонимании, в том, что сохранится общность инте-ресов, взглядов и т. п.; 3 — уверенность мужа и жены в симпатии друг к другу; 4 — поощрение мужем и женой индивидуальных потребностей друг друга; 5 — «легкость» в повседневной жизни (непридирчивые, незанудные, воспри-нимают неудачи с чувством юмора и пр.); 6 — сексуальная взаимудовлетво-ренность; 7 — мера сексуальной экспрессивности; 8 — знание супругами индивидуальных потребностей друг друга.

ностных ориентаций. В частности, предъявляются два совпадающих требования — духовное единство и симпа-тия, при неизменной акцентации женщинами своего «Я».

Установленные тенденции суть следствия двух тесно связанных процессов: развития индивидуальной семьи и исторической эволюции моногамии. Проиллюстрируем пер-вую из названных тенденций, сопоставив корреляционные графы, построенные по согласованным показателям (рис. 7 и 8).

Несколько предварительных замечаний. Суждения об удовлетворенности браком, высказанные мужчинами и женщинами, неидентичны согласованным мнениям. По-следние не только в значительной степени нивелируют специфику пола, но и высвечивают своеобразие отдель-ных стадий (фаз) развития индивидуальной семьи.³¹ Так, судя по данным опроса 1978 г., женщины воспринимают брак как удовлетворительный при условии реализации широкой приспособительной гаммы (бытовой, психологи-ческой, родственной и духовной) и положительного от-клика мужа на ее индивидуальные потребности; муж-чины особое внимание уделяют психологической адапта-ции и сексуальной экспрессивности супруги. Что же ка-сается взаимно удовлетворительных отношений, то они опираются на психологическую, духовную и сексуальную

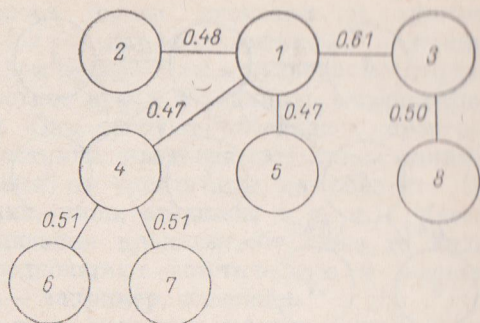

Рис. 8. Составляющие удовлетворительного брака (согласованные показатели, выборка 1981 г.).

Обозначения: 1 — взаимная удовлетворенность браком; 2 — уверенность в будущем духовном взаимном понимании, в том, что сохранится общность интересов, взглядов и т. д.; 3 — уверенность мужа и жены в симпатии друг к другу; 4 — знание супругами индивидуальных потребностей друг друга, 5 — взаимная признательность за стремление к гармонизации супружеских отношений; 6 — «легкость» в повседневной жизни; 7 — поощрение супругами индивидуальных потребностей друг друга; 8 — мера сексуальной экспрессивности мужа и жены.

совместимость, поощрение супругами индивидуальности друг друга и обоюдную симпатию. Стало быть, с одной стороны, происходит сужение веера претензий (скажем, у женщин элиминируются бытовое и родственное приспособление), с другой — в результате совмещения ценностных ориентаций корректируются и отбираются наиболее фундаментальные основания. Например, без психологической адаптации — что подробно освещено выше — невозможен переход от неформальных к институциональным принципам («переходная» фаза). Для бесконфликтного функционирования брака оказалась также важной сексуальная (кстати, этот ракурс отношений проявился внезапно, ибо ни среди мужских, ни среди женских ориентаций он ранее не фигурировал) и духовная адаптация.

В то же время приспособление не должно быть чрезмерным, так как односторонность чревата застоєм. Отсюда — любая активная личность (мужчина и женщина в равной мере), будучи элементом семейной системы, удовлетворяя свои духовные потребности, стремится реализовать две противоположные цели: интегрироваться с браком как социальным институтом и выделить свое «Я» в качестве автономной единицы. Помимо того, успешное преодоление брачными партнерами «критической» стадии (от 2 до

5 лет совместного проживания)³² сопряжено с зарождением глубинной (душевной) неосознаваемой структуры супружества, представленной первоначально «симпатией». Развитие индивидуальной семьи, таким образом, перманентно. И в самом деле, как уже было показано, удовлетворенность браком в «посткритической» фазе (см. рис. 7) в основном достигается за счет адаптационных составляющих (духовной, психологической и сексуальной), дополняемых единичными элементами автономии и интимности, тогда как на последующей стадии («сбалансированной») адаптационный механизм сводится к минимуму — духовному пониманию, интимность, напротив, расширяется, а комплекс самоутверждения ведет себя неоднозначно, варьируясь в широких границах. Гипертрофированность автономного поведения создает потенциальную возможность для возникновения второй «критической» фазы. По справедливому утверждению Г. Г. Дилигенского, «человек не может целиком „слиться“ с социумом, превратиться лишь в его, лишенную всякого индивидуального бытия и сознания, функциональную единицу, не может он обрести и абсолютную автономию от общества. Поэтому и порождающий базовую напряженность недостаток носит двусторонний характер: он может выступать и как дефицит позитивных для индивида связей с обществом и как недостаток его самостоятельности, автономной деятельности в нем».³³

Процессы, обнаруженные при анализе развития индивидуальной семьи, суть не что иное, как конкретное отражение исторической эволюции моногамии. Согласно Ф. Энгельсу, возникновение патриархальной моногамии было результатом «ниспровержения материнского права» и явилось тем самым «всемирно-историческим поражением женского пола. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения».³⁴ Массовое вовлечение с конца XIX в. женщин в профессиональную деятельность способствовало ее общественно-политической эмансипации, отразилось на социально-экономическом статусе мужчин и привело в конечном счете к коренной реконструкции семьи, важные закономерности которой фиксируют эмпирические данные.

Женщины осваивают новые сферы деятельности — общественно-трудовую и политико-культурную, а также

интенсифицируют и преобразуют традиционную — семейную. Мужчины, с одной стороны, утрачивают монополию в профессиональной области, уступая в первую очередь отрасли промышленности с менее квалифицированным трудом (например, текстильную) и индустрию услуг, с другой — по крайней мере, внешне, более пассивно интериоризируют вновь формирующуюся систему семейных ценностей и ролей. Сдвиг и переакцентация половых обязанностей приводят к новой иерархизации основных сфер деятельности и напряжению в отдельных точках соприкосновения. Снятие напряженности требует как от женщин, так и от мужчин выработки адекватных полу профессиональных, семейных ролей и направленности интересов, ибо равенство не означает одинаковости.³⁵ Известно, что лозунг женского равноправия, например, требование отказа от «двойной» сексуальной морали, нередко практически сводится к тому, чтобы распространить на женщин традиционные «привилегии» мужчин.³⁶ Неполадотворность стремления женщин добиться эмансипации копированием мужчин — несомненна, они должны открыть для себя иной, свой собственный путь, отличный от мужского мирозерцания. В то же время мужские и женские ценностные ориентации не могут не быть взаимонаправленными, дополняемыми.³⁷ Так, возможность новаций и углубления семейных позиций женщин детерминирована мерой их социальной активности и уровнем личностного развития. Эмпирический индикатор, улавливающий это движение, — важность поощрения мужем индивидуальных потребностей супруги. А именно: возникновение у женщин индивидуальных — направленных во внесемейную сферу — потребностей находится в тесной связи с ее новым социально-экономическим и культурным статусом, признание же этих потребностей со стороны мужа как бы подтверждает нравственность и «законность» таких претензий. Словом, мужчины не только уяснили неизбежность этого, но и реально способствуют развитию их внесупружеских духовных интересов. Сознательное поощрение мужьями индивидуальности супруги, без сомнения, сопряжено с повышением значимости ее личностных характеристик для него самого. Это четко прослеживается в наших выборках: мужья особо выделяют среди факторов, содействующих субъективной удовлетворенности браком, сексуальную экспрессивность и расположенность жен, т. е. психоэмоциональные, а не

хозяйственно-практические качества, которые в прошлом имели решающее значение при выборе брачного партнера. Значит, и мужчины не абсолютно безразличны к семейным ролям: уступив одни, вытекающие из статуса патриарха, они осваивают (и не менее успешно, чем женщины) другие — собственно супружеские.

4. Ценности супружества

Отдельные элементы супружеского взаимодействия, несомненно способствуют успешному протеканию брака. Но вместе с тем ни один из них, ни даже набор однопорядковых отношений, скажем, симпатии, расположенность, признательность, не могут служить достаточной базой семейной стабильности. Для безкризисного функционирования и развития брака необходим механизм, состоящий из трех блоков ценностей: адаптационного синдрома, интимности и автономии. Раскроем по порядку каждое из этих понятий и выясним, как они соотносятся между собой.

Под адаптацией понимается целостная система активных и направленных действий индивида, способствующих не только поддержанию динамического равновесия в конкретных социальных условиях, но и обеспечивающих возможность эволюции при их изменении.³⁸ Применительно к рассматриваемой проблеме должен существовать ряд тесно связанных между собой приспособительных отношений, каждое из которых в большей или меньшей (но непременно в значимой) степени оказывает воздействие на устойчивость супружества. И действительно, судя по нашим материалам, существует семь адаптационных ниш: духовная, психологическая, сексуальная, информационная, родственная, культурная и бытовая. Эти ниши имеют подвижную иерархизированную структуру, сдвиги в ней предопределяются фазой индивидуального развития семьи. Например, верхняя половина приспособительной шкалы в «переходной» стадии выглядит так: духовная, психологическая, сексуальная и культурная, а в «сбалансированной» — духовная, информационная, сексуальная и бытовая. Казалось бы, идея многовариантности и иерархичности адаптационного синдрома тривиальна, и тем не менее она практически до сих пор игнорируется. Специалисты, проявляющие ин-

терес к проблемам семьи, нередко гипертрофируют одну из приспособительных сторон — как правило, ту, которая соответствует их научному профилю, — и недооценивают остальные.

Так, в последнее время появился ряд работ, приписывающих особое место психологической совместимости супругов. «Единство взглядов, эмоционального настроя, достижение взаимопонимания, примерно одинаковая оценка жизненных ситуаций, требование к сотрудничеству — все это входит, — по мнению В. Сысенко, — в какой-то мере в понятие психической совместимости... Психическая совместимость — интегральная психическая категория, потому что она синтезирует целый ряд качеств, свойств характера, темперамента, ума человека, его взгляды и т. д. и т. п.»³⁹ Бросается в глаза расширительное толкование В. Сысенко «психической совместимости», которая по меньшей мере охватывает наряду с действительными показателями психологических отношений (эмоциональный настрой, свойства характера, тип темперамента) элементы духовности и культуры (единство взглядов, оценка жизненной ситуации). Но даже принятие такой безбрежной трактовки «психического» оставляет за его рамками родственную, бытовую и сексуальную адаптацию. Чем же вызвано представление о самодостаточности психологической совместимости?

Оно, это представление, обусловлено, с одной стороны, приватизацией семейной жизни,⁴⁰ с другой — ростом возможности инструментального вмешательства в брачное взаимодействие. Психологи (и психиатры) убеждены в том, что у них появился богатый набор «инструментов», который — если научиться им эффективно пользоваться — поможет сделать семейные отношения бесконфликтными.⁴¹ Здесь мы сталкиваемся с очередной иллюзией: непротиворечивость эмоционального настроя, совпадение темпераментов и характерологических свойств мужа и жены еще не гарантируют, например, культурную или информативную совместимость. Необходимо постоянно помнить, что приспособление имеет интегральный характер, а элементарные отношения (в том числе психологические) являются лишь его составляющими.

Столь же односторонними выглядят попытки утвердить особое место сексуальной адаптации в брачном благополучии. Еще лет пятнадцать-двадцать назад в социо-

логической литературе было распространено мнение, что супружеское сексуальное приспособление в общем-то не отражается на состоянии брака. Сегодня эта точка зрения пересматривается.⁴² Более того, часть сексопатологов, исходя из увеличения жалоб по поводу сексуальной дисгармонии, по закону маятника «качнулись» в противоположную крайность — стали считать дисгармонию главной причиной брачных конфликтов и разводов.⁴³ На чем основано утверждение сексопатологов? Очевидно, на клинических наблюдениях. Но результаты последних ни в коем случае нельзя экстраполировать на всю совокупность семей. По данным наших опросов 1978 и 1981 гг., сексуальность неизменно занимает третье место на адаптационной шкале: после духовной и психологической совместимости у супругов, состоящих в браке от 1 дня до 10 лет, и после духовной и бытовой — у совместно проживших от 10 до 15 лет. Место на шкале дает, правда, относительное представление о роли сексуальности, важнее уяснить зависимость удовлетворенности браком от этой стороны адаптации ($r=0.38$). Среди пар, весьма удовлетворенных браком, сексуально совместимыми оказались практически все, а среди неудовлетворенных — только 63%.⁴⁴ Мужья и жены из первых союзов, таким образом, всегда сексуально адаптированы, но не верна обратная зависимость — из числа негативно оценивающих свой брак приблизительно каждые две супружеские пары из трех смогли приспособиться в этом отношении. Стало быть, сексуальность, анализируемая изолированно от других адаптационных линий, не может служить критерием супружеской напряженности. Наряду с этим эмпирический материал зафиксировал автономию сексуальности не только относительно института брака, но и, отчасти, от супружества. Последняя тенденция рельефно высвечивается при сопоставлении психологической и сексуальной совместимости. Между означенными адаптационными аспектами существует достаточно тесная связь ($r=0.26$ для выборки 1978 г. и $r=0.22$ для выборки 1981 г.). Конкретно зависимость выглядит так. Из общего числа супругов, достигших высокого уровня сексуально-эмоциональной экспрессии, 62% (54%)⁴⁵ психологически адаптированы, у 33% (39%) эти отношения напряженные, а 5% (7%) вообще психологически несовместимы. Ведущей адаптационной рсью брака является поиск общих супружеских ценно-

Таблица 14

Зависимость удовлетворенности браком мужа и жены от уровня духовной адаптированности (в %)

Степень удовлетворенности браком	Духовная адаптированность		
	абсолютная (N = 133 пары)	относительная (N = 160 пар)	отсутствует (N = 107 пар)
Максимально удовлетворены	56.3	37.5	10.4
Удовлетворены	42.1	47.5	40.1
Не удовлетворены	1.6	15.0	49.5

стей и потребностей ($r=0.46$), т. е. духовное единение (табл. 14).

Представленные данные поддаются плодотворной интерпретации. В первую очередь обратим внимание на высокую долю пар с совпадающими по смыслу показателями удовлетворенности браком и адаптационного процесса: максимальная удовлетворенность браком — абсолютная адаптированность, удовлетворенность браком — относительное приспособление и неудовлетворенность браком — полная несовместимость. Далее. Несмотря на преобладающее представительство в удовлетворительных браках относительно приспособленных в духовном плане супругов, следует подчеркнуть почти равновероятностное распределение в такого рода союзах всех трех адаптивных уровней. И, наконец, обнаружен факт, который может в обыденном сознании восприниматься как парадоксальный. А именно: каждая десятая духовно неадаптированная пара тем не менее высоко оценивает свой брак и, наоборот, около двух процентов супругов, духовно близких друг другу, — браком не удовлетворены. Отсюда следует, что уровень духовного взаимопонимания определяет состояние брака в целом лишь как правило, так как высокая (не говоря уже о принципиальной) удовлетворенность в ряде случаев складывается «в пику» духовной рассогласованности. Таким образом, подтверждается идея о системности супружеской адаптации.

Роль духовной адаптации супругов особенно показательна в ее соотношении с сексуальной моралью (табл. 15).

Сравним, предварительно, между собой показатели разных лет внутри подвыборок. Среди духовно адаптиро-

Таблица 15

Оценка возможности внебрачных сексуальных отношений для мужчин в зависимости от духовной адаптированности супругов (в %)

Оценка	Духовно адаптированы		Духовно неадаптированы	
	опрос 1978 г.	опрос 1981 г.	опрос 1978 г.	опрос 1981 г.
Осуждение *	38.7	35.1	13.3	8.5
Нежелательность *	36.0	28.1	42.2	30.0
Естественность *	1.3	1.8	11.1	11.9
Рассогласованность мнений	24.0	35.1	33.3	49.2

Примечание: Каждая из совокупностей представлена 200 супружескими парами, выборки выравнены по продолжительности брака (от 1 года до 10 лет); * — согласованные мнения мужа и жены.
То же для табл. 16.

ванных пар крайние по нравственной оценке позиции за три года не претерпели существенных изменений. Две другие оказались не столь устойчивыми. Так, оценка «нежелательно» снизилась на 8%, а рассогласованные мнения, напротив, возросли на 11% (расхождения статистически значимы). Словом, в 1981 г. отмечается движение от негативно-расплывчатых к разнонаправленным установкам по поводу поведения мужчин. В подвыборках неадаптированных супругов лишь в одном ракурсе — оправдание связей — удельные веса остались неизменными. Доля других суждений трансформировалась в принципе в одном направлении: снизились «осуждение» и «нежелательность» таких связей, за счет чего возросла рассогласованная позиция (расхождения статистически значимы). Итак, в обеих подвыборках выявились аналогичные тенденции изменения отношения к внебрачным связям мужчин, при этом у неадаптированных переосмысление моральных оценок протекает несколько интенсивнее. Такие тенденции могут быть обусловлены во второй подвыборке либо коренными переменами в нравственных нормах, либо существенно отличным состоянием брака. Поскольку возможность коренных сдвигов в общественном сознании и индивидуальной морали за временной отрезок в три года практически исключена, постольку, следовательно, дело в брачной атмосфере. И действительно, оценка возможности внебрачных контактов, как оказалось, теснее всего сопряжена с уровнем удовлетво-

Таблица 16

Оценка возможности внебрачных сексуальных отношений для женщин в зависимости от духовной адаптированности супругов (в %)

Оценка	Духовно адаптированы		Духовно неадаптированы	
	1978 г.	1981 г.	1978 г.	1981 г.
Осуждение *	50.7	46.6	25.0	35.0
Нежелательность *	36.0	31.0	38.6	41.7
Естественность *	1.3	—	2.3	5.0
Рассогласованность мнений	12.0	22.4	39.1	18.3

ренности браком ($r = -0.36$ для мужчин). Конкретно это выглядит так. В 1978 г. весьма удовлетворительные браки составляли 43 % против 32 % в 1981 г., а удовлетворительные — соответственно 38 и 48 %.

Вернемся к материалам табл. 15 и сравним ориентации адаптированных и неадаптированных брачных партнеров. Независимо от года опроса духовно несовместимые супруги в 3—4 раза реже осуждают внебрачную сексуальную практику, чем адаптированные; одновременно среди первых в 6—8 раз возросло оправдание для мужчин этих отношений.

Логика обязывает обратиться теперь к соответствующим оценкам женского поведения (табл. 16).

Проведем анализ по той же схеме, что и в случае мужчин. Цифровой материал, относящийся к подвыборке духовно адаптированных супругов, свидетельствует о росте разнонаправленных мнений. Рост связан с некоторым снижением негативных оценок и являет собой частный случай общего пересмотра моральных ценностей. Данные подвыборки неадаптированных супругов демонстрируют иную тенденцию: доля рассогласованных суждений сокращается, за счет этого происходит поляризация мнений, детерминированная менее благоприятным (по сравнению с 1978 г.) состоянием брака. Сопоставление подвыборок по уровню адаптации показало: духовно не совместимые супруги в 1.5—2 раза реже осуждают внебрачную сексуальную практику, чем совместимые; в то же время первые в большей мере положительно оценивают возможность такой практики для женщин.

Суммируя все изложенное, можно сказать, что среди

супругов с налаженной системой духовного взаимопонимания значительная доля мужчин и женщин негативно оценивают возможность внебрачной сексуальной практики для обоих полов. При этом вполне правомочно говорить о латентной тенденции к единой морали. Одновременно зафиксирован сдвиг в сторону позитивных ориентаций на внебрачные контакты у духовно несовместимых партнеров и явная выраженность двойного морального стандарта. Как же интерпретируется данное обстоятельство?

Современная нравственность, как известно, является такой формой регуляции активности человека, которая учитывает всю сложность и многоплановость способов поведения.⁴⁶ Ее нормы имеют предельно обобщенный характер. Но общее требование вместе с тем конкретизируется всякий раз в реально складывающихся ситуациях и применительно к субъекту действия, т. е. нравственность наряду с общими нормами поведения выделяет ситуативно-личностные предписания, выступающие как конкретный долг данного субъекта деятельности. Значит, каждый человек в одном отношении в принципе должен выполнять такие же требования, какие могут возникнуть перед всяким другим в тождественных обстоятельствах. Но в другом отношении эта задача должна быть в данной ситуации решена им самим, им же лично мотивирована, внутренне обоснована для себя. Иными словами, человек в рамках общепринятой морали поставлен перед выбором своих поступков и тем самым — своего нравственного облика. Человек, по К. Марксу, «свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность...».⁴⁷ Только в этом смысле нравственная свобода выражает подлинную человеческую сущность.

Применительно к обсуждаемой проблеме нравственной нормой выступает негативное отношение к возможности внебрачных контактов. И тем не менее такая позиция сегодня не безусловна. Она каждый раз осмысливается и конкретизируется, исходя из ситуативно-объективных обстоятельств. И важнейшим критерием (наряду с супружеской сексуальной удовлетворенностью), определяющим установку (и отчасти, поступок), выступает мера духовного единства с брачным партнером. Отсюда — при отсутствии духовного взаимопонимания позитивная внебрачная ориентация не ассоциируется с нарушением

долга. И наоборот. Стало быть, можно утверждать, что нравственность здесь зиждется не на институциональных, а на личностных принципах.

Мы остановились подробно лишь на трех составляющих адаптационного синдрома (психологической, сексуальной, духовной), анализ можно было бы продолжить. Однако идти по этому пути представляется нецелесообразным, так как дальнейшая детализация — скажем, раскрытие роли бытового приспособления⁴⁸ — не может дать ничего существенно нового для доказательства системности адаптационного процесса.

Другим, более глубоким горизонтом брачной устойчивости является интимность (от лат. *intimus* — внутреннее). По В. И. Далю, интимный — близкий, тесный, душевный, сердечный, искренний.

В нашей литературе до сих пор «интимность» нередко употребляется в качестве эвфемизма сексуального. Это — прямое наследие вековых традиций, идущих от христианской морали, которая в наиболее аскетических формах (гностицизм) относилась к физической близости откровенно враждебно. Блестящим подтверждением живучести предрассудков в области половых отношений могут служить слова М. Монтеня, актуальные и поныне: «В чем повинен перед людьми половой акт — столь естественный, столь насущный и столь оправданный, — что все как один не решаются говорить о нем без краски стыда на лице и не позволяют себе затрагивать эту тему в серьезной и благопристойной беседе? Мы не боимся произносить: *убить, ограбить, предать*, — но это запретное слово застревает у нас в зубах. Нельзя ли отсюда вывести, что чем меньше мы упоминаем его в наших речах, тем больше останавливаем на нем наши мысли».⁴⁹

Наряду с этим современная социология и социальная психология уделяют мало внимания собственно интимному. Правда, относительно индивида этот феномен достаточно подробно описан И. С. Коном. В частности, он показал, что массовое пробуждение чувства личности,⁵⁰ подготовленное капиталистическими общественными отношениями, «процесс сложный, сочетающий в себе объективное (пространственное и социальное) обособление индивида, рост его социальной самостоятельности и повышение психологической ценности „я“, интимизации и усложнения внутреннего мира личности».⁵¹

Что касается интимизации семейных отношений, то

исследования в этой области находятся в зачаточном состоянии, отсутствует явно выраженный интерес к проблеме. Так, В. Кореневская, изучавшая семейные отношения женщин-работниц Запорожья, отмечает: «Вызывающий уважение женщин супругов в большинстве случаев характеризуется как личность, отличающаяся нравственной чистотой, искренностью, внимательностью и отзывчивостью. На заботливое и внимательное отношение супругов друг к другу ориентировано 46.7%, а на верность — 46.3% обследованных работниц».⁵² Моральная поддержка, доброта и искренняя участливость к интересам и потребностям друг друга, по мнению социолога, являются основополагающими требованиями супругов. И хотя в исследовательском контексте ни разу не употреблено слово интимность, по существу речь идет именно о ней, т. е. о гуманоидных, экзистенциальных ценностях человека.

Однако терминологическая неопределенность подчас приводит к явной двусмысленности. К примеру, С. Рапорт, рассматривая соотношение социокультурных и внутрисемейных норм, приписывает последним редуцированность, «заниженность». Редуцированные нормы, с его точки зрения, призваны регулировать «огромную по своей важности область жизни,носящую так называемый интимный характер». Что же вбирает в себя эта «сфера деятельности»? Оказывается — быт, туалет, болезни, конфликты, наготу, секс.⁵³ Такой ряд вызывает по меньшей мере недоумение. Скажем, туалет или наготу вряд ли можно приписать душевному уровню личности или супружества. Болезни лишь иногда способствуют проявлению интимности, а конфликты служат источником противоположных чувств и отношений и т. д., и т. п.

Нам представляется, что в силу несомненного роста значимости интимности для брачной стабильности назрела необходимость более тщательного эмпирического анализа этой супружеской ценности. Но сначала уточним понятие «интимность» применительно к индивиду и супружеству. Интимизация индивида характеризуется усложнением его внутреннего мира, самоконструированием, самоактуализацией; иными словами, происходит индивидуализация человека, выделение его в качестве специфической единицы. На этом уровне интимность в общем-то тождественна автономии. Когда же речь идет об интимности как атрибуте супружества, то подразумевается, что инди-

Таблица 17

Соотношение удовлетворенности мужа и жены
браком и уровня супружеской симпатии (в %)

Степень удовлетворенности	Симпатия		
	абсолютная	относительная	практически отсутствует
Максимально удовлетворены (N=147 пар)	71.4	25.0	3.6
Удовлетворены (N=175 пар)	41.1	50.3	8.6
Не удовлетворены (N=79 пар)	15.2	36.7	48.1

Примечание: стаж в браке от 1 года до 10 лет ($r = 0.51$); «абсолютная» — это безусловная взаимная симпатия супругов; «относительная» — принципиальная («в общем, да») взаимная симпатия супругов, практическое «отсутствие» — по меньшей мере один из супругов отрицает наличие симпатии.

видуальность мужа и жены не только не противопоставляет их друг другу, а, наоборот, благодаря созвучию гуманоидных ценностей, способствует более тесному их сближению. Словом, супружескую интимность можно представить как своего рода монаду, соединившую воедино две индивидуальности, образующие таким образом качественно иную близость, нежели адаптация. И последнее. Супружеская интимность и автономия — контрастны и одновременно сопряжены между собой. Попросту говоря, автономия предопределяется интимностью. (Об этой ценности подробнее будет сказано ниже.)

Итак, на инструментальном уровне интимность можно представить в виде совокупного показателя (индекса), сконструированного из четырех составляющих — симпатии, расположенности, признательности и эротической привязанности, — которые семантически и статистически тесно взаимосвязаны.⁵⁴

Учитывая доминантное положение «симпатии» в структуре супружеской интимности (см. § 3 данной главы), коротко остановимся на ее роли в удовлетворенности мужа и жены браком (табл. 17).

Данные таблицы указывают на две противоположные тенденции. С одной стороны, налицо строгое соответствие уровней удовлетворенности браком и симпатии: максимальные доли приходятся на пересечения однопорядковых значений. Эта закономерность, если исходить из видения современной семьи как супружеской, аксиоматична.

С другой — встречается, хотя и количественно мало представленное, сочетание диаметрально противоположных состояний: «абсолютная» симпатия — и взаимная неудовлетворенность браком, отсутствие симпатии у супругов — и высокая оценка брака. Причем описанная тенденция оказалась устойчивой. Она воспроизводится в выборочных совокупностях 1978 и 1981 гг., а также в соответствующих подвыборках, выравненных по брачному стажу. Почему же глубокие симпатии мужа и жены друг к другу автоматически не создают удовлетворенность браком, а их отсутствие не всегда приводит к напряженности?⁵⁵ Очевидно, тут дело в неоднородности реально бытующих форм семей, разной степени их «продвинутости» к супружескому образцу. В семьях с рудиментными принципами личностным качествам брачных партнеров не придается сколько-нибудь решающего значения, и потому субъективная удовлетворенность складывается в большой степени под влиянием материально-бытового благополучия, опеки детей и налаженных отношений с родственниками. В другой категории семей индивидуальные ценности мужа и жены входят в конфликт с традиционными представлениями о дифференциации половых ролей, что, разумеется, предопределяет конфликтность.⁵⁶

Достижение определенного уровня симпатии может служить индикатором не только исторического типа семьи, но и фазы ее индивидуального развития ($r = -0.16$ (выборка 1981 г., 200 пар), $r = -0.15$ (выборка 1978 г., 200 пар)). В этом ракурсе наилучшие показатели приходятся на период до двух лет совместного проживания («переходная» стадия),⁵⁷ затем следует резкое симметричное снижение «абсолютной» симпатии и рост «несложившейся» («кризисная» стадия)⁵⁸ и, наконец, начиная где-то с 4—5 лет и вплоть до 10 лет систематически сокращаются доли обеих крайних позиций, за счет чего набирает силу «средний» уровень («сбалансированная» стадия). Одним словом, симпатия вносит немалый вклад в общую удовлетворенность браком.

Какое бы значение ни приписывалось взаимной супружеской симпатии, она в конце концов является лишь одним из аспектов интимности, поэтому вполне резонно обратиться к ее целостному выражению (табл. 18).

Как и следовало ожидать, между удовлетворенностью мужчин браком и интимностью существует прямая тесная зависимость ($r = 0.44$). Собственно говоря, высокая

Таблица 18

Зависимость удовлетворенности мужчин браком от уровня интимности (в %, опрос 1978 г.)

Степень удовлетворенности браком	Интимность			
	высокая	удовлетворительная	умеренная	низкая
Максимально удовлетворен (N=165)	27.2	46.0	20.6	6.2
Удовлетворен (N=66)	4.7	31.8	46.9	16.6
Не удовлетворен (N=19)	—	5.4	47.3	47.3
Доля в выборке	19.2	39.2	29.6	12.0

Примечание: для построения индекса был использован алгоритм «суммарности» (взвешенное суммирование): высокой интимности соответствуют максимальные значения (типа: «очень» — «безусловно») всех четырех ее составляющих; удовлетворительной — в целом положительные (типа: «в общем, да» — «достаточно»), умеренной — скорее нейтральные (типа: «как будто» — «иногда, да») и низкой — негативные (типа: «сомневаюсь» — «сдержанно»).

Степень интимности — явление неординарное, связанное по преимуществу с максимальной удовлетворенностью браком. Но даже для этого состояния модальное значение интимности — удовлетворительное. По мере снижения удовлетворенности браком происходит и смещение модальной группы на шкале «интимность» на одну позицию вправо, так что «удовлетворенности» соответствует «умеренная» интимность, а «неудовлетворенности» — практическое отсутствие расположенности и сочувствия к respondentу со стороны его жены. И здесь, разумеется, не обошлось без исключения, предопределенного неоднородностью актуальных типов семей. Именно этим объясняются внешние парадоксальные сочетания: с одной стороны максимальная удовлетворенность браком и игнорирование женою внутреннего «Я» мужа, с другой (менее распространено) — удовлетворенность браком и глубокое протекновение жены в душевный мир мужа.

А каковы соответствующие показатели женской подвыборки? Обратимся к табл. 19.

Удовлетворенность браком и интимность — признаки сопряженные ($r=0.43$). Каждая третья женщина из числа максимально удовлетворенных браком испытывает полноту интимности со стороны мужа, в то время как около половины жен, из совокупности неудовлетворенных бра-

Таблица 19

Зависимость удовлетворенности женщин браком от уровня интимности (в %, опрос 1978 г.)

Степень удовлетворенности браком	Интимность			
	высокая	удовлетворительная	умеренная	низкая
Максимально удовлетворена (N=151)	33.1	37.1	25.2	4.6
Удовлетворена (N=66)	12.1	34.8	42.5	10.6
Не удовлетворена (N=33)	15.1	3.2	39.3	42.4
Доля в выборке	25.2	32.0	31.6	11.2

ком, ощущают индифферентность мужей к их внутреннему «Я». Удовлетворительному, с точки зрения женщин, состоянию почти в равной мере соответствует удовлетворительная и умеренная интимность.

Сопоставление мужской и женской подвыборки обнаруживает в обоих случаях принципиальную близость связи удовлетворенности браком — интимность. Следовательно, можно говорить о безусловной важности механизма интимности в удовлетворенности мужчин и женщин браком, причем истинная интимность чаще всего соответствует максимальной удовлетворенности. Кроме того, судя по согласованному показателю симпатии (см. табл. 17), тот же вывод следует распространить и на супружество в целом.

Если интимность в самом деле содействует удовлетворенности супругов браком и через последнюю — его стабильности, то она, очевидно, должна быть непосредственно сопряжена с адаптационным синдромом. И это действительно так. Изучение данных опроса 1978 г. выявило значимую связь параметра «интимность» по меньшей мере с четырьмя составляющими синдрома: информационной, психологической, сексуальной и духовной (соответственно для мужчин коэффициенты корреляции равны: 0.18, 0.35, 0.40 и 0.50; для женщин — 0.14, 0.35, 0.33 и 0.38). Как же конкретно выглядит, скажем, зависимость интимность — духовная адаптированность?

Бракам с высокой духовной надежностью сопутствует максимальная интимизация, и наоборот. Так, более трети

женщин (модальная группа) из числа убежденных в духовном понимании мужем ощущают исчерпывающую интимность и только четыре процента ее вовсе отрицают. На следующем уровне духовного понимания («как будто бы, да») соотношение крайних позиций равновелико: 12.5 к 12.5% (модальный показатель — «умеренная интимность», различия между первой и второй совокупностью статистически значимы). И в подвыборке, где духовное единство сомнительно, лишь одна из десяти женщин убеждена в полном понимании ее душевного мира супругом, в то время как треть категорически отрицают такую возможность (модален самый низкий уровень, т. е. интимность практически отсутствует, различия между первой и третьей, второй и третьей совокупностями статистически значимы). Более резко очерчена дифференциация в мужской подвыборке. Здесь пропорция крайних позиций интимности (высокая — низкая) по соответствующим уровням духовности выглядит следующим образом: 25.6 против 5.4% (модальная — удовлетворительная), 9.3 против 14.9% (модальная — умеренная) и 0 против 48.1% (модальная — низкая, различия между всеми тремя совокупностями статистически значимы).

Стало быть, ценности адаптации и интимности не просто сосуществуют, но и составляют единую иерархическую структуру, объединяющую мужа и жену и по внешнему поведенческому периметру, и по внутриличностным каналам, образуя тем самым как бы два слоя устойчивости брака. Но при этом непременно остается «зазор», т. е. потенциальная возможность нарушения равновесия во имя развития, которое осуществляется через раскрытие индивидуального своеобразия каждого из супругов. Иначе говоря, до определенного момента совместного проживания то или иное сочетание адаптивных и интимных элементов создает благоприятную брачную ситуацию, но непременно наступает такой этап в развитии индивидуальной семьи, когда жизнь друг другом становится недостаточной, исчерпывает себя. Именно поэтому способность к адаптации и интимности нуждается в контрасте. Такой контрастирующей, отвечающей за перманентное обновление брака ценностью, по нашему убеждению, является супружеская автономия.

На протяжении по меньшей мере последних 100—150 лет предпринимались попытки нахождения универсального средства ухода от семейной рутины. В этом

смысле характерны поиски социалистов-утопистов. Останемся бегло лишь на двух из них, уделявших много внимания обсуждаемой нами проблеме — В. Годвине и Н. Г. Чернышевском.

Аргументированной критике подверг брак В. Годвин. Он провозгласил: «Институт брака — это система обмана».⁵⁹ Не ограничиваясь общим положением, английский утопист первой половины XIX в. метко и беспощадно развенчал основы буржуазного брака. Вероятность кризиса закладывается, по словам мыслителя, уже на стадии ухаживания: «Безумные и романтически настроенные юноши и девушки знакомятся, встречаются несколько раз, причем в условиях, создающих иллюзии, и затем обещают друг другу вечную любовь. Каковы последствия этого? Почти во всех случаях оказываются обманутыми. Им остается примириться с непоправимой ошибкой».⁶⁰ Вступив в брак, женщина автоматически становится собственностью мужа. «До тех пор, пока я стремлюсь, — замечает Годвин, — присвоить одну женщину себе одному и запрещаю своему соседу проявлять свои достоинства и пожать заслуженные им плоды, я виновен в самой отвратительной монополии».⁶¹

Согласно английскому утописту, предпосылками нового отношения между полами являются установление имущественного равенства и демократизация духа. В таком обществе союз мужчины и женщины будет основываться, во-первых, на раздельном проживании, во-вторых, на товарищеской общности. Совместное проживание, по Годвину, представляет собой зло, ибо оно препятствует самостоятельному развитию мысли вследствие несовершенства людей и различия их склонностей. «Нелепо рассчитывать на то, что стремление и желание двух человеческих существ будут совпадать на протяжении сколько-нибудь длительного периода времени. Обязать их действовать и жить совместно, — это значит неизбежно обречь их на ссоры, злобу и несчастье».⁶²

По поводу духовного начала в межполовом общении английский утопист рассуждает так. За исключением уникальных случаев упорной привязанности, нельзя прожить жизнь, не встретив человека, достоинства которого превосходили бы достоинства всех встреченных до того. «Я буду настойчиво поддерживать отношения с такой женщиной, — пишет В. Годвин, — совершенства которой произведут на меня сильное впечатление. Но ведь возможно, что

другие мужчины будут испытывать к ней такую же склонность, как и я. Тут не возникает никаких затруднений. Мы все можем пользоваться преимуществом беседы с ней, но мы будем так мудры, что чувственное общение станем считать не заслуживающим внимания».⁶³ Возможность удовлетворения чувственного общения, рассуждает далее автор, должна в каждом отдельном случае решаться добровольным согласием обеих сторон. То обстоятельство, что люди склонны считать сексуальное общение существенным преимуществом, вытекающим из эмоциональной привязанности, свидетельствует о крайней испорченности нравов. Разумные люди едят и пьют не из любви к удовольствию, а из необходимости еды и питья для здорового существования. Они же желают продолжить свой род не потому, что с этим связаны ощущения удовольствия, но потому, что род должно продолжать, выполнение последней функции будет осуществляться на рациональных началах.

Н. Г. Чернышевский в ряде произведений изображает активную эмоционально раскрепощенную женщину, принимающую во всех случаях личной жизни самостоятельные решения. «Я хочу делать только то, чего буду хотеть, — провозглашает Вера Павловна, — и пусть другие делают так же; я не хочу ни от кого требовать ничего, я хочу не стеснять ничьей свободы и сама хочу быть свободной».⁶⁴ При этом автор «Что делать?» понимает, что свобода личностного самовыражения и заскоружная патриархальная моногамия — несовместимы. Где же выход? Необходимо исключить все элементы зависимости и установить равноправные товарищеские отношения между супругами, основанные на искренности и любви. «Слушай же, как мы будем жить... — говорит Розальская своему будущему мужу. — Во-первых, у нас будут две комнаты, твоя и моя, и третья, в которой мы будем пить чай, обедать, принимать гостей, которые бывают у нас обоих, а не у тебя одного, не у меня одной. Во-вторых, я в твою комнату не смею входить, чтоб не надоедать тебе... Ты в мою также... в-третьих: я не имею права ни о чем спрашивать тебя... Если тебе хочется или надобно сказать мне что-нибудь о твоих делах, ты сам мне скажешь. И точно то же наоборот».⁶⁵

В романе «Что делать?» последовательно проводится мысль о свободе в любви и отрицание ревности как собственнического чувства. Эти идеи подверглись в то время

критическим нападкам со стороны консервативно настроенных слоев дворянства, которые на практике придерживались оргиастической морали. Нравственные же принципы Чернышевского бескомпромиссны и аскетичны. Проповедь свободы любовного общения — это максималистская проповедь искренности чувства и ценности любви как единственного оправдания отношений между мужчиной и женщиной. Отсюда истерпанность любви хотя бы с одной стороны неизбежно должна заканчиваться разрывом. Тем самым автор «Что делать?» восстает против всякого социального насилия над человеческим чувством. Разумеется, не может не возникнуть вопрос об истоках радикального отрицания моногамии. Ответ достаточно прозрачен. Русский революционный демократ не видел, что эволюция семьи обусловлена изменениями общественных устоев, а потому, естественно, и не смог найти места в этих рамках (воспринимаемых исключительно в традиционном смысле) эмансипированной женщине, предоставив ей некие привилегии, по сравнению с мужчиной, как искупление за многие годы угнетения.

Несмотря на различия в позитивных программах, В. Годвина и Н. Г. Чернышевского объединяет активный поиск путей выхода из тушика патриархальных отношений. Они понимали настоятельность женской независимости, бесспорное право женщины на человеческое достоинство. Но как реализовать это право — вот в чем проблема. Именно здесь и проявилась их ограниченность в понимании социальных процессов. В самом деле, ни последовательная полигамия, ни полный отказ от брака (от чего в конечном счете в большей мере страдает женщина) не решают проблемы равенства полов. Равенство может реализоваться в таком союзе, в котором единство брачных партнеров подразумевает и их независимость, т. е. автономию. Человек, даже вполне социализированный, — автономен. Никто не действует по тотально заданным шаблонам, всегда остается место для вариаций и самостоятельных решений. Это, безусловно, относится и к супружеству, в котором адаптация и интимизация мужа и жены предполагают и их независимость, детерминированную как половой, так и социальной специфичностью каждого из них. Автономность выражается в том, что интересы супругов шире семейных, а потребности и круг общения каждого из них выходят за рамки супружества, их эмоциональная деятельность регулируется не обычаями,

Таблица 20

Зависимость удовлетворенности мужчин браком от меры автономии (в %, опрос 1981 г.) *

Степень удовлетворенности браком	Автономия		
	полная	частичная	практически отсутствует
Максимально удовлетворен (N=119)	48.7	42.8	8.5
Удовлетворен (N=96)	24.1	46.8	29.1
Не удовлетворен (N=35)	2.9	40.0	57.1
Доля в выборке	32.8	44.0	23.2

* $r = 0.45$.

Примечание: для построения индекса был использован алгоритм суммарности: «полной» автономии соответствуют максимальные значения (типа: «определенно, да») двух составляющих — информированность жены (мужа) об индивидуальных вкусах и потребностях супруга(и) и поощрение этих потребностей другим супругом; «частичный» — соответствуют в целом положительные высказывания в обоих случаях (типа: «пожалуй, да») и «практическому отсутствию» — скорее негативные суждения (типа: «трудно сказать» — «бывает по-всякому»).

традициями и внешними предписаниями, а индивидуальными особенностями человека, его глубинными ценностями.

Насколько распространена автономия в реальной брачной практике, показывают наши опросы (табл. 20).

Судя по недифференцированному показателю, соотношение крайних позиций равно 1.5 к 1.0. Более детальный анализ обнаруживает, во-первых, представительство модальных долей на пересечении содержательно близких характеристик удовлетворенности браком и автономии, во-вторых, — равномерность распределения на всех уровнях так называемой частичной автономии. Доминирование этой разновидности — лучшее доказательство становления современной формы семьи, так как такого рода автономия компромиссна и ситуативна, а не является следствием твердых нравственных правил или убеждений. Далее, хотя максимальная удовлетворенность в своем большинстве сопровождается определенной мерой поощрения индивидуального волеизъявления, наличие здесь 8.5% мужчин, указавших на практическое отсутствие феномена автономии, свидетельствует о том, что эта удовлетворенность до сих пор в ряде случаев опирается не на супружеские ценности. В нижней строке таблицы фикси-

руется противоположная, относительно первой, тенденция. И последнее. Четверть мужчин, из числа в целом удовлетворенных браком, констатирует полноту автономии. Отсюда становится очевидным, что эта ценность хотя и необходима, но не достаточна для восприятия брака как успешного.

Думается, не имеет смысла останавливаться особо на женской выборке, ибо все описанные выше закономерности в ней повторяются с некоторыми несущественными вариациями.

Заключая анализ семейных ценностей, укажем на взаимозависимость и взаимодополняемость механизмов устойчивости (адаптационный синдром, интимность) и развития (автономность). Так, между интимностью и автономией выявлена положительная связь (и для мужчин, и для женщин коэффициент корреляции «интимность» — «поощрение индивидуальных потребностей супругами друг друга» равен 0.33). В частности, $\frac{3}{4}$ мужчин, достигших высокого уровня интимности, отметили активное поощрение женами их индивидуального своеобразия и только 10% подчеркнули противоположное действие. Зеркальная картина получена при рассмотрении низкой интимности. Принципиально те же закономерности обнаруживаются у женщин: в первом варианте — 60 против 19%, во втором — 3.7 против 78%. Вместе с тем обращает на себя внимание один нюанс: даже при полной расположенности и сочувствии мужа реже поощряют и, наоборот, чаще настроены негативно по отношению к индивидуальным потребностям жен. Это яркая иллюстрация патриархального атавизма.

В то же время автономия (как у мужчин, так и у женщин) коррелирует со всеми составляющими адаптационного синдрома (разброс коэффициентов корреляции от 0.22 (информативная) до 0.5 (духовная). К примеру, при полной автономии $\frac{3}{4}$ мужей (подвыборка 500 чел.) духовно совместимы с женами и лишь около 5% духовно неадаптированы; там же, где практически отсутствует автономия, первый показатель втрое ниже, а второй — в девять раз выше; у женщин (подвыборка 500 чел.) соответственно: 72 против 7% и 29 против 34%.

Итак, подведем некоторые итоги. Подтвердилась гипотеза о взаимодействии и взаимообусловленности трех типов ценностей (адаптационного синдрома, интимности и автономии), определяющих функционирование механиз-

мов устойчивости и развития. Полный набор этих ценностей присущ лишь бракам с согласованно высокими показателями супружеской удовлетворенности. В то же время не всегда, когда брак субъективно воспринимается как весьма удовлетворительный, он опирается на все разнообразие указанных отношений. В самом деле, как отмечалось, на первом году совместной жизни у подавляющего числа супругов возникает тесное, по большей части эмоциональное, взаимопонимание, оцениваемое молодоженами предельно высоко, но практически эти союзы еще не сформировались как брачные, то есть не приобрели институционального статуса, а потому, по сути, квазистабильны. Мало того, в дальнейшем по мере формирования механизма устойчивости какое-то время не будет ощущаться дефицит автономии, а значит, и уровень удовлетворенности до определенной поры не снизится. Отсюда, хотя в крупном городе максимально удовлетворительные браки (по согласованному индексу) составляют от 32 до 43% (в зависимости от ситуации опроса), в действительности удельный вес стабильных «супружеских» семей ниже этого уровня.⁶⁶

5. Перспективы развития семьи

Попытки прогнозировать семейно-брачные отношения неоднократно предпринимались как в специальной, так и в публицистической литературе.⁶⁷ Этим предсказаниям, как правило, свойствен перенос «подчищенного», улучшенного, в понимании автора предвиденья, текущего состояния на будущее. Здесь наряду с более или менее общими тенденциями указываются и относительно частные аспекты. Например, декларируется отмирание браков по расчету, изживание поздних браков, упрочение эмоциональных связей с родственниками, уменьшение количества бездетных и неполных семей и т. п.⁶⁸

Уловить некоторые частные закономерности, в том числе и перечисленные выше, очевидно, можно, однако их обоснование требует тщательной аргументации, а не общих соображений. От подобной конкретизации в свое время предостерегал Ф. Энгельс: «...то, что мы можем теперь предположить о формах отношений между полами после предстоящего уничтожения капиталистического про-

изводства, носит по преимуществу негативный характер, ограничивается в большинстве случаев тем, что будет устранено, — писал он. — Но что придет на смену? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий».⁶⁹

Сдержанность в духе Ф. Энгельса актуальна и в наши дни. Поэтому представляется разумным, с одной стороны, не пытаться (хотя бы в силу ограниченности материала) заглядывать в отдаленное будущее семьи, с другой — не стремиться к скрупулезному описанию всех входящих сторон ее развития.

Теоретический анализ, подкрепленный разносторонними (статистическими, этнографическими, социологическими) данными, подтвердил наше предположение о магистральном направлении эволюции городской семьи к ее супружеской разновидности.⁷⁰ Какой смысл вкладывается в понятие «супружеская» семья? Говоря упрощенно, — это семья, в которой основная ось отношений определяется не родством, не родительством, а брачностью с неременной акцентацией личностных аспектов. Практически базовый тип реализуется в двух вариантах: моногамном (*monogamia*) и последовательно полигамном (*polygamia successiva*). Последняя форма не нова, она и ранее время от времени зарождалась то в Европе, то в Азии, как реакция на половозрастную асимметрию. Например, неоднократно вступление в брак мужчин зафиксировано в Европе конца XVIII в., а женщин — на острове Тайвань в начале XX в.⁷¹ В отличие от прошлого в настоящее время последовательная полигамия стала постоянным феноменом культуры, причем шансы мужчин и женщин в этом отношении, по крайней мере теоретически, выравниваются.

Супружеская семья — исторически наименее стереотипизованное образование. Если иметь в виду зрелую ее стадию, то здесь открываются уникальные возможности для отхода от господства традиционалистских отношений и раскрытия тем самым широкой деятельной палитры по всем структурным составляющим: муж — жена, родители —

дети, супруги—родственники, дети—прародители. Иными словами, в формальных границах одного семейного типа создаются условия, разнообразящие его за счет обогащения горизонтальных и вертикальных отношений и интенсификации индивидуальной самореализации каждого из членов нуклеарной общности, т. е. единство проявляется в многообразии.

Не противоречит ли линия взаимодополняемости супругов их значимому автономному развитию? Отнюдь нет, ибо осмысленно поощрять своеобразие друг друга способны только действительно лично близкие люди. Это прекрасный пример диалектики общего и специфичного. Конечно, при этом риск «перебора» индивидуального не исключен. В таких случаях выявляется непреходящее значение развода. Одновременно не вызывает сомнения тот факт, что не только автономия придает брачным отношениям неповторимость — общность экзистенциальных ценностей также относительна. На самом деле ведь, скажем, интимности, по определению, чужда трафаретность.

Не менее важный вопрос — как отразится супружеский характер семьи на детях? Не скажется ли акцентация одних отношений на ослаблении других? Ничто не указывает на развитие событий в таком направлении. Несмотря на то что роль общественного воспитания, несомненно, возрастет, контакты ребенок—родители не только не утратят своего значения, но даже углубятся, приобретут иное качественное состояние: на смену принципу «физического выращивания» и формирования каких-то отдельных нравственных черт и качеств (трудолюбие, честность, правдивость и т. п.) придет едва просматриваемый сегодня принцип поощрения индивидуальных способностей и таланта ребенка, т. е. целенаправленное формирование его личности. Фигурально выражаясь, супружеская самореализация как бы опрокидывается на отношения родители—дети.

Очерченные контуры семьи — не плод футурологических изысканий, а следствие анализа реального ее развития за последние 50—60 лет и вычленения прогрессивно развивающихся структурных и качественных элементов, таких как нуклеаризация, эгалитарность, автономия и др.

Иное дело — современное переходное состояние, для которого характерны определенные трудности в освоении

супружеских ценностей, о чем, в частности, свидетельствует многообразие поводов, провоцирующих напряженность в семейных взаимоотношениях. Так, по данным американских семейных консультантов (опрошено 266 чел.),⁷² супруги назвали следующие проблемы, отягчающие их совместную жизнь (приводятся по убыванию удельных весов): трудности коммуникации, дети и их воспитание, сексуальная дисгармония, финансовые затруднения, разная направленность интересов по досугу, напряженные отношения с родственниками, супружеская неверность, организация домашнего хозяйства и физические оскорбления. Несколько иная по набору конфликтов шкала получена нами (опрос 1981 г.): организация домашнего хозяйства, напряженные отношения с родственниками, дети и их воспитание, трудности коммуникации, финансовые затруднения, злоупотребление алкоголем, разная направленность интересов по досугу, ревность и сексуальная дисгармония.

Сопоставление этих данных показывает, что в обеих выборках супруги сталкиваются с формально сходными проблемами (ведь речь идет о функционировании одного и того же социального института — семьи). Однако коренные социально-экономические различия двух стран, а также специфика выборочных совокупностей (в одном случае — супруги, обратившиеся в брачную консультацию, а в другом — супружеские пары, выбранные из нормально развивающихся браков) не могли не наложить на эти проблемы своего отпечатка. Яркой иллюстрацией высказанной мысли может служить выдвижение американцами на первый план мотива «трудности коммуникации». На него указало почти 90% пар, тогда как в нашей выборке — менее 8%. Что скрывается за нарушением коммуникации? Скорее всего, отсутствие взаимопонимания, короче — личностная отчужденность. А это для супружеской семьи — полнейший крах.

Судя по нашим данным, от 2 до 20% супругов испытывают разного рода затруднения. В основном они (эти затруднения) связаны со сложностью процесса адаптации (хозяйственной, культурной, родственной, сексуальной) и специфичностью современного статуса детей. Акцентация напряженности в отношениях с родственниками, очевидно, обусловлена спецификой выборки — треть «молодых» семей проживают совместно (хотя и ведут раздельное хозяйство) с родителями либо мужа (20%), либо

жены (15%). Следовательно, все выявленные затруднения детерминированы не имманентными принципами супружеской семьи, а их недостаточным развитием.

Наряду с супружеской формой получила распространение и периферийная система — «материнская». Ее детоцентристская направленность не вызывает сомнения, ибо такая семья чаще создается во имя детей. Терпимое отношение к матери с внебрачным ребенком — явление в общем-то неординарное. Зададимся вопросом: является ли эта форма альтернативной? Ни в коем случае. Какие бы доводы ни приводили женщины-матери, структурная неполнота (безбрачие) есть следствие усложнения (особенно в крупных городах) матримониального поведения в условиях роста притязаний к индивидуальным качествам потенциального супруга, дополненное необходимостью во чтобы то ни стало вырваться из состояния психологического и эмоционального одиночества. Значит, материнская семья выступает объективным спутником базового типа, а посему логично предположить неизбежное воспроизводство ее и в обозримом будущем.⁷³ Правда, до сих пор «безбрачная» семья формируется по разным основаниям. Одни женщины идут по пути сознательного материнства — их большинство, другие становятся матерями, не имея выраженной потребности в детях. Повышение нравственно-эстетической культуры и рост знаний об основах регулирования деторождения со временем, надо полагать, приведут к гомогенному по целям составу этой категории семей, сведя до минимума вероятность нежелательного зачатия. Если перспективность материнской семьи несомненна, то количественная оценка мало предсказуема, ибо ее распространенность не в последнюю очередь зависит от колебаний демоструктурных показателей.

В ином ключе интерпретируются внебрачные союзы некоторыми юристами. Защищая интересы ребенка, рожденного вне рамок правовых отношений, они противопоставляют брак семье. При этом смысл брака выхолащивается, сводится к правовому акту, а семья представляется детоцентристской, в качестве основной ее функции выдвигается попечение и воспитание детей. Отсюда декларируется особый вид семьи — внебрачный. Какова же эта семья?

Согласно югославскому профессору права М. Босанацу (его, между прочим, активно поддерживает известный со-

югославский специалист по проблемам семейного права Н. М. Ершова), внебрачные союзы возникают «в фазе ухаживания, обручения и конкубината».⁷⁴ Суть первых двух раскрывается так: «...это фаза предбрачной половой жизни, которая все чаще встречается среди молодых людей. С позиции гетеросексуальных интересов партнеров и последующего принятия решения о вступлении в брак эти внебрачные союзы имеют полное социальное оправдание».⁷⁵ Слов нет, добрые сексуальные контакты среди молодежи действительно получили определенное распространение.⁷⁶ Часть из них приобретает статус ухаживания. Но в силу полифункциональности ухаживания оно практически заканчивается следующими исходами: либо партнеры расходятся, исчерпав свой личный потенциал, либо неформальное общение перерастает в брак, либо зачатие внебрачного ребенка приводит к возникновению материнской семьи. Разумеется, только последняя семья является внебрачной.

Еще один внебрачный союз — конкубинат. «Конкубинат, — с точки зрения югославского юриста, — это принятое название более длительных связей или длительного внебрачного союза мужчины и женщины, не намеревающихся формально закрепить брак».⁷⁷ И далее: «Это неанонимная жизнь, этически заранее предполагающая верность партнеров конкубината (верность, которая часто бывает крепче, чем во многих браках), общую заботу о потомстве, возможное содержание одного члена конкубината другим и др.».⁷⁸

Казалось бы, конкубинат не что иное, как брак де-факто. Дальнейшая конкретизация, однако, выявляет неоднозначность этого понятия. М. Босанац утверждает, что «избыток» женщин дает «возможность мужчинам наряду с брачным союзом образовывать конкубинатский союз с другой женщиной или сохранить конкубинатскую связь наряду с брачной семьей по причине рождения детей вне брака».⁷⁹ Следовательно, конкубинат суть длительный юридически не оформленный союз или материнская семья с отцом, но без мужа.

Итак, исследователь в понятии «внебрачная семья» объединил явления, не имеющие общего основания (добрые сексуальные отношения молодежи, внебрачные сексуальные контакты мужчин, фактические брачные союзы и материнскую семью), но чреватые одним общим следствием — возможностью рождения ребенка вне брака.

Надо сказать, что продолжительность существования индивидуальной детоцентристской или супружеской семьи в среднем меньше, чем традиционной, так как две первые распадаются не только вследствие овдовения, но и в результате развода, при этом вероятности наступления обоих событий близки. Такое постоянство — следствие функционирования двух противоположных тенденций: снижения частоты прекращения брака по причине смерти и повышения ее по причине развода. Так, в СССР в 1970 г. из 1000 существующих браков было прекращено 18 по причине овдовения и 11,5 — по причине юридически зарегистрированного развода, в 1979 г. — соответственно 16 и 15,2.⁸⁰

Оба процесса, впрочем, приводят к одному и тому же следствию — возникновению неполных семей. Неполную форму нельзя приравнивать к материнской уже потому, что у них разный генезис.⁸¹ Действительно, материнская семья изначально безбрачна, тогда как неполная — не что иное, как «осколок» традиционной, детоцентристской или супружеской. Конечно, естественность процесса овдовения нельзя трактовать в фаталистическом духе, наоборот, — он, этот процесс, во многом регулируем. К примеру, существует потенциальная возможность снижения уровня смертности в трудоспособных возрастах, и в первую очередь мужской. Создание условий, способствующих улучшению состояния здоровья населения, — по преимуществу прерогатива общества.

Другой путь — стабилизация, а в перспективе — и определенное снижение уровня разводимости. В течение по меньшей мере последних пятидесяти лет кривая разводов, как известно, непрерывно росла. Так, число расторгнутых браков за год на 1000 супружеских пар составляло в 1938—1939 гг. 4,8, в 1958—1959 гг. — 5,3, в 1969—1970 гг. — 11,5 и в 1978—1979 гг. — 15,2.⁸²

Роль разводов оценивается специалистами неоднозначно. Нередко его интерпретируют как угрозу семье, акцентируя внимание исключительно на негативных последствиях, особенно для детей.⁸³ К слову сказать, наличие или отсутствие детей никак не сказывается на интенсивности расторжения браков.⁸⁴ В то же время развод рассматривается как важный компонент современной семейной системы, который открывает возможность предотвращения перманентного конфликта в обстоятельствах совместного проживания двух взрослых людей. Развод, по

справедливому замечанию известного американского исследователя семьи У. Гуда, отличается от других способов снятия напряжения тем, что женщина может найти другого мужа.⁸⁵ И женщины активно реализуют предоставленную им возможность. По данным Л. В. Чуйко, просмотревшей 3423 бракоразводных дела в столице Украины, в возрастах до пятидесяти лет браки чаще расторгаются по инициативе женщин.⁸⁶ Эта тенденция остается неизменной на протяжении многих лет, несмотря на то что реализация повторного брака у них несомненно ниже, чем у мужчин. В Москве, по подсчетам А. Г. Волкова, в 1978—1979 гг. вероятность повторного брака для разведенного мужчины была втрое выше, чем для разведенной женщины.⁸⁷

Как бы ни оценивался развод с позиции нравственности — зло или добро — постановка задачи предотвращения расторжения брака вообще — бесперспективна. Снижение уровня разводимости зависит от готовности супругов к активному «вхождению» в семейную структуру. «Вписаться» же в нее становится чрезвычайно трудно. Почему? Во времена господства патриархальной моногамии брачующиеся автоматически воспринимали стереотипные, из поколения в поколение воспроизводимые принципы. В отличие от этого в супружеской семье каждое новое поколение должно сызнова (учитывая, разумеется, выработанный обществом некий набор шаблонов) их формировать и в течение всей жизни модернизировать, причем возможность и необходимость этой деятельности закладываются в период «ухаживания». Наличие связи между добрым поведением и интенсивностью разводов уже отмечалось в нашей литературе. В частности, утверждалось, что превращение развода в обычное явление способствует снижению требования к выбору брачного партнера.⁸⁸ С таким мнением нельзя согласиться. Напротив, претензии к будущему супругу(ге), как правило, возросли, но реализация их не исключает возможности принять желаемое за реальное. Но и благоприятный выбор сам по себе не гарантирует брачной стабильности, а лишь создает для этого потенциальные предпосылки. Словом, если уровень овдовения экзогенен относительно семейных процессов, то развод — эндогенен.

Итак, в современном крупном городе типы семей в статике представляются в виде мозаичного панно. Здесь как бы сосуществуют патриархальная и детоцентристская,

супружеская и материнская, а также неполная формы. Однако анализ движения этих форм высвечивает следующую перспективу: на суживающемся фоне патриархальной и, отчасти, детоцентристской семьи набирает силу супружеский тип в двух означенных ипостасях, а как следствие неустойчивости всех массовых форм (первых двух в силу угасания, третьего — становления) — неполная разновидность и, наконец, в виде флуктуации — материнский тип.

Глава III

СОЦИОЛОГО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

1. Потребность в детях и внутрисемейная регуляция рождаемости

Воспроизводство населения, как известно, является итогом двух процессов — смертности и рождаемости, их объективно необходимое равновесие поддерживается исторически сменяемыми культурными механизмами регулирования размножения людей.¹ В современном типе воспроизводства естественный прирост определяется по преимуществу рождаемостью, так как в целом смертность имеет устойчиво низкий уровень. Именно этим объясняется повышенный интерес демографов, а в последние годы и социальных психологов к проблеме рождаемости, ее тенденциям и уровню.² К настоящему времени благодаря данным переписей 1970 и 1979 гг., материалам текущего учета рождений и ряду специальных обследований, посвященных выяснению взаимосвязи рождаемости и некоторых показателей условий и уровня жизни, получена представительная картина эмпирических закономерностей развития рождаемости в разных регионах страны, ее динамики и дифференциации. В то же время общая теория в должной мере не разработана.³

Ярким доказательством этого может служить разноречивой в оценке перспектив рождаемости в СССР. Часть демографов, склонных в большей мере к количественному анализу, полагает, что снижение рождаемости ведет к депопуляции, т. е. чуть ли не к вымиранию населения. Такое заключение основывается главным образом на снижении суммарных коэффициентов рождаемости в 60-х годах и на уменьшении нетто-коэффициента воспроизводства населения в некоторых регионах до очень низких показателей.⁴

Другие специалисты высказывают более осторожные оценки. Не отрицая, что происходит снижение рождаемости, они, в частности, считают, что в первую очередь необходимо уяснить, будет ли оно продолжаться, как долго, и если приостановится — то на каком уровне.⁵ Для решения этой задачи становится важным изучение не изменений общего коэффициента рождаемости, который, несомненно, будет колебаться и далее в зависимости от того или иного состояния половозрастной структуры, а перспективы изменения числа детей в семье.

Вместе с тем еще раз оговорим одно фундаментальное положение: перенос исследовательского акцента с народонаселения на семью вовсе не означает, что раскрытие ее имманентных закономерностей высветит детерминанты рождаемости. Нет, познание механизма воспроизводства населения требует проникновения исследовательской мысли во внутреннюю логику его функционирования.⁶ Однако, поскольку рождение детей — функция семьи, постольку комплексное ее рассмотрение должно способствовать прояснению механизма принятия супругами сознательного решения по этому поводу. Иначе говоря, союз социологии семьи и демографии, этнологии и социальной психологии в конечном счете поможет определить место детей в системе семейных ценностей и выяснить, почему их рожают именно столько.

Попытки ответить на поставленные вопросы привели демографов к необходимости обратиться к понятию потребности — одному из важнейших в науках об обществе и человеке. В специальной литературе последних лет можно выделить три различных взгляда на потребность как фактор, обуславливающий рождение детей.

Некоторые авторы (Л. Е. Дарский, П. А. Эглите) вообще отрицают существование такой специфической потребности.⁷ Согласно Л. Е. Дарскому, все потребности исчерпываются тремя укрупненными группами: материально-энергетической, информационно-исследовательской и социального взаимодействия.⁸ Эти потребности характеризуются фундаментальностью, т. е. несводимостью к другим потребностям, универсальностью, т. е. присущи каждому человеку без исключения, и необходимостью, т. е. систематическая и абсолютная невозможность удовлетворения потребности губительна для личности. Поясняя свою идею, демограф приводит такой пример: выражение типа «человек покупает сыр потому, что у него есть по-

требность в сыре» неверно. Нет потребности в сыре, так как такая нужда не фундаментальна, не универсальна и не необходима. Сыр — лишь объект, способный удовлетворить потребность в пище. По аналогии суждение «человек рождает детей потому, что у него есть потребность в детях» ничего не объясняет, ибо «потребность в детях» не может быть признана ни универсальной, ни необходимой. Следуя заданной логике, исследователь ставит перед собой следующий вопрос: если такой потребности нет, то почему же все-таки рождаются дети? Ответ, по Л. Е. Дарскому, лежит не в сфере потребностей, а в сфере способов их удовлетворения. «Дети нужны для удовлетворения одной, хотя и очень важной потребности — потребности иметь объект альтруистической заботы и опеки, потребности в ощущении собственной необходимости и полезности для любви и заботы».⁹

Эта точка зрения, не будучи воспринята демографической литературой, в то же время и не подверглась сколько-нибудь подробному критическому разбору. Лишь мимоходом о ней вспомнил В. А. Борисов. У человека, полагает автор, столько потребностей, сколько есть реальных объектов, представляющих для него достижимую ценность. А потому представление о существовании частных потребностей, например «в цветном телевизоре именно определенной, данной марки», не является таким уж абсурдом, как считает Л. Е. Дарский. «Невозможно отличить в реальной жизни, — продолжает он далее, — средство, удовлетворяющее потребности (объект потребности, ценность), от определенной конкретной потребности, так же как и представить себе потребность без соответствующей ценности, так сказать потребность „вообще“».¹⁰ Согласно изложенной позиции, если дети нужны, т. е. представляют собой ценность, то, значит, есть и соответствующая этой ценности потребность, потребность в детях.

То, что Л. Е. Дарский называет способом удовлетворения потребностей, по нашему мнению, не что иное, как промежуточные инструментальные блага. Устраняя эти потребности, автор тем самым сводит род к одному из его видов — к виду конечных (терминальных) потребностей. Такой подход, как справедливо отмечает В. С. Магун, «приводит к неоправданному сужению объема понятия „потребность“, что в свою очередь существенно ограничивает эвристические функции как самого понятия, так и связанных с ним теоретических построений».¹¹

Иную позицию отстаивает А. И. Антонов (с ним в принципе солидарен В. А. Борисов). Он не только признает реальность потребности в детях, но и придает ей исключительное социальное значение. Потребность в детях — это социально-психологическое свойство социализированного индивида, проявляющееся «в том, что без наличия детей и подобающего их числа индивид испытывает затруднения как личность».¹² Данное определение не было обойдено вниманием в научной литературе. Нет поэтому нужды здесь сколько-нибудь подробно анализировать данную позицию. Воспроизведем лишь в нескольких словах справедливые в целом замечания, сделанные В. В. Бойко. Во-первых, считает этот социальный психолог, понятие «потребность» нельзя истолковывать как свойство. Ибо, коль скоро потребность понимается как «побуждение и как цель»,¹³ то предпочтительно говорить, что потребность в детях есть не свойство, а «устойчивое социально-психологическое состояние переживания индивида».¹⁴ Во-вторых, он отмечает условность самого выражения «потребность индивида в детях». Конечно, потребность в детях, рассуждает автор далее, имеет индивидуальный аспект, например ощущение необходимости детей в личной жизни или альтруистическое стремление оказать им внимание и заботу. Но тем не менее индивидуальное в проявлении этой потребности формируется под влиянием микросреды, ближайшего окружения, в котором происходила социализация человека, а также благодаря идентификации им образцов поведения. «Потребность в детях в этом смысле — индивидуальное сочетание различных установок по отношению к детям вообще, обусловленных историей развития личности».¹⁵ В-третьих, — и это, пожалуй, самое важное, — современный тип воспроизводства населения, обусловленный социально-экономическими закономерностями, характерен для семьи, а не для отдельной личности. Потребность в определенном количестве и качестве детей — это потребность прежде всего семьи конкретной формации. Нередко считают, продолжает исследователь, что супруги принимают решение относительно числа детей в семье независимо от общества. Это иллюзорное мнение. Соотношение общественных и личных интересов в репродуктивном поведении семьи подчинено определенной закономерности: происходит совпадение целей общества и семьи, которое не осознается индивидом.¹⁶ И последнее замечание. А. И. Антоновым лишь декла-

рируется, но остается не выясненным, какого рода затруднения испытывает индивид, не имея возможности удовлетворить прокреационную потребность. В. В. Бойко вносит уточнение: основной смысл социально-психологической мотивации потребности в детях заключается в том, что они помогают индивиду и его семье достичь внешней или внутрисемейной интеграции. Еще один подход изложен А. Г. Вишневым. Однако прежде чем остановиться на этом взгляде, который, кстати, нам представляется наиболее аргументированным, воспроизведем критические замечания А. Г. Вишнева относительно предыдущих позиций. Он убежден, что, несмотря на некоторые различия во мнениях Л. Е. Дарского, В. А. Борисова и А. И. Антонова, они все исповедуют так называемую полезностную концепцию. Московский демограф концентрирует внимание на ее главных уязвимых моментах. Первый из них — это неисторичность. Сторонники полезностной модели приписывают возможность рационального выбора индивидом своего прокреационного поведения во все времена. К примеру, русский крестьянин XIX в. якобы мог по своему усмотрению, сообразуясь с конкретными обстоятельствами, максимизировать или минимизировать количество детей. Второй — несистемность, т. е. разрыв единства части и целого, индивидуального и социального. «Демографические потребности индивида начинают существовать отдельно от демографических потребностей общества как целого, а тем самым ставится под сомнение приоритет целого как объективное свойство функционирования системы».¹⁷ И третий — игнорируются факты, на объяснение которых эта модель претендует. В частности, приверженцы полезностной концепции настаивают на следующем: прежде у супругов было много детей (потому что они были полезны родителям), теперь их стало мало (потому что они перестали быть полезными). А. Г. Вишневский, опираясь на ряд статистических данных, показывает несостоятельность этих утверждений.¹⁸

А. Г. Вишневский признает несомненность социальной обусловленности потребности в детях, но раскрывает эту проблему не в социально-психологическом аспекте, а в первую очередь в историко-системном плане. Он ограничивает два демографических процесса: прокреацию, т. е. производство потомства, и воспроизводство (или репродукцию), объединяющее в себе прокреацию с неизбеж-

ным рано или поздно исчезновением рожденных людей, рождаемость со смертностью, характеризующееся итоговым результатом взаимодействия того и другого. Соответственно выделяются два вида потребностей — прокреационная, т. е. потребность в определенном числе рождений, определенном уровне рождаемости, и репродуктивная, связанная с необходимостью непрерывного возобновления поколений, замены уходящих членов общества или семей новыми.¹⁹

И репродуктивную, и прокреационную потребности автор понимает как социальные, т. е. присущие обществу человеку. Поэтому вполне логичным выглядит его обращение к категории общественной потребности. Что касается потребностей на индивидуальном уровне, рассуждает далее исследователь, то они порождаются обществом как целым, социальным взаимодействием людей в качестве коллективных потребностей и только потому становятся их индивидуальными потребностями. Оба типа потребностей генетически связаны между собой, не существуют один без другого и постоянно взаимодействуют. Разумеется, внутреннее единство общественного и индивидуального вовсе не означает отсутствия конфликта между ними. «Но подобно тому, как неверно было бы абсолютизировать единство общественной и индивидуальной потребности и не видеть между ними никакой разницы, — справедливо отмечает А. Г. Вишневский, — неверно впадать и в другую крайность и абсолютизировать конфликт между ними, забывая об имманентно присущих обществу силах, ведущих к преодолению этого конфликта».²⁰ Нельзя не согласиться с автором и в том, что в большинстве случаев конфликт разрешается за счет подчинения частных интересов общим. Само же это противоречие — явление не уникальное, а, напротив, обычное состояние, присущее любой эпохе.

Согласование индивидуального поведения с интересами общества обеспечивается социальным контролем, который может проявляться либо в форме жестко предъявляемых обществом образцов и норм (экзогенно), либо опосредованно через ценностную структуру личности (эндогенно). Применительно к прокреационному поведению детерминационная эволюция представляется следующим образом. На ранних этапах истории прокреационная потребность индивида существует в нерасчле-

ненном виде, слитно с другими потребностями, и потому не осознается. Подобная неразвитость потребности соответствует неразвитости самого человека, недифференцированности его деятельности и мышления.²¹ Исторические изменения ведут к развитию этих потребностей, их обособлению, осознанию, активизации в качестве фактора прокреационной мотивации. Особое значение, считает А. Г. Вишневский, имеет развитие репродуктивной потребности, т. е. осознание самооценности детей (отметим, что, в противоположность Л. Е. Дарскому, здесь, по сути, акцентируется другая крайность); появление внутренних стимулов прокреационной активности.²²

Суммируя изложенное, можно констатировать почти всеобщее признание — в латентном или явном виде, в том или ином аспекте, теми или иными словами — потребности в детях, причем эта потребность существует одновременно в двух ипостасях — и как общественная, и как индивидуальная, выступая в одних случаях в качестве терминальной, в других — инструментальной потребности. Правда, удовлетворение этой потребности, как и любой другой, может в проблемной ситуации (например, при конкуренции с более насущными ценностями) задержаться или вообще никогда не осуществиться. «Живая конкретная личность нашего времени произвела за время своего индивидуального развития несчетное множество... выборов, она как бы несет все их в себе, и чем больше их было, тем более она является собственно личностью».²³

В свете высказанных соображений проследим, как реализуется потребность в детях в рамках современной городской семьи. Выборочные опросы, проведенные в некоторых регионах страны, показали, что чем больше детей имели родители респондентов, тем больше в среднем детей желали иметь и фактически имеют они сами.²⁴ Если установленная зависимость носит локальный характер (по крайней мере, не показательна для крупнейшего города), то, очевидно, можно говорить о неравномерности перехода к рациональному типу прокреации. Что показывают в этом отношении наши данные (табл. 21)?

Предваряя конкретный анализ, отметим следующее: у родителей базовых супружеских пар преобладала двухдетность (у женщин такие семьи составляли 38,6, у мужчин — 39,8%), на втором месте — однодетность (соответственно 34,1 и 32,5%), у респондентов ситуация противоположная: однодетные — 38,4; двухдетные — 32,8%.

Таблица 21

Соотношение количества детей в семье респондентов и в семьях их родителей (в %, опрос 1981 г.)

Количество детей у респондентов	Количество детей у родителей							
	жены				мужа			
	один	двое	трое	четверо	один	двое	трое	четверо
Нет детей	22.4	16.7	14.6	11.1	23.8	17.3	12.5	5.8
Один	45.9	39.6	29.3	26.1	40.0	38.8	34.4	38.8
Двое	23.5	36.5	31.7	51.7	30.0	33.7	31.3	41.6
Трое	8.2	7.3	24.4	11.1	6.3	10.2	21.9	13.8

Примечания: всего опрошено 250 пар; $r = 0.18$ (для жены); $r = 0.17$ (для мужа).

Данные, представленные в таблице, показывают, что однодетная родительская семья чаще всего во втором поколении репродуцирует структуру, подобную себе, при этом бездетность полностью компенсируется двухдетностью. Следующее состояние — двухдетность — уже не воспроизводится, хотя здесь явно прослеживается направленность от бездетности к двухдетности. Трехдетные семьи в обоих отмеченных случаях представлены близкими и довольно скромными долями. Трехдетным родительским семьям в следующем поколении, как правило, соответствуют семьи с более низкими показателями детности и в то же время здесь максимально представлены семьи с тремя детьми при незначительной инфертильности. Особая категория — родительские семьи с четырьмя и более детьми. Им присущ форсированный переход от многодетности к репрезентативной двухдетности, при близком (и практически мизерном) соотношении трехдетности и бездетности.

На первый взгляд как будто бы открывается однозначная картина — вытеснение на протяжении жизни двух поколений среднететной семьи однодетной. Однако в действительности движение не столь прямолинейно. Ведь только положение в крайних столбцах поддается единообразной интерпретации: в первом — модална однодетность, и последнем — двухдетность. Промежуточные типы, которые, кстати, составляют более половины выборочной совокупности, представляют одно- и двухдетность почти

Таблица 22

Соотношение реального и желаемого количества детей у супругов (в %, опрос 1981 г.)

Реальное количество детей у супругов	Желаемое количество детей							
	по мнению женщин				по мнению мужчин			
	один	двое	трое	четверо	один	двое	трое	четверо
Нет детей (N=45 пар)	8.9	48.9	35.6	6.7	2.3	52.3	40.9	4.5
Один (N=96 пар)	9.4	58.3	29.2	3.1	3.1	45.8	40.6	10.4
Двое (N=82 пары)	—	39.5	45.7	14.8	—	29.6	48.1	22.2
Трое (N=27 пар)	—	3.7	66.7	29.6	—	3.8	61.5	34.6

поровну. Но если вспомнить о том, что $\frac{3}{4}$ наших респондентов состоят в браке менее 10 лет, то можно с уверенностью предположить неисчерпанность их репродуктивных установок.²⁵ Проверим это гипотетическое суждение, сопоставив реальное и желаемое количество детей (табл. 22).

Между реальным и желаемым женщинами числом детей обнаружена тесная зависимость ($r = 0.36$). Бездетные женщины чаще всего ориентированы на двухдетность, лишь незначительная их часть ограничилась бы однодетностью. Если, с одной стороны, исключить вероятность бесплодия, а с другой — иметь в виду, что более 60% бездетных женщин из числа наших респонденток состоят в браке до 3 лет, то их инфертильность скорее всего является временной. Среди женщин, имеющих одного ребенка, только каждая десятая удовлетворена палочным состоянием, подавляющее же их число признает желательной для себя двухдетность. И здесь, стало быть, не исчерпана возможность роста семьи. Матери, имеющие двух детей, не сожалеют об этом, более того, значительная их часть при определенных условиях, предположительно, родили бы еще. В трехдетных семьях фиксируется новое явление — сожаление некоторых женщин по поводу «лишнего» ребенка, но вместе с тем подавляющее большинство считают, что это отвечает их желаниям. Дополнительно следует отметить, что четвертого ребенка даже в самой благоприятной ситуации хотели бы иметь не так уж много респонденток, причем в основном из реально трехдетных семей.

Безусловно, определенную, и немалую, роль в принятии решения о рождении ребенка играет муж. Соотношение реального и желаемого числа детей у мужчин в принципе не отличается от женского ($r=0.34$). Вместе с тем удельные веса желаемого количества детей сдвинуты у них в сторону больших показателей. Так, женщины в среднем хотели бы иметь 2.5 ребенка, мужчины — 2.7. Казалось бы, в этом отношении картина более или менее благоприятна. Однако в данном случае зафиксированы раздельные ориентации мужей и жен, а в семье, надо полагать, решения о рождении ребенка супруги принимают совместно. Обращение к их согласованным суждениям показывает, что лишь у 45% пар мнения по поводу желаемого количества детей совпадают (21% — хотели бы иметь двух, 24.6% — трех детей).²⁶

Рассогласованность мнений, несомненно, служит показателем наличия у каждого из супругов конкурирующих с желанием иметь детей потребностей. Эти предпочтения, очевидно, могут быть конкретизированы с помощью мотивации отказа от прокреационной деятельности.

Выяснение мотивов отказа от прокреации имеет уже определенную традицию в демографических исследованиях.²⁷ Не имея, к сожалению, никакой иной реальной альтернативы, мы воспользуемся опросным методом, несмотря на критический настрой некоторых специалистов по поводу применимости таких методик для данной цели. Вряд ли можно всерьез относиться к предложению А. И. Антонова пользоваться как основным инструментом методом семантического дифференциала.²⁸ И вообще дело не столько в методике, сколько в проникновении исследователя в суть рассматриваемых явлений.

Итак, какие мотивы препятствуют рождению первенца? Супругам, не имеющим детей, было предложено отметить на одиннадцатипунктной шкале от одного до трех мотивов, лежащих в основе их отказа от деторождения. Актуальными оказались лишь четыре мотива. Женщины противопоставили рождению ребенка необходимость насыщения личностных ценностей («хочется пожить для себя»). У подавляющего числа женщин, указавших на стремление к индивидуальным благам, не сложились отношения с мужем. Отсюда реализация потребности в ребенке чревата для них долговременными негативными последствиями. Короче, здесь зачатие ребенка сдерживается в первую очередь супружеской неадаптирован-

ностью, хотя одновременно нельзя совершенно исключить и превалирования личностных потребностей над прокреационными на первоначальной стадии развития индивидуальной семьи.

Мужчины выдвигают два объяснительных мотива. Первый — «просто еще не успели» — не требует особой аргументации. В самом деле, респонденты, отметившие это обстоятельство, молоды (до 29 лет), состоят в браке менее трех лет и, как правило, удовлетворены (в том числе нередко — «весьма») браком. Другой специфически мужской мотив — указание на материальные затруднения. Надо сказать, что многие исследователи убеждены в независимости рождения первенца от материальных условий жизни семьи.²⁹ Это утверждение не лишено оснований. Судя по общесоюзной статистике, подавляющее число семей с разным уровнем благосостояния имеют по меньшей мере одного ребенка. Кроме того, анализ архивных материалов отделов ЗАГСа выявил, что регулирование зачатия первого ребенка происходит крайне редко.³⁰

Рассмотрим ту, относительно незначительную, долю семей, в которой представлены бездетные. Что понимают наши респонденты под материальными затруднениями? По заработку они разделяются следующим образом: 36% мужчин получают 100—139 руб., еще 36% — 140—169 руб. и 28% — 180—239 руб. в месяц. Если оценить уровень заработной платы с позиции возможности содержания ребенка, то, конечно, дать однозначный ответ — много это или мало — невозможно. Например, в выборке 1981 г. у мужчин, имеющих детей, размер заработной платы сдвинут в сторону более высоких показателей по сравнению с бездетными. Разумеется, такое положение дел никак с детностью не связано, а скорее обусловлено возрастом и соответственно профессиональным стажем. В то же время обращение к уровню дохода, приходящегося на одного члена семьи, показывает, что у бездетных он даже несколько выше. Еще одно немаловажное обстоятельство состоит в том, что этот мотив лишь в редких случаях фигурирует в качестве единственного или ведущего, чаще он дополняет соматико-физиологические характеристики здоровья («не наступает беременность», «плохое состояние здоровья»).

И наконец, четвертый мотив, выдвигаемый и мужчинами и женщинами, — «неудовлетворительные жилищные условия». Супруги, отметившие это обстоятельство, дей-

ствительно оказались в относительно худшем положении, нежели в среднем семьи, представленные в нашей выборке. И все-таки сомнительно, что комфортность жилья непосредственно влияет на принятие решения о рождении первенца. Обращает на себя внимание, что ссылка на плохие жилищные условия возрастает по мере снижения удовлетворенности браком. Скажем, среди мужчин, не мотивировавших отсутствие детей качеством жилья, не удовлетворенных браком оказалось 13 против 55% максимально удовлетворенных; а среди ссылающихся на это как на основание для отказа от деторождения — соответственно 57 против 7%. Значит, неудовлетворительное жилье выступает скорее дополнительным препятствием актуализации прокреационной установки.

Таким образом, реальными причинами, сдерживающими рождение первенца, является временная или постоянная инфертильность, конкуренция личностных и прокреационных потребностей и принципиальная неудовлетворенность браком.

Отказ супругов от рождения ребенка (любой очередности) при неблагоприятной брачной атмосфере свидетельствует о тщательной оценке ими сложившейся ситуации, предвещающей тот или иной выбор. Иными словами, современное прокреационное поведение предполагает наличие сознательной внутрисемейной регуляции. Это, без сомнения, относительно новое явление, характерное в развернутом виде для супружеской семьи. По подсчетам Л. Е. Дарского, русская женщина в конце XIX в. не родила из-за плохого состояния здоровья или намеренного предотвращения рождений в среднем 1.6 ребенка, тогда как в конце 70-х годов XX в. — 6.09.³¹ Вместе с тем принятное в последние годы изучение сельских семей коренных национальностей Узбекистана и Казахстана показало, что в них почти отсутствует практика ограничения рождаемости. Так, в частности, среди жительниц Ферганской долины аборт составили: при первой беременности — 0.7, второй — 2.2, третьей — 2.1, четвертой — 2.3, пятой — 2.8 и шестой — 3.3%.³² (Для сравнения укажем, что обследование И. П. Катковой 400 молодых семей в одном из районов Москвы обнаружило у первобеременных 21% аборт. По данным Н. И. Туровой, 38% первородящих в 1963 г. в Ленинграде имели в анамнезе искусственные аборты).³³ В первые годы брачной жизни женщины практически ничего не знают о средствах предо-

ждения беременности. Более половины жительниц села, впервые услышавших о возможности регуляции от врача, имели к этому времени по 5—8 детей. Да и осведомлены о такой возможности они были только в связи с ухудшением состояния здоровья, вызванного частыми родами. По существу каждая пятая сельская жительница оказалась вообще не информирована о принципах рационального регулирования рождаемости.³⁴

Внутрисемейный контроль рождаемости осуществляется, по нашему мнению, на двух различных уровнях — негативном и позитивном. Негативная направленность регуляции заключается в отказе супругов от прокреации, т. е. в количественном ограничении деторождения; позитивная — собственно планирование — это не только сознательное принятие решения по поводу числа детей в семье, но и выбор оптимального времени их появления. Такое решение есть результат предпочтения женой (или обоими супругами) демографических ценностей другим социально-культурным ценностям, равно как осознание экономических, психологических и нравственных возможностей.

В отличие от большинства демографов³⁵ мы полагаем, что к настоящему времени в крупных городах получил массовое распространение лишь первый путь регулирования рождаемости.³⁶ При этом вовлечение значительного числа супружеских пар в сферу контроля репродуктивной деятельности не сопровождается качественным сдвигом в структуре контрацепции. Обратимся к табл. 23.

Итак, для супружеских пар наиболее характерен контроль над рождаемостью с помощью учета естественного ритма, *coitus interruptus*, механических средств и абортов. Идентичные методы зафиксированы в качестве основных в середине 60-х годов при опросах в Москве и Риге.³⁷

Частота применения календарного метода женщинами в ленинградской выборке не зависит от их социального и образовательного статуса, но находится в обратной связи с количеством детей и продолжительностью брака, которые, как правило, сопряжены между собой. Скажем, почти половина бездетных супругов регулируют зачатие, опираясь на «календарь», в то время как среди трехдетных таких оказалось около 10%. Прибегающие к *coitus interruptus* не дифференцируются социально-демографическими показателями. Распространенность этого метода связана лишь с детностью. Так, он характерен для 28% бездетных пар, 24 — однодетных, 18 — двухдетных и 8 — трехдетных.

Таблица 23

Способы контроля над рождаемостью по ответам супругов (в % к общему числу поданных голосов; опрос 1981 г.)

Способ	Жены	Мужья
Полное или длительное воздержание	2.3	5.0
Календарный метод *	40.7	42.0
Прерванное сношение (coitus interruptus)	20.8	22.8
Химические средства	13.6	7.3
Механические средства	18.1	38.8
Внутриматочные приспособления (например, спиралька)	8.6	9.6
Гормональные средства (пилюли, таблетки)	3.6	4.6
Аборт	33.9	19.3

Примечания: 1. Опрошенным предлагалось отметить от 1 до 8 пунктов; 2. Рассогласованность ответов мужчин и женщин (тогда, когда эти расхождения статистически значимы) вполне объяснима психологическими особенностями пола. Скажем, об абортах лучше помнит жена, чем муж; а о механических средствах — наоборот.

Использование механических средств в общем-то постоянно и колеблется в пределах 37—44%. Распространенность аборт обусловлена многими параметрами, но более всего продолжительностью брака ($r=0.32$). Искусственно прерывали беременность 10% женщин, состоявших в браке до 2 лет, 30% — при продолжительности брака до 5 лет и более 60% — до 10 лет.

Все перечисленные способы предупреждения деторождения малодейственны, вредны для здоровья и эстетически непривлекательны. Например, «календарный метод» малоэффективен при нерегулярных циклах. Им нельзя пользоваться в течение примерно полугодия после родов и аборт из-за возможности изменения продолжительности цикла. Ритм нередко подводит супругов в случаях изменения жизненного стиля, а также при любых дистрессах.³⁸ Еще многообразнее негативные последствия искусственного прерывания беременности. Оно представляет собой тяжелую биологическую и механическую травму для всего организма женщины, особенно первобеременной.

* Календарный метод Огино-Кнауца — исчисление «бесплодных» дней в зависимости от продолжительности менструального цикла.

Эта операция нередко приводит к серьезным ближайшим и отдаленным осложнениям, сказывающимся на течении последующих беременностей, а иногда вызывает и вторичное бесплодие. Так, по данным Института акушерства и гинекологии АМН СССР за 1960—1962 гг., из 662 больных, страдающих вторичным бесплодием, у 40.5% женщин оно было результатом криминального аборта, у 12.9 — медицинского и у 18.1% — самопроизвольного выкидыша.³⁹ Отсюда, конечно, «не следует делать вывод о необходимости запрета аборта, так как это якобы повысит рождаемость... Очевидно, дело не в запрете аборта, а в замене его надежными, доступными противозачаточными средствами».⁴⁰

Казалось бы, мысль, высказанная полтора десятилетия тому назад, бесспорна, однако говорить о реальных сдвигах в структуре применяемых средств контроля за рождаемостью пока не приходится. И сегодня наиболее надежные средства — гормональные и внутриматочные — практикуются довольно редко. На общем фоне, правда, выделяются женщины, имеющие одного ребенка (в их арсенале указанные средства занимают около 20%). Почему именно однопородные матери проявляют наибольшую лабильность? Скорее всего, потому, что они, с одной стороны, имеют опыт в этом отношении, с другой — молоды и образованны (большинство из них окончили либо техникум, либо вуз). Опыт, безусловно, нацеливает женщин на поиск наиболее эффективных средств контрацепции, а молодость и образованность способствуют преодолению устоявшихся культурных стереотипов и питают поведенческую активность.⁴¹

Приведенные данные подтвердили гипотезу о массовом распространении внутрисемейного контроля над зачатием. В отличие от этого, судя по нашим выборочным опросам, планирование рождаемости не получило аналогичного резонанса у супругов. В самом деле, хотя бы просто слышали о возможности семейного планирования рождаемости только 56% женщин и 58% мужчин, состоящих в браке. При этом уровень их информированности, как оказалось, не зависит ни от половозрастных показателей, ни от социально-образовательного статуса, ни от меры удовлетворенности браком.

Для уяснения того, как понимают респонденты смысл внутрисемейного контроля, им был задан вопрос, предусматривающий выбор одного из трех суждений «регулиру-

вание — это средство для увеличения интервала между рождением детей; средство, чтобы иметь меньше детей; средство, чтобы иметь желаемое число детей в желательное время».

Первый вариант ответа отметили 8.6% женщин и 8.4% мужчин, второй — 3.1% женщин и 9.6% мужчин и третий — соответственно 88.3 и 82.0%. Таким образом, подавляющее большинство супругов из числа информированных о возможности внутрисемейного планирования понимают его действительный смысл. При этом, однако, надо иметь в виду, что на данный вопрос ответило лишь около 50% опрошенных нами пар. Больше того, надо полагать, не все те, кто теоретически понимает смысл сознательного регулирования как проявление индивидуального (или семейного) волеизъявления, опирающегося на знание объективно лучшего для рождения детей возраста женщин,⁴² применяют его на практике. Смысл планирования состоит в том, что потребность в детях возводится во внеконкурентный ранг в наилучшем для качественного воспроизводства потомства временном интервале. Отказ же от рождения ребенка определенной очередности, с тем чтобы удовлетворить более насущные или мнимые личные потребности, вольно или невольно вовлекает человека в некий замкнутый круг. Ибо «сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям»,⁴³ которые оказываются вновь конкурирующими с прокреационной потребностью. Таким образом, теоретически реализация потребности в детях должна быть «приурочена» к определенным этапам развития индивидуальной семьи, но практически, в силу переходного характера современной моногамии и автономии гедонистического и прокреационного начал сексуальности, она (эта потребность) во всей своей полноте не осознается супругами как благо.

2. Стабильность семьи и воспроизводство человека

Напряженность в отношениях между мужем и женой, случаи раздельного проживания конфликтующих супругов и разводы нередко соотносятся специалистами с тенденцией рождаемости. Примечательно, что, отталкиваясь от одних и тех же фактов, исследователи прихо-

дят к диаметрально противоположным заключениям по поводу влияния элементов дестабилизации брака на количество детей в семье. Более того, даже у отдельно взятого автора можно встретить исключаящие друг друга суждения. Например, по Л. В. Чуйко, стабильность брака, с одной стороны, «влияет на потенциальную фертильность женщин», а с другой — «рождаемость женщин в первом расторгнутом браке мало отличается от рождаемости состоящих в браке женщин».⁴⁴ Отмеченное противоречие, очевидно, обусловлено отсутствием представительной статистики, фиксирующей количество детей у женщин, проживающих сепаратно от мужей, у разведенных и вступивших в повторный брак.

Рассмотрим мнения обеих сторон. Французские демографы П. Фести и Ф. Прну, опираясь на статистические показатели по Финляндии и ФРГ, провели сопоставление рождаемости у разведенных и продолжающих совместную жизнь, в одной и той же брачной когорте. Так, к 15—19 годам брака в Финляндии в когорте 1951 г. среднее число рождений у разведенных женщин 2.31, а у неразведенных — 2.40, в ФРГ — соответственно 1.88 и 1.98. Как видим, в обоих случаях число детей почти одинаково. В другой финляндской когорте (1961 г., прожили в браке от 5 до 9 лет) рождаемость у разведенных пар вовсе не отличалась от рождаемости у супружеских пар. В ФРГ она, правда, ниже у разведенных, однако в последних когортах расхождение значительно сократилось. Прежде, согласно французским ученым, та же динамика имела место и в Финляндии. При равной продолжительности брака рождаемость у разведенных растет от ранних когорт к более поздним, тогда как для всей совокупности супружеских пар она сокращается.⁴⁵ Представленные данные как будто дают основание для однозначного вывода: в обеих странах связь между разводом и рождаемостью сегодня почти исчезает. В принципе к такому же выводу приходит венгерский исследователь И. Хооз. Он поставил перед собой цель показать влияние стабильного брака на рождаемость. Под стабильностью в данном случае понимается не формальная устойчивость, а прочность супружеской связи, «внутренняя гармония семьи».⁴⁶ В результате анализа материалов переписей (1949, 1960, 1970 гг.) и микропереписей (1963, 1968 гг.) ученый приходит к заключению о том, что сменяющие друг друга стадии разрушения брака (внутри-

семейные конфликты, раздельное проживание супругов, юридически оформленный развод) все в большей мере снижают рождаемость. Правда, повторные браки в определенной мере (в них, как известно, вступает лишь часть разведенных) компенсируют влияние дезорганизующих процессов.

Согласно Хоозу, наиболее неблагоприятное воздействие на прокреационное поведение оказывает не столько развод, сколько предшествующее ему раздельное проживание брачных партнеров. «Раздельное проживание составляет большую проблему не только потому, что оно стало довольно распространенным явлением, но и потому, что, имея все отрицательные — в демографическом отношении — последствия, наступающие после развода, оно не имеет того преимущества, которое состоит в возможности заключения нового гармоничного брака».⁴⁷ И наконец, выделим следующее важное замечание: «Если общее число рождений на семью приближается к двум, то не имеет особого значения... продолжительность брака».⁴⁸

С венгерским демографом солидарен советский специалист в области рождаемости В. А. Борисов. По его мнению, рост числа разводов может повлиять на снижение уровня рождаемости при широко распространенной многодетности. Чем ближе рождаемость к естественной, тем больше ее зависимость от брачного статуса, так как развод, сокращая время пребывания женщин в браке, автоматически уменьшает потенциальную возможность рождений. Иное положение дел, считает исследователь, при низком уровне рождаемости, когда преобладающей становится одно-, двухдетная семья. Теперь связь между продолжительностью брака и прокреацией существенно меняется, ибо для рождения одного или двух детей уже не требуется брак значительной длительности. В то же время какая-то часть женщин, вступив во второй брак, думая о закреплении своего союза, может родить еще одного ребенка, которого в непрерывном первом браке, по-видимому, не имела бы.⁴⁹

Иная точка зрения высказывается некоторыми отечественными исследователями. Так, В. А. Сысенко считает, что устойчивость брака, которая в первую очередь зависит от состояния супружеских отношений, является определяющим условием «рождения большого числа детей в семье».⁵⁰ «Весьма хорошее отношение супругов», пола-

гает автор, приводит к рождению двух-трех детей. Однако даже эти цифры завышены. На самом деле в анализируемой выборке хорошему отношению супругов соответствует в среднем 1.88 ребенка, а при напряженных — 1.33 ребенка, короче, в обоих случаях — ниже двух.⁵¹

По убеждению Г. Киселевой и И. Родзинской, в семье конфликты (взаимное отчуждение, отсутствие понимания, сексуальная дисгармония и т. п.) могут носить не острый, а хронический характер и не всегда завершаться разводом. «В такого рода нестабильных семьях, — отмечают демографы, — супружеские отношения не могут не оказать влияние на сокращение в них числа детей».⁵² Это гипотетическое положение они верифицируют данными выборочных опросов молодых семей, проведенных в 1977 и 1979 гг. в Москве. Что показал эмпирический материал? Среди «стабильных» семей двухдетность встречается чаще, чем среди «нестабильных», 65 против 35%. Рельефнее указанная зависимость прослеживается в браках со стажем до 10 лет: 3 к 1, тогда как при более продолжительном совместном проживании — 1.6 к 1.0. Далее, сопоставляя меру удовлетворенности браком и желаемое супругами число детей, авторы установили тесную сопряженность этих показателей. К примеру, среди «удовлетворенных» 19% ориентированы на одного ребенка, а 81% — на двух и более детей, среди «неудовлетворенных» — соответственно 38 против 62%. Опираясь на названные и ряд аналогичных корреляций, авторы обсуждаемой статьи констатируют: удовлетворенность браком, по-видимому, способствует повышению семейных ценностей, а среди них — и ценности нескольких детей. Неудовлетворенность браком, напротив, развивает внесемейные интересы, вызывает желание ограничиться одним ребенком. Или еще жестче: «на снижение рождаемости весьма существенное влияние оказывает уменьшение стабильности брака. Малодетность является во многом результатом неудовлетворенности браком».⁵³

Последняя позиция вызывает ряд возражений. Нет сомнения, что нельзя получить сколько-нибудь убедительного доказательства в пользу влияния стабильного брака на прокреационное поведение, сопоставляя одно- и двухдетные семьи, ибо и те и другие относятся к одному и тому же типу — малодетному. Дать положительный ответ, очевидно, станет возможным при сравнении

по меньшей мере трех прокреационных исходов: бездетного, мало- и среднедетного.

Ленинградская выборка 1981 г., напомним, осуществлялась по двум критериям — продолжительности брака и детности. Благодаря этому в совокупности представлены бездетные супруги, родители с одним-двумя и тремя-четырьмя детьми. Отсюда, действительно, открывается возможность прояснить связь (или ее отсутствие) между мерой удовлетворенности браком и наличием в семье определенного числа детей.

Ограничимся обсуждением крайних позиций: «безусловно удовлетворен(а) — не удовлетворен(а)». Сначала обратимся к подвыборке женщин. Около 50% удовлетворенных браком женщин имеют одного ребенка, 33% — двух, почти 5% — трех-четырех, инфертильны — 16.5%. Иная картина вырисовывается среди неудовлетворенных браком. Здесь на первый план выходят бездетные (около 32%), затем почти в равной мере представлены двух- и однодетные (соответственно 26.8 и 24.3% — различие статистически незначимо), среднедетна почти каждая четвертая семья. Прежде чем интерпретировать эти данные, проанализируем в том же разрезе мужскую подвыборку. Несмотря на то что мужчины в большей степени удовлетворены браком, принципиальное распределение прокреационных исходов у них не отличается от женского. А именно: среди мужчин, удовлетворенных браком, преобладает малодетность (43.7% — однодетность, 35.3% — двухдетность), около 15% не имеют вообще детей и только около 6% — трех и более. В браках, оцениваемых мужчинами как неудовлетворительные, модальная группа — бездетные (34.2%), следующая — малодетные (28.5% однодетных против 25.7% двухдетных — различие статистически незначимо) и, наконец, 11.6% — среднедетные. Значит, почти 80% супругов, вполне удовлетворенных браком, малодетны, остальные бездетны или среднедетны (в соотношении 3:1). Неудовлетворительным, по оценке обоих супругов, бракам малодетность характерна в меньшей степени (каждая вторая семья), а крайние позиции — среднедетность и бездетность — представлены, наоборот, большими долями. Если буквально воспринять установленную зависимость, то окажется, что малодетность — атрибут максимально удовлетворительного брака (а следовательно, и стабильной семьи), в то время как среднедетность и, отчасти, инфер-

тильность — неудовлетворительного. Однако косвенным доказательством отсутствия непосредственной связи между стабильностью семьи и детностью может служить независимость меры удовлетворенности браком от супружеских конфликтов на почве прокреации и социализации детей.

Утверждение о сопряженности, с одной стороны, между удовлетворенностью браком и ростом внутрисемейных ценностей, а с другой — между неудовлетворенностью и пробуждением внесемейных интересов, представляется нам излишне категоричным. Здесь, безусловно, игнорируется закономерность функционирования современной семьи, суть которой в единстве, казалось бы, противоположных устремлений — интимности и автономии. Чем теснее внутренние силы супружеского «сцепления», тем многообразнее и интенсивнее внесемейное общение мужа и жены. Неудовлетворительный же брак опирается на альтернативное предпочтение: либо ценности устойчивости, либо — развития.⁵⁴

Дискуссия вокруг зависимости числа детей от стабильности (в других вариантах — устойчивости) семьи вольно или невольно отодвигает на второй план проблему социального воспроизводства человека. Хотя, как известно, классики марксизма относили производство самого человека к числу решающих факторов истории. Ф. Энгельс в предисловии к работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» отмечал: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двойного рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода».⁵⁵

Ясно, что нас здесь интересует не воспроизводство человека вообще, а первичная (семейная) социализация ребенка.

Само собой разумеется, коль скоро на разных ступенях общественного развития социальный статус детей неодинаков, то неодинакова и наполненность и интенсивность родительских чувств. Или сформулируем проблему несколько иначе: вносит ли «супружеская» семья коррективы в отношения родители—дети? К сожалению, этот

аспект взаимодействия пока почти не привлек внимания наших исследователей, поэтому ограничимся здесь постановкой данного вопроса.

Указанные отношения схематично можно представить как следующий исторически сменяемый ряд, описывающий усложнение механизма социализации: патриархальные, детоцентристские, интимно-автономные. В основе первых двух типов лежит принцип подчиненности, зависимости одного поколения от другого.

На протяжении многих веков в патриархальной семье господствовала абсолютная родительская власть и авторитарная система воспитания. Даже малейшее нарушение этих принципов приводило к неотвратимым санкциям. Например, согласно Уложению 1649 г., сын, в равной мере и дочь подвергались наказанию кнутом, если они грубо разговаривали с родителями, тем более — при попытках предъявить им иск.⁵⁶ Такие отношения в мифологии отражали господствующую в обществе иерархичность. «Идея детства, — по словам известного французского демографа Ф. Ариеса, — была связана с идеей зависимости: слова „сын“, „валет“, „гарсон“ принадлежали также к словарю феодальных отношений, выражая зависимость от сеньора. Детство не кончалось до тех пор, пока не кончалась эта зависимость».⁵⁷

Капитализм, разрушив все формы личной зависимости, в том числе и притязания «старшего поколения распоряжаться телом, душой, имуществом, счастьем и несчастьем младшего»,⁵⁸ тем самым расчистил почву для смены патриархальной семьи новой, для которой характерно «социальное возвышение» детей. «Жизнь современной семьи, — замечает Ф. Ариес, — строится в зависимости от ребенка и его будущего».⁵⁹ Правда, зависимость как принцип межпоколенных контактов полностью не исчезает, а лишь преобразуется, меняя направленность и смысл.

Лишь при социализме поведение родителей, мотивированное интимно-эмоциональной привязанностью к детям, получило широкое распространение. Однако даже в этих условиях гипертрофия долга по отношению к детям нередко приводит к неблагоприятным последствиям. Сотрудники отдела семьи ИСИ АН СССР задали 600 родителям в Москве, Тбилиси и Саранске такой вопрос: «Будете ли Вы материально помогать Вашим детям после окончания школы?». Около 90% опрошенных

в крупных городах и почти 100% в среднем ответили, что будут помогать детям столько, сколько это необходимо. Интерпретируя эти данные, исследователи справедливо замечают: «...когда материальная помощь растягивается на долгие годы, она может стать фактором, препятствующим развитию и укреплению во взрослеющих детях качества труженика и гражданина».⁶⁰ Последовательно проводимый детоцентризм чреват и другими негативными последствиями, в частности, межпоколенным недопониманием. Е. Е. Леванов, выявляя ориентацию родителей на род занятий детей по окончании ими средней школы, обнаружил по этому поводу рассогласование во мнениях старшего и младшего поколений. Почти 60% родителей хотели бы видеть детей специалистами с высшим образованием, тогда как сами школьники — лишь в 40%, что же касается рабочих профессий, то обнаружена прямо противоположная картина — 10 против 20%.⁶¹ И все же вряд ли справедливо говорить о массовом распространении классического детоцентризма уже в силу того обстоятельства, что глубокому общению чужда любая разновидность подчинения.

Напротив, взаимная поддержка и заинтересованность всех членов первичной общности в судьбе каждого создают предпосылки для гармоничной деятельности внутри семьи. Ребенок, вероятнее всего, здесь чувствует, что его обязательства по отношению к родителям состоят не столько в рутинной помощи по ведению домашнего хозяйства, сколько в том, чтобы полнее использовать возможности, представленные ему для развития и реализации своих способностей и таланта. В свою очередь, воспитатели, отходя от скрупулезной регламентации, поощряют этику самореализации как социально-нравственную ценность. Отметим следующее обстоятельство, иллюстрирующее высказанное положение. Отцы и матери школьников часто не имеют четкого представления об их профессиональной будущности. Так, в нашей выборке лишь 21% родителей наметили профессиональную карьеру сына, а 26% — дочери. В то же время 40% родителей уверены в полном нравственном и эмоциональном взаимопонимании с детьми. При этом нередко такое понимание сопряжено с удовлетворенностью браком. Например, мужчины, максимально удовлетворенные браком, в 70% указывают на гармоничность отношений с детьми, неудовлетворенные — вообще ее отрицают. Словом, эф-

фektivность социализации сегодня связана с сохранением и развитием на всех возрастных стадиях, с одной стороны, межпоколенной интимности, а с другой — определенной нравственно-психологической дистанции между ними. Та же тенденция подмечена Ч. С. Гризискасом и Н. В. Маляровой. «В современной эгалитарной семье, — считают они, — возникают и свои органически присущие ей типы взаимоотношений между родителями и детьми, которые строятся на основе взаимного уважения, дружбы, товарищества, признания права детей на свое мнение, некоторую автономию».⁶² Эта связка квазипротивоположных состояний есть не что иное, как проекция супружеских ценностей. Точнее говоря, отношения родители—дети стали опираться на те же базовые принципы, что и связь муж—жена. Тем самым подтверждается идея о том, что «воспитание детей не может строиться на совершенно иных принципах, нежели общество взрослых».⁶³

Подведем краткие итоги. Рассуждая абстрактно, можно констатировать независимость количества детей в семье от ее стабильности (в том числе устойчивости). Однако это общее положение требует уточнения того, о каком типе семьи идет речь. Для модернизированного варианта патриархальной семьи характерна средне- и, отчасти, многодетность; у супружеской семьи шкала смещена в противоположную сторону: от средне- к малодетности, а детоцентристская — по природе малодетна. Словом, чем архаичнее по своему характеру система отношений, тем активнее прокреационная деятельность. Стало быть, детность скорее обусловлена типом семьи, чем ее формальной устойчивостью. Иное дело — социальное воспроизводство человека. В этом отношении супружеский тип семьи вне конкуренции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идея автономии трех аспектов семейного поведения (матримониального, сексуального, прокреативного) оказалась плодотворной при анализе исторического движения этого института. И в самом деле, опора на имманентные закономерности функционирования семьи открывает возможность описать актуальное состояние и избежать максималистских претензий в предсказании ее перспективных форм.

В ходе исследования выявлена мозаичная картина реально сосуществующих типов семьи: патриархально-модernизированного, детоцентристского, супружеского, материнского и неполного. На общем фоне, по нашему убеждению, не вызывает сомнения предпочтительность супружеского типа семьи. Его главная характеристика — непротиворечивое сочетание интимности и автономии. Достижение такого состояния — процесс сложный и многофазный, берущий начало еще до формирования брака. Образно говоря, становится необходимым прохождение через «сито» ухаживания и рациональный выбор супруга. Разумеется, и это далеко не абсолютная гарантия стабильности будущих отношений, а, скорее, ее потенциальная основа.

На переломных стадиях эволюции индивидуальной брачной семьи в отношениях супругов нередко возникают напряжения, обусловленные дисфункциональностью механизма устойчивости и (или) развития.¹ Об этом, в частности, свидетельствует постоянство пиков разводов на шкале времени.

Безусловно, в супружеской семье в виду высокой значимости духовного критерия в добрачном отборе существуют наиболее благоприятные условия для предотвращения кризисной ситуации. Мотивация иного рода, в том числе эмоциональная, чаще приводит к негативным последствиям. Отсюда вполне логичен вывод о предпочтительности духовности как базовой ориентации на брак перед страстью. И тем не менее, удачность выбора супруги(га) перманентно проверяется в течение всего времени совместного проживания включением ценностей адаптации, интимности и автономии. Важно подчеркнуть и то, что указанные основания супружеской семьи создают уникальную возможность для ухода от стандартности и проявления индивидуального творчества.

Вместе с тем, суть супружеской семьи не сводится к радикальным преобразованиям исключительно горизонтальных отношений — уничтожению «зависимости жены от мужа»² — это лишь одна сторона, другая — не менее важная — становление новых вертикальных взаимоотношений, исключающих зависимость «детей от родителей»³. В этом плане первая проблема возникла в связи с обособлением в сексуальности гедонизма от прокреации. Скольнибудь последовательный гедонизм требует эффективного контроля над зачатием, сознательная прокреация — разработанной системы внутрисемейного планирования. Вторая проблема — выявление путей и средств распространения базовых супружеских ценностей (интимность — автономия) на межпоколенные отношения. Это сделает возможным формирование с детского возраста не отдельных (хотя и очень важных) нравственных черт и принципов (трудолюбия, честности и т. п.), а цельной гармоничной личности, способной самостоятельно принимать ответственные решения.

ПРИМЕЧАНИЯ

К предисловию

¹ См.: Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976, с. 189—235.

² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 104—105.

³ Воспроизводство населения в СССР. М., 1983. 303 с.

⁴ Харчев А. Г., Голод С. И. Молодежь и брак. — В кн.: Человек и общество. Л., 1969, вып. VI, с. 125—142.

⁵ См.: Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX—начале XX в. — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977, с. 100.

⁶ Доктрионы — «муниципальные дома терпимости, находившиеся под контролем государственной власти» (БСЭ. 1-е изд., т. 47, с. 331).

⁷ «Конкубинат [лат. concubinus, от con(cum) — вместе и cubo — лежу, сожительствую], в римском праве регулировавшееся законом фактич. соительство мужчины и женщины (в отличие от полноценного брака) с намерением установить брачные отношения» (БСЭ. 3-е изд., т. 13, с. 28).

⁸ Гибш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972, с. 105.

⁹ Вишневский А. Г. Указ. соч., с. 158.

¹⁰ Короче, происходит переход от «двойной» к единой половой морали. Смысл «двойной» морали заключается в различной общественной оценке активности мужчин и женщин: сексуальные стремления первых негласно поощряются, а вторых — осуждаются (см. об этом: Харчев А. Г., Голод С. И. Молодежь и брак, с. 131).

¹¹ Употребление этого термина представляется нам вполне оправданным. В марксистской литературе, начиная с ее основоположников, понятие «революция» применялось к самым различным областям человеческой деятельности. К. Маркс и Ф. Энгельс писали не только о социальной и политической революции, но и о революции промышленной и аграрной, философской и религиозной (см., например: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 256; т. 20, с. 506; т. 25, ч. I, с. 365). В современный марксистский понятийный аппарат прочно вошли такие выражения, как культурная революция, научно-техническая революция, а в последнее время — и демографическая революция. Более того, в вос-

поминаниях К. Цеткин есть прямое указание на то, что В. И. Ленин понимал изменения, происходящие в области полового общения, как коренные, революционные. «... В эпоху, когда рушатся могущественные государства, — говорил он, — когда разрываются старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются. Подхлестывающая жажда разнообразия в наслаждениях легко приобретает безудержную силу. Формы брака и общения полов в буржуазном смысле уже не дают удовлетворения. В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции» (Цеткин К. Из записной книжки. — В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1979, т. 5, с. 45).

¹² См. об этом: *Голод С. И.* Город меняет моральные нормы. — Наука и техника, 1968, № 11, с. 17—19.

¹³ *Голод С. И.* Трансформация семьи: суть и проблемы. — В кн.: Современные проблемы воспроизводства населения. Рига, 1980, с. 136. См. также: *Тольц М. С., Оберг Л. Я.* Дифференциация отдельных компонентов рождаемости на ранних этапах формирования семьи. — В кн.: Социальный и демографические аспекты исследования брака, семьи и репродуктивных установок: Всесоюзная научная конференция «Доходы и потребление семей». Ереван, 1983, с. 118—122.

¹⁴ *Яковлева Г. В.* Охрана прав незамужних женщин. Минск, 1979, с. 7. — Принципиально близкие показатели (около 8%) выявлены нами по типовым формам регистрации новорожденных (1968—1978 гг.) в двух ЗАГСх Ленинграда.

¹⁵ Там же, с. 8—9.

¹⁶ Там же, с. 7.

¹⁷ Там же, с. 7—9.

¹⁸ *Шлиндман Ш., Звидриньш П.* Изучение рождаемости: (По материалам специального исследования в Латвийской ССР). М., 1973, с. 57.

¹⁹ См.: *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1969, с. 8—9; *Кон И. С.* На стыке наук. — Вопросы философии, 1981, № 10, с. 47—55.

К главе I

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 60—61.

² Архив Маркса и Энгельса. М., 1941, т. IX, с. 37.

³ Подробнее об этом см., например: *Голофаст В. Б.* Изменение семьи при капитализме. — В кн.: Семья как объект философского и социологического исследования. Л., 1974, с. 41—70.

⁴ Так, по данным Ш. Шлиндмана и П. Звидриньша, в Латвии лишь около 10% женщин фертильного возраста никогда не состояли в браке (*Шлиндман Ш., Звидриньш П.* Изучение рождаемости: (По материалам специального исследования в Латвийской ССР). М., 1973, с. 47).

⁵ Браки без детей в 1979 г. (по данным Всесоюзной переписи населения) составляли: в Латвии — 12,9%, в Эстонии — 11,4%, в РСФСР — 9,4%, в Грузии — 7,9% (Вестник статистики, 1982, № 1, с. 65).

⁶ *Бондарская Г. А.* Дифференциация рождаемости по этниче-

ским группам. — В кн.: Сколько детей будет в советской семье. М., 1977, с. 23.

⁷ *Васильева Э. К.* Семья и ее функции. М., 1975, с. 43—44.

⁸ Вестник статистики, 1980, № 12, с. 62—65.

⁹ *Тер-Саркисянц А. Е.* Современная семья у армян: По материалам сельских районов Армянской ССР. М., 1972, с. 41.

¹⁰ *Нафиева З.* Социалистическая семья: Вопросы становления и развития: На примере Башкирской АССР. Уфа, 1974, с. 110—112; *Гаджиева С. Ш., Янкова З. А.* Дагестанская семья сегодня. Махачкала, 1978, с. 45.

¹¹ *Мирзахасимов С. М.* Социально-культурные изменения и отражение их в современной семье сельского населения Узбекистана. — Советская этнография, 1979, № 1, с. 8.

¹² Высокая рождаемость у сельского населения в республиках Средней Азии опирается на традиции, сформировавшиеся под влиянием догматов мусульманской религии «о недопустимости, греховности безбрачия, бездетности и контроля над рождаемостью» (*Алиакберова Н. М.* Рождаемость в сельской семье. — В кн.: Демография семьи. Ташкент, 1980, с. 24. (Сб. науч. тр. / Среднеазиатский гос. ун-т им. В. И. Ленина. Т. 604)).

¹³ По данным М. Г. Панкратовой, «уменьшение трехпоколенных семей точно отражает отход от сельскохозяйственной ориентации, особенно на личное хозяйство. Это изменение ориентации оказывается более весомым, чем этическая традиция, особенно когда речь идет о молодых возрастах» (*Панкратова М. Г.* Сельская семья в СССР: Проблемы и перспективы. М., 1974, с. 76).

¹⁴ *Айриян А. П.* Социологическое исследование семьи: По материалам сельских районов Армянской ССР. Ереван, 1974, с. 35.

¹⁵ *Гаджиева С. Ш., Янкова З. А.* Указ. соч., с. 56.

¹⁶ *Вагабов М. В.* Ислам и семья. М., 1980, с. 32.

¹⁷ *Гаджиева С. Ш., Янкова З. А.* Указ. соч., с. 57.

¹⁸ *Тер-Саркисянц А. Е.* Указ. соч., с. 77.

¹⁹ *Goode W. J.* Family disorganisation. — In: Contemporary Social Problems / Ed. by R. Merton. New York, 1961, p. 388—391.

²⁰ Занятые вне семьи женщины среди рабочих и служащих с 1975 г. неизменно составляют в Эстонии и Латвии 54%, в РСФСР и Белоруссии — 53% (Вестник статистики, 1981, № 1, с. 71).

²¹ Занятые вне семьи женщины среди рабочих и служащих составляли в 1980 г. против 1975 г.: в Таджикистане соответственно 39 и 38%, в Туркмении — 41 и 40% (Вестник статистики, 1981, № 1, с. 71).

²² Важнейшим стимулом непосредственных контактов между родственниками является наличие детей в молодой семье. По наблюдению некоторых исследователей, в семейных группах, где есть дети младшего школьного возраста, происходят почти ежедневные встречи. С повышением возраста лиц старшего поколения направленность (но не характер) межсемейных контактов изменяется: в центре внимания оказывается потребность в уходе за лицами преклонного возраста (см.: *Ружжее В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С.* Когда бабушка рядом. — В кн.: Население Ленинграда. М., 1981, с. 73—84).

²³ *Файнбург З. И.* Социальные функции семьи и генезис понятия ее стабильности. — В кн.: Стабильность семьи как социальная проблема. М., 1978, с. 14.

²⁴ Дарский Л. Е. Формирование семьи. М., 1972, с. 129.
²⁵ Голофаст В. Б. О взаимосвязи подходов в изучении семьи. — В кн.: Социологические проблемы семьи и молодежи. Л., 1972, с. 65.

²⁶ Вишневский А. Г. Социальное управление рождаемостью. — Вопросы философии, 1978, № 6, с. 94.

²⁷ Панкратова М. Г. Функция семьи в понимании современного сельского жителя. — В кн.: Производственная деятельность женщин и семья. Минск, 1972, с. 189.

²⁸ Подробнее об этом см.: Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982, с. 15—42; Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980, с. 16—78.

²⁹ Басаева К. Д. Семья и брак у бурят (вторая половина XIX—начало XX века). Новосибирск, 1980, с. 147.

³⁰ Липинская В. А., Сафьянова А. В. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа. — В кн.: Русский народный свадебный обряд. Л., 1978, с. 185.

³¹ Басаева К. Д. Указ. соч., с. 148.

³² Лисовский В. Т. Эскиз к портрету. М., 1969, с. 34, 39.

³³ См., например: Ганцкая О. А. Этнос и семья. — Советская этнография, 1974, № 3, с. 21—22.

³⁴ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979, с. 215; Чуйко Л. В. Браки и разводы. М., 1975, с. 98.

³⁵ Мирхасимов С. М. Указ. соч., с. 13.

³⁶ Чуйко Л. В. Указ. соч., с. 93.

³⁷ Лапиньш А. Брачная избирательность в Латвийской ССР. — В кн.: Социально-демографические исследования семьи в республиках Советской Прибалтики. Рига, 1980, с. 61.

³⁸ Чуйко Л. В. Указ. соч., с. 95.

³⁹ Программа и инструментарий разработаны под общим руководством д-ра филос. наук В. Т. Лисовского. Мы формулировали, обрабатывали и анализировали вопросы, связанные с сексуальным поведением студентов.

⁴⁰ См., например: Файнбург З. И. К вопросу об этической мотивации брака. — В кн.: Социальные исследования. М., 1970, вып. IV, с. 68; Гаджиева С. Ш., Янкова З. А. Указ. соч., с. 44.

⁴¹ Kinsey A. Sexual behavior in the human female. New York; London, 1953, p. 330—332.

⁴² Файнбург З. И. К вопросу об этической мотивации брака, с. 69.

⁴³ Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М., 1978, с. 87.

⁴⁴ Рюриков Ю. Три влечения. М., 1968, с. 132—140.

⁴⁵ Гулыга А. В., Андреева И. С. Пол и культура. — Философские науки, 1973, № 4, с. 69.

⁴⁶ Лосев А. Эрос у Платона. — В кн.: Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891—1916 гг. М., 1916, с. 71.

⁴⁷ Платон. Пир. — Соч. М., 1970, т. 2, с. 110.

⁴⁸ Подробнее об этом см.: Голод С. И. Любовь: Нравственно-психологические и социальные основы взаимоотношений юношей и девушек. — В кн.: Духовное становление человека. Л., 1972, с. 124—146.

⁴⁹ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР, с. 192.

⁵⁰ Юркевич Н. Г. Советская семья. Минск, 1970, с. 95—96.

⁵¹ Коппел Э., Тийт Э. Идеал супруга(ги) и семья. — В кн.: Динамика изменения положения женщин и семья. М., 1972, с. 75—76.

⁵² Талве М., Талве В. Анализ мотивов бракосочетаний на основании данных по Эстонской ССР 1972 года. — In: Perekonna — probleemid. Tartu, 1975, fasc. II, lk. 236.

⁵³ Ачилова Р. Изучение положения женщины при социализме как фактор формирования новых взаимоотношений между супругами в киргизских семьях. — В кн.: Динамика изменения положения женщины и семья, с. 8.

⁵⁴ Файнбург З. И. К вопросу об этической мотивации брака, с. 68, 70.

⁵⁵ Юркевич Н. Г. Указ. соч., с. 97.

⁵⁶ Выявленное обстоятельство указывает на то, что даже непланируемый первый ребенок иногда способствует позитивной окраске брачных отношений.

К главе II

¹ Кээрберг А. В. Влияние квартирных условий на стабилизацию семьи. — В кн.: Современные проблемы воспроизводства населения. Рига, 1980, с. 131.

² Алексеева В. Г. Городская семья и воспитание личности. — В кн.: Проблемы социологического изучения семьи. М., 1976, с. 20.

³ Шимин Н. Д. Противоречия в семье, их разрешение и влияние на формирование личности. — В кн.: Философские проблемы формирования личности в социалистическом обществе. Горький, 1970, с. 110. (Учен. зап. / Горьк. гос. пед. ин-т. Вып. 76).

⁴ В нашей стране улучшили жилищные условия в пятой пятилетке — 30,6, в шестой — 54,0, в седьмой — 54,6, в восьмой — 54,9, в девятой — 56,1, в десятой — 51,0 млн человек (см.: Народное хозяйство СССР. 1922—1982: Юбилейный статистический ежегодник / ЦСУ СССР. М., 1982, с. 430).

⁵ Численность детей в постоянных дошкольных учреждениях составляла в 1940 г. — 1953 тыс., в 1965 г. — 7673, в 1970 г. — 9281, в 1975 г. — 11 523, в 1980 г. — 14 337 тыс. (см.: там же, с. 451).

⁶ Файнбург З. И. Социальное функционирование семьи и генезис понятия ее стабильности. — В кн.: Стабильность семьи как социальная проблема. М., 1978, с. 17.

⁷ Тийт Э. Факторы риска, вызывающие расторжение брака. — В кн.: Социально-демографические исследования семьи в республиках Советской Прибалтики. Рига, 1980, с. 108.

⁸ Харчев А. Г. Быт и семья как категории исторического материализма. — В кн.: Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970, с. 20.

⁹ Дэвис К. Прекращение брака в США. — В кн.: Развод: Демографический аспект. М., 1979, с. 125.

¹⁰ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 146.

¹¹ Это обстоятельство уже было подмечено в литературе — см., например: Орлова Э. А. Об исследовании семейных конфлик-

тов. — В кн.: Проблемы социологического изучения семьи, с. 130.

¹² Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Системный подход в социальных исследованиях. — Вопросы философии, 1967, № 9, с. 109.

¹³ Насколько нам известно, опубликованы результаты лишь двух опросов (проведенных, кстати, лишь с методической целью), в которых изучались супружеские пары (см.: Антонов А. И., Крисоручко А. Н. Опыт анализа взаимоотношений супругов. — В кн.: Проблемы социологического изучения семьи, с. 139; Сафро Е. Методические вопросы определения факторов стабилизации молодой семьи. — В кн.: Стабильность семьи как социальная проблема, с. 68).

¹⁴ *Masters W., Johnson O.* Human sexual response. Boston, 1966, p. 3.

¹⁵ Скопструированный индекс отвечает требованиям обобщенности, интерпретируемости и проверен на обоснованность.

¹⁶ Голод С. И. Молодая семья. — В кн.: Молодежь и современность. Л., 1975, с. 131—138; см. также: Тийт Э. Факторы, влияющие на стабильность брака. — В кн.: Стабильность семьи как социальная проблема, с. 136—145.

¹⁷ Прихожан А. М. Представления подростков и юношей о своей будущей семейной жизни и воспитание в родительской семье. — В кн.: Семья и личность. М., 1981, с. 184—185.

¹⁸ Голод С. Социально-психологический эксперимент как метод социологического исследования проблем брака и семьи. — В кн.: Проблемы быта, брака и семьи, с. 37—41.

¹⁹ Подробнее об этом см. § 3 данной главы.

²⁰ См., например: *Кон И. С.* Открытие «Я». М., 1978, с. 183—

²¹ Данный граф, так же как и все последующие, получен методом максимального корреляционного пути.

²² *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. IV, с. 186; *Фасмер М.* Этимологический словарь. М., 1971, т. III, с. 623; *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1975, с. 660.

²³ Словарь по этике. М., 1981, с. 321—322.

²⁴ Соколов Э. В. Культура и личность. Л., 1972, с. 200—206.

²⁵ Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. — Избранные произведения. М., 1952, т. 1, с. 115—116.

²⁶ См., например: Урбанизация, рабочий класс и НТР. М., 1972. 268 с.

²⁷ Соколов Э. В. Свободное время и культура досуга. Л., 1977.

²⁸ См. подробнее: *Голод С. И., Соколов Э. В.* Досуг и культура молодого рабочего. Л., 1977. с. 16—30.

²⁹ См.: *Голод С. И.* Социально-психологические и нравственные ценности семьи. — В кн.: *Молодая семья*. М., 1977, с. 55–56.

³⁰ Может сложиться впечатление, что достижение сексуальной адаптации — исключительно мужское стремление. Однако это не так. Речь идет не просто о сексуальном контакте (который, естественно, может быть безразличен любой из сторон), а о потребности в пробужденной женской экспрессивности, последняя в конечном счете станет для нее не менее важной. Однако в первые годы брака в иерархии женских ценностей сексуальность не находится в числе важнейших.

³¹ В литературе уже неоднократно отмечалась плодотворность

анализа семьи, исходя из стадий ее развития (Л. Гордон, Э. Клопов, И. Герасимова, А. Волков, Э. Васильева и др.). Причем большинство авторов соотносят фазы развития индивидуальной семьи с воспроизводством населения. «Каждая супружеская пара, которая не распалась и имеет детей, проходит через три фазы развития: период до рождения первого ребенка, период воспитания детей, период после отделения ставших самостоятельными детей» (Щепанский Я. Элементарные понятия социологии, с. 146). Когда мы говорим о стадиях, то имеем в виду развитие супружества, его базовых ценностей, стабилизирующих семью.

³³ Дилигенский Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей. — Вопросы философии, № 9, 1976, с. 40.

35 Косиц И. С. Половые различия и дифференциация социального

ных ролей. — В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке: Материалы к симпозиуму в г. Москве (сентябрь 1975 г.). М., 1975, с. 763—776.

36 Голод С. И. Сексуальное поведение молодежи: Предварительные результаты советско-венгерского сравнительного исследования. — В кн.: Воспитание молодежи в развитом социалистическом обществе: Симпозиум: Проблемы взаимодействия семьи, школы и общественности в формировании молодого поколения. М., 1973, ч. III, с. 96—102.

37. Анализируя материалы опроса, проведенного среди городских жителей СССР, П. А. Эглицте отмечает: «...п

ского населения Латвийской ССР, П. А. Семья в условиях индустриальной культуры и в мере качественного развития населения внесемейная трудовая деятельность в сознании людей все меньше противопоставляется семейной жизни, подобно тому как сочетаются отдельные функции семьи или разнообразны потребности личности. При этом большое сходство ценностных ориентаций мужчин и женщин свидетельствует о психической готовности выполнять тот же набор социальных ролей, сочетая внесемейные и семейные обязанности. — *Изв. АН Латв. ССР* 1982, № 4, с. 17—18).

38 См., например: Анохин П. К. Философские аспекты функциональной системы. — В кн.: Философские проблемы биологии. М., 1973. 272 с. В. А. Устойчивость брака. М., 1981, с. 177—178.

М., 1973. 272 с.

⁴⁰ Об этом см. § 3 настоящей главы.

41 Так, по мнению ленинградских исследователей, взаимодействие акцента с индивидом на групповое взаимодействие (интеракция) открывает возможность не только для диагностики семейной патологии, но и для приведения ее к норме при помощи так называемой психотерапии (Мягер В. Г., Машина Т. М. Семейная психотерапия. — В кн.: Руководство психиатрии. Ташкент, 1979, с. 297—310). Психоневрологи в клинике как будто бы с успехом выявляют (более того, снимают) патогенные факторы детских семейных неврозов (см.: Захаров А. И. К изучению семейных отношений при неврозах детского возраста. — В кн.: Социальная психология и социальная психиатрия. М., 1973, с. 130—143).

42 Чтобы убедиться в справедливости высказанного, достаточно сравнить два издания книги А. Г. Харчева «Брава, семья в СССР» — 1964 и 1979 гг.

⁴³ См., например: Юнда И. Ф. Состояние и перспективы изучения половых расстройств урогенитального генезиса. — В кн.: Проблемы сексопатологии и бесплодия. Киев, 1973, с. 15; Малахов В. В. Семейная психотерапия сексуальных нарушений у женщин, возникших на ранних этапах брака. — В кн.: Семейная психотерапия при нервных и психических заболеваниях. Л., 1978, с. 123—128.

⁴⁴ Мы обсуждаем материалы двух выборок, представляющие 400 супружеских пар с брачным стажем от 1 года до 10 лет. В их числе 146 пар максимально удовлетворенных браком против 79 — не удовлетворенных.

⁴⁵ Первая цифра относится к выборке 1978 г., вторая — 1981 г.

⁴⁶ См., например: Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1974, с. 324—325.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 145.

⁴⁸ Проблемы бытового приспособления в связи с изменением статуса женщин получили широкое освещение в социологической литературе (см., например: Харчев А. Г., Голод С. И. Профессиональная работа женщины и семья. Л., 1971, с. 70—110; Производственная деятельность женщины и семья. Минск, 1972, с. 28—29, 47—48, 59—61, 64—68; Изменение положения женщины и семья. М., 1977, с. 8, 41).

⁴⁹ Монтень М. Опыты. М.; Л., 1960, кн. 3, с. 84.

⁵⁰ Здесь речь идет именно о массовом распространении этого явления, тогда как на элитарном уровне личность превозносилась в качестве высшей социальной ценности уже в эпоху Возрождения: «...художнику, — пишет, например, Л. М. Баткин, — отныне предписывались — как и гуманисту! — одержимость учением, безразличие к внешнему, духовное самоконструирование» (Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978, с. 45).

⁵¹ Кош И. С. Открытие «Я», с. 183—224.

⁵² Корневская В. Семья и нравственная ориентация женщин. — В кн.: Динамика изменения положения женщин и семья. М., 1972, с. 53—54; см. также: Янкова З. А., Сафро Е. Ф. Изменившийся образ брака и реализация функции семьи. — В кн.: Проблемы воспроизводства и миграции населения. М., 1981, разд. I, с. 46—47.

⁵³ Рапопорт С. О системе норм семейного поведения. — В кн.: Молодая семья. М., 1977, с. 62.

⁵⁴ С. И. Ожегов определяет симпатию как «расположенность к кому-нибудь» (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1975, с. 660). Что касается статистической зависимости, то в выборке 1978 г. она следующая: между «симпатией» и «признательностью» — 0.43, «расположенностью» и «эротизмом» — 0.43, «признательностью и расположенностью» — 0.42; в выборке 1981 г.: между «симпатией» и «признательностью» — 0.52, «признательностью» и «расположенностью» — 0.45, а «симпатией» и «расположенностью» — 0.43.

⁵⁵ Между уровнем симпатии и семейной напряженностью обнаружена прямая зависимость ($r=0.25$). «Абсолютная» симпатия исключает так называемую постоянную напряженность, лишь у 4% пар отмечаются длительные ссоры, а почти каждой четвертой паре чаще всего удастся избежать ссор. При отсутствии симпатии у 12% пар постоянно напряженная атмосфера, еще почти

20% отмечают длительные ссоры и только одной из десяти пар удается избежать ссор.

⁵⁶ Напомним, что аналогичные тенденции были установлены при анализе духовной адаптации (см. табл. 14). Вместе с тем, как и предполагалось, симпатия оказалась более насущным основанием удовлетворенности браком: пары, достигшие «абсолютной» симпатии, составили 47.2% выборочной совокупности против 33.2% духовно адаптированных, тогда как отсутствие этих отношений соответственно отметили 14.3 и 26.8% (различия статистически значимы).

⁵⁷ До 60% пар указали на предельное сочувствие и лишь у 6—10% оно практически отсутствует.

⁵⁸ Первая в пределах 44—52%, вторая — 16—20%.

⁵⁹ Годвин В. О собственности. М., 1958, с. 126.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, с. 25.

⁶³ Там же, с. 128.

⁶⁴ Чернышевский Н. Г. Что делать?: Из рассказов о новых людях. Л., 1975, с. 36.

⁶⁵ Там же, с. 94—95.

⁶⁶ Близкая картина обнаружена в Эстонской ССР, где почти в четверти семей (как сельских, так и городских) отношения между супругами оцениваются либо как «удовлетворительные», либо как «скорее, удовлетворительные». Автор исследования высказывает мнение о наименьшей стабильности именно такого рода семей (Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979, с. 56).

⁶⁷ См., например: Коллонтай А. Семья и коммунистическое государство. М.; Пг., 1918, с. 21—23; Булатов Ив. Любовь и семья. Вологда, 1924, с. 5—7; Вольфсон С. Социология брака и семьи. Минск, 1927. 243 с.; Алымов Н. С. Семья при социализме и коммунизме. Л., 1969. 41 с.; Переведенцев В. Семья: вчера, сегодня и завтра. — Наш современник, 1975, № 6, с. 129—130; Чех-Сомбарти Л. Проблемы и перспективы стабильной семьи. — В кн.: Стабильность семьи как социальная проблема, с. 19—26; Боса-нац М. Внебрачная семья. М., 1981, с. 197—206.

⁶⁸ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979, с. 347, 354, 357.

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 85.

⁷⁰ Отметим, что по меньшей мере в англоязычной социологии уже с 60-х годов господствует мнение о развитии большинства семейных систем к супружеской форме (см., например: Goode W. Family disorganisation. — In: Contemporary social problems / Ed. by R. Merton New York, 1961, p. 401—405; Weiss R. S. Marriage and family in the near future. — In: The family and its future / Ed. by K. Elliott. London, 1970, p. 51—61).

⁷¹ Хаджнал Д. Европейский тип брачности в ретроспективе. — В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979, с. 56—57.

⁷² Beck D. F., Jones M. A. Progress on family problems. New York, 1973. Приводится по кн.: Семья и общество / Отв. ред. А. Г. Харчев. М., 1982, с. 104.

⁷³ Аналогичная точка зрения проводится и московскими социологами (см.: Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М., 1978, с. 68—69).

- ⁷⁴ Босанач М. Указ. соч., с. 53.
⁷⁵ Там же, с. 54.
⁷⁶ См. например: Schnabl S. Intimverhalten—Sexualstörungen—Persönlichkeit. Berlin, 1972. 478 S.; Heleszta S., Rudas J. Munka-stiatalok és egyetemisták szexualitása. Budapest, 1978. 262.
⁷⁷ Босанач М. Указ. соч., с. 54.
⁷⁸ Там же, с. 55.
⁷⁹ Там же, с. 56.
⁸⁰ Воспроизводство населения СССР. М., 1983, с. 211. — Аналогичные данные зафиксированы и в США: в 1970 г. из 1000 существующих браков было прекращено 19,3 по причине овдовения и 15,2 — по причине юридического зарегистрированного развода (см.: Дэвис К. Указ. соч., с. 112).
⁸¹ См., например: Бадамян И. А. О дифференциации типов брака. — В кн.: Социальный и демографические аспекты исследования брака, семьи и репродуктивных установок: Всесоюзная научная конференция «Доходы и потребление семей». Ереван, 1983, с. 6.
⁸² Волков А. Г. Семья как фактор изменения демографической ситуации. — Социологические исследования, 1981, № 1, с. 38.
⁸³ См., например: Лупандин В. М. Семья и охрана психического здоровья населения. — В кн.: Семья и общество, с. 91—92.
⁸⁴ Бурова Н. С. Социология и право о разводе. Минск, 1979, с. 29.
⁸⁵ Goode W. Op. cit., p. 392.
⁸⁶ Чуйко Л. В. Браки и разводы, с. 139.
⁸⁷ Волков А. Г. Указ. соч., с. 39.
⁸⁸ Харчев А. Г., Мацковский М. С. Указ. соч., с. 114.

К главе III

- ¹ Воспроизводство населения СССР. М., 1983, с. 7—10.
² См., например: Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974. 183 с.; Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976. 247 с.; Рождаемость. М., 1976. 141 с.; Демографическое развитие семьи. М., 1980. 191 с.; Антонов А. И. Социология рождаемости. М., 1980. 270 с.; Бойко В. В. Малодетная семья. М., 1980. 231 с.; Вопросы воспроизводства населения и демографической политики. М., 1982. 206 с.
³ Дарский Л. Е. Проблемы изучения факторов рождаемости. — В кн.: Рождаемость, с. 3.
⁴ См., например: Борисов В. А. Перспективы рождаемости, с. 70; Гражданников Е. Д. Прогностические модели социально-демографических процессов. Новосибирск, 1974, с. 101.
⁵ Волков А. Г. О необходимости воздействия на рождаемость. — В кн.: Рождаемость, с. 40.
⁶ Подробнее об этом см.: Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982, с. 287.
⁷ «Если потребность отражает нужду индивида в необходимых для нормального его существования условиях, то индивидуальные потребности в детях не существует» (Эглице П. А. Иерархия потребностей и репродуктивное поведение. — В кн.: Проблемы уровня жизни и демография. Рига, 1979, с. 169).

- ⁸ Дарский Л. Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи. — В кн.: Демографическое развитие семьи, с. 91.
⁹ Там же, с. 123.
¹⁰ Борисов В. А. Перспективы рождаемости, с. 179.
¹¹ Магул В. С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л., 1983, с. 7.
¹² Антонов А. И. Социология рождаемости, с. 110, 112.
¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 718.
¹⁴ Бойко В. В. Малодетная семья, с. 48—49.
¹⁵ Там же, с. 49.
¹⁶ Там же, с. 51.
¹⁷ Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество, с. 164.
¹⁸ Там же, с. 165—169.
¹⁹ Вишневский А. Г. О мотивационной основе рождаемости. — В кн.: Демографическое развитие семьи, с. 129.
²⁰ Там же, с. 132—133.
²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 486.
²² Вишневский А. Г. О мотивационной основе рождаемости, с. 134—138.
²³ Поршнев Б. Ф. Функция выбора — основа личности. — В кн.: Проблемы личности: Материалы симпозиума. М., 1969, с. 345.
²⁴ Шлиндман Ш., Звидриньш П. Изучение рождаемости. М., 1973, с. 48—49; Чуйко Л. В. Браки и разводы. М., 1975, с. 108; Акинфиева Л. Социально-демографическое обследование населения Одесской области. — В кн.: Демографическая ситуация в СССР. М., 1976, с. 95.
²⁵ Ленинградские опросные данные не выявили зависимости желаемого супругами количества детей от реального количества детей, имевшихся у их родителей. Так, женщины, выросшие в одно- или двухдетных семьях, хотели бы иметь двух детей (модальная группа), из трех-пятидетных семей — трех детей; мужчины — независимо от количества детей в родительской семье — предпочитают в среднем трех детей.
²⁶ К слову сказать, 27% родителей обоих брачных партнеров имели трех и более детей.
²⁷ См., например: Киселева Г., Рылкова И. О мотивации ограничения рождаемости. — В кн.: Развитие населения. М., 1974, с. 55—71; Белова В. А. Число детей в семье. М., 1975, с. 175.
²⁸ Антонов А. И. Социология рождаемости, с. 124.
²⁹ См., например: Борисов В. А. Перспективы рождаемости, с. 105.
³⁰ См.: Тольц М. Характеристика некоторых компонентов рождаемости в большом городе. — В кн.: Демографический анализ рождаемости. М., 1974, с. 44—55.
³¹ Воспроизводство населения СССР, с. 282.
³² Алиакберова Н. М. Рождаемость в сельской семье. — В кн.: Демография семьи. Ташкент, 1980, с. 23.
³³ Здравоохранение Российской Федерации, 1967, № 1, с. 11.
³⁴ Есипов Н. С., Елемесова А. М. Некоторые проблемы развития казахской семьи. — В кн.: Современная семья. М., 1982, с. 86—87.
³⁵ См., например: Дарский Л. Е. Формирование семьи, с. 64;

Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР, с. 143; Вишневский А. Г. Демографическая революция, с. 178.

³⁸ По нашим данным, контроль над зачатием практиковали 88% супругов.

³⁷ Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 131—136; Шлиндман Ш., Звидриньш П. Указ. соч., с. 134—141.

³⁸ См. об этом: Фиалковский В. Биологический ритм плодотворности и регуляция рождаемости. Варшава, 1973, с. 157—168.

³⁹ Майзель Е. П. Клиника и терапия бесплодия женщины. Л., 1963, с. 7.

⁴⁰ Садвокасова Е. А. Роль аборта в осуществлении сознательного материнства в СССР. — В кн.: Изучение воспроизводства населения. М., 1968, с. 225.

⁴¹ На сопряженность образования и частоты, а также способов применения женщинами мер по предупреждению беременности указывают и зарубежные публикации. Так, по американским данным за 1965 г., из обследованных белых женщин в возрасте 18—39 лет пользовались мерами (любыми) по предупреждению беременности: 65% — окончивших начальную школу, около 80% — среднюю и 88% — колледж. Для предупреждения беременности пиллолями пользовались 9% женщин с начальным образованием, 16% — окончивших среднюю школу и от 19 до 22% — колледж (U. S. Bureau of Census Current Population Reports. Ser. P-23 No. 36, p. 52, 54; данные приводятся по кн.: Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР, с. 132—133).

⁴² Одним из важнейших факторов, определяющих частоту рождения недоношенных детей, является возраст матери. По мнению большинства специалистов, возможность преждевременных родов наиболее вероятна у женщин в возрасте до 19 и старше 40 лет. Напротив, самые низкие показатели недоношенности — у женщин от 20 до 30 лет (Сафонова Т. Я., Лепарский Е. А. Биологические предпосылки формирования частоты рождения недоношенных детей и детей с низкой массой. — Здравоохранение Российской Федерации, 1982, № 6, с. 9—13).

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 27.

⁴⁴ Чуйко Л. В. Браки и разводы, с. 171.

⁴⁵ См.: Фести П., Приу Ф. Разводы в Европе после 1950 г. — В кн.: Развод: Демографический аспект. М., 1979, с. 43—45.

⁴⁶ Хооз И. Влияние стабильности браков на брачную рождаемость. — Там же, с. 89.

⁴⁷ Там же, с. 107.

⁴⁸ Там же, с. 106.

⁴⁹ Борисов В. А. Перспективы рождаемости, с. 94.

⁵⁰ Сысенко В. А. Устойчивость брака. М., 1981, с. 106.

⁵¹ Там же, с. 107.

⁵² Киселева Г., Родзинская И. Влияние стабильного брака на рождаемость в крупных городах. — В кн.: Население СССР сегодня. М., 1982, с. 75.

⁵³ Там же, с. 82.

⁵⁴ Подробнее об этом см. § 4 гл. II данной работы.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 25—26.

⁵⁶ Подробнее об этом см.: Семенова Л. Н. Очерки по истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982, с. 118.

⁵⁷ Ариес Ф. Возрасты жизни. — В кн.: Философия и методология истории. М., 1977, с. 231.

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 83.

⁵⁹ Цит. по кн.: Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество, с. 193.

⁶⁰ Мацковский М. С., Дарский Л. Е., Атанасов А. Г. Семья и воспроизводство населения. — В кн.: Семья и общество / Отв. ред. А. Г. Харчев. М., 1982, гл. 2, с. 35.

⁶¹ Леванов Е. Е. Семейное воспитание: состояние и проблемы. — Социологические исследования, 1979, № 1, с. 115—118.

⁶² Гризицкас Ч. С., Мальярова Н. В. Социально-терапевтическая деятельность в области брачно-семейных отношений. — В кн.: Семья и общество, гл. 7, с. 102.

⁶³ Кон И. Возраст и общество. — Семья и школа, 1970, № 7, с. 34.

К заключению

¹ См., например: Мальярова Н. В. Особенности социологического анализа семейных конфликтов. — Социологические исследования, 1984, № 1, с. 18—27.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 337.

³ Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Формирование современной семьи	10
1. Трансформация семьи: социокультурный анализ	10
2. Ухаживание: возникновение и эволюция	17
3. Мотивы заключения брака	25
Глава II. Супружество	34
1. Удовлетворительное супружество — фактор стабилизации семьи (постановка проблемы)	34
2. Образ стабильного брака	41
3. Социально-психологические характеристики удовлетворенности браком	50
4. Ценности супружества	69
5. Перспективы развития семьи	88
Глава III. Социолого-демографические аспекты репродуктивного поведения	97
1. Потребность в детях и внутрисемейная регуляция рождаемости	97
2. Стабильность семьи и воспроизводство человека	112
Заключение	121
Примечания	123